

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES**

№ 3 (55)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2024**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д. А. главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
Северухин В. А. зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
Беляева О. А.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Борисова Н. Е.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Диноршоев А. М.	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
Дорская А. А.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Ефимова О. В.	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
Иларию Претелли	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
Мартыненко И. Э.	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
Мкртумян А. Ю.	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
Ростокинский А. В.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Рыбаков О. Ю.	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
Сауляк О. П.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Серова О. А.	доктор юридических наук, профессор (Псковский государственный университет)
Смирнов Л. Б.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Черногор Н. Н.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Честнов И. Л.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
Чурилов С. Н.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
Шевелева С. В.	доктор юридических наук, профессор (ЮЗГУ)
Безносикова О. И. ответственный редактор	

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Минеева Т. Г., Романовская В. Б.</i> Королевская власть и эволюция ее отношения к народным обычаям (на примере средневековой Франции)	7
<i>Власова Н. В.</i> Подходы к определению применимого права в трансграничных частноправовых отношениях: тенденции и векторы трансформации в условиях глобальных вызовов	14
<i>Рязанцева Е. А.</i> Гражданское право в правовой системе России: этапы эволюции	29

Публичное право

<i>Васильев И. А.</i> Классификация мер принуждения в спортивном праве.....	37
<i>Емелина Л. А., Яворский С. А.</i> Последствия применения брачного договора для сокрытия финансовых активов от кредиторов	48
<i>Матчанова З. Ш.</i> Цели международно-правовой ответственности: понятие и значение	60

Трибуна молодых ученых

<i>Кушко М. А.</i> Факторы изменения компетенции органов исполнительной власти в исторической ретроспективе и условиях современности.....	71
<i>Стебаев А. А.</i> Качество программного обеспечения как условие лицензионного договора	81
<i>Столярчук М. В.</i> Генезис правовой квалификации действий должника по сокрытию имущества с использованием третьих лиц	92

Критика. Рецензии. Библиография

Крупеня Е. М., Гаврилова Ю. В. Конституционализм в фокусе страноведческого подхода: опыт, состояние, перспективы (обзор Международной конференции «Белорусский конституционализм: теория и практика (к 30-летию Конституции Республики Беларусь)» (Республика Беларусь, Минск, 5–6 марта 2024 г.))..... 106

Научная жизнь

Борисова Н. Е., Пашенцева С. В. IV Международный историко-правовой конгресс «Научное наследие Серафима Владимировича Юшкова» 115

**Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки»,
2024, № 3 (55)..... 121**

Требования к оформлению статей..... 125

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

- Mineeva T. G., Romanovskaya V. B.* Royal power and the evolution of its relation to folk customs (using the example of medieval France)..... 7
- Vlasova N. V.* Approaches to the definition of applicable law in cross-border private law relations: trends and vectors of transformation in the context of global challenges 14
- Ryazantseva E. A.* Civil law in the Russian legal system: stages of evolution 29

Public Law

- Vasiliev I. A.* Classification of Coercive Measures in Sports Law 37
- Emelina L. A., Yavorsky S. A.* The Consequences of Using a Prenuptial Agreement to Hide Financial Assets from Creditors 48
- Matchanova Z. Sh.* Objectives of International Legal Responsibility: Concept and Meaning 60

Tribune of Young Scientists

- Kushko M. A.* Factors of Change in Competence of Federal Executive Bodies in Historical Retrospective and in Modern Conditions 71
- Stebaev A. A.* Quality of Software as a Condition of License Agreement 81
- Stolyarchuk M. V.* The Genesis of the Legal Qualification of the Debtor's Actions to Conceal Property Using Third Parties 92

Critical Surveys. Reviews. Bibliography

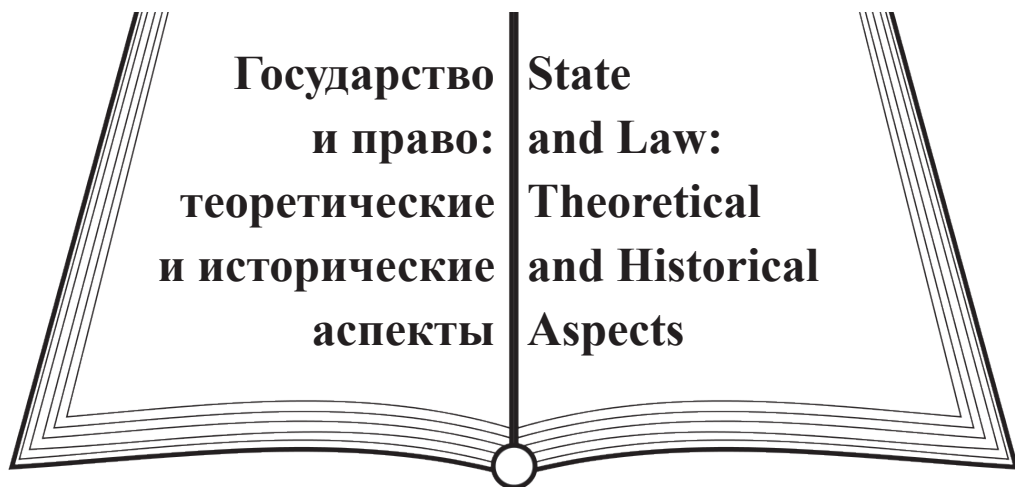
- Krupenya E. M., Gavrilova Yu. V.* Constitutionalism in the focus of regional studies development: experience, state, prospects (review of the international conference “Belarusian constitutionalism: theory and practice (on the 30th anniversary of the Constitution of the Republic of Belarus)” (Republic of Belarus, Minsk, March 5–6, 2024)) 106

Scientific Life

- Borisova N. E., Pashentseva S. V.* IV International Historical and Legal Congress “Scientific Heritage of Seraphim Vladimirovich Yushkov” 115

**Authors of the MCU Journal of Legal Sciences,
2024, № 3 (55)**

- Requirements for Style Articles 125



УДК 34.096

Т. Г. Минеева

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация,
t.mineeva@yandex.ru

В. Б. Романовская

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация,
vera_borisovna@mail.ru

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ ЕЕ ОТНОШЕНИЯ К НАРОДНЫМ ОБЫЧАЯМ (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ)

Аннотация. В статье раскрывается изменение соотношения обычаев и актов королевской власти, применяемых в судах, в период Средневековья. В раннем Средневековье обычаи являлись основным источником права, особенно в Северной Франции. В XIII веке по распоряжению короля Людовика IX Святого французские юристы обратили пристальное внимание на систематизацию правовых обычаев с целью составления сборников обычного права и сопоставления правовых обычаев с позитивным королевским правом. В статье используется метод анализа юридического текста и проблемно-исторический анализ. Авторы приводят периодизацию существования правового обычая, согласно которой на период Средневековья приходится схоластическая переработка древних источников канонического и римского права. Отмечено, что короли Франции первоначально положительно относились к сохранению правовых обычаев в регионах, однако по мере укрепления центральной власти пришли к выводу

о необходимости систематизации обычного права. Таким образом, соотношение власти и народного обычая эволюционировало от применения в судах преимущественно обычного права в период раннего Средневековья к сосуществованию одновременно и обычаев, и королевских ордонансов в период высокого Средневековья и доминированию королевского законодательства и переработке под интересы государственной власти в позднее Средневековье.

Ключевые слова: правовые обычаи; королевские ордонансы; частные компиляции; французское средневековое право.

UDC 34.096

T. G. Mineeva

Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation,
t.mineeva@yandex.ru

V. B. Romanovskaya

Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod, Russian Federation,
vera_borisovna@mail.ru

ROYAL POWER AND THE EVOLUTION OF ITS RELATION TO FOLK CUSTOMS (USING THE EXAMPLE OF MEDIEVAL FRANCE)

Abstract. The article reveals the change in the ratio of customs and acts of royal authority used in the courts during the Middle Ages. In the early Middle Ages, customs were the main source of law, especially in Northern France. In the 13th century, by order of King Louis IX of France, French lawyers paid close attention to the systematization of legal customs in order to compile collections of customary law and compare legal customs with positive royal law. The article uses the method of analyzing the legal text and problem-historical analysis. The authors cite the periodization of the existence of legal custom, according to which the scholastic processing of ancient sources of canon and Roman law falls during the Middle Ages. It is noted that the kings of France initially had a positive attitude towards the preservation of legal customs in the regions, but as the central government strengthened, they came to the conclusion that it was necessary to systematize customary law. Thus, the relationship between power and popular custom evolved from the application of predominantly common law in the courts in the early Middle Ages to the coexistence of both custom and royal ordinances in the high Middle Ages and the dominance of royal legislation and its adaptation to the interests of state power in the late Middle Ages.

Keywords: legal customs; royal ordinances; private compilations; French medieval law.

Введение

Одной из важных особенностей средневековой Франции являлась множественность источников права, так называемый партикуляризм права, регулирующего разнообразные стороны общественных отношений. Среди этого множества самым главным вплоть до периода высокого Средневековья являлись обычаи (*фр.* coutumes). Они продолжали соблюдаться и позднее, вплетаясь в правовую систему наряду с другими и конкурируя с властными решениями короля — его ордонансами. Как французские короли воспринимали эту условную конкуренцию, видели ли они противоречия в решениях судов, основанных на обычном праве, с решениями, опирающимися на королевское законодательство, как пытались примирить обычаи и государственно-властные постановления — эти вопросы требуют осмысления, поскольку имеют непреходящую актуальность и сегодня.

Основное исследование

Традиционно считается, что распространение рецепированного римского права и сохранение правовых обычаев в средневековой Франции привело к тому, что государство с точки зрения формирования систем права оказалось разделено на две части: северо-западную, где сохраняли свое господство обычаи, вначале неписанные, а позже зафиксированные, и юго-восточную, где закрепилось писаное право, основанное на римской традиции.

С одной стороны, обычай — это спонтанное проявление народного права, народной мудрости и целесообразности. С другой стороны, для исследователей это поле для научной юридической полемики об источниках права, категория, выделенная в противовес писаному праву, представленному в качестве парадигмы всякой законности. В истории западной юридической мысли данная концепция развивалась в три ключевых этапа — соответственно, античный, средневековый и современный, три эпохи, дискурсивные слои которых переплетались и маскировали свои противоречия.

Первый этап можно сопоставить со временем распространения латинской риторики, которая развивала категорию обычая как фигуры неписаного закона и понимала его как несовершенную копию писаного закона, говорящую языком римских юридических текстов, долгое время сопротивлявшихся этой конструкции. В конце данного этапа было создано законодательство Римской империи. Второй этап, начавшийся в Средневековье, соответствует схоластической переработке древних источников канонического и римского права. Схоластическая эпоха стала свидетелем как установления догматического определения обычая, так и его применения в судебной практике администраторами христианской церкви и развивающегося государства. В этом случае обычное право становится инструментом правового регулирования. Его кристаллизация отражает

не столько появление уже существующего с незапамятных времен, сколько плод деятельности государственного административного и судебного аппарата. Наконец, позже наступает третий этап процесса, который привел к закреплению обычая в его современном представлении и был обусловлен влиянием юридического историзма немецкой школы начала XIX века. Подчинив построение своего исторического знания перспективам правовой политики, этот этап делает обычай обязательным элементом становления любой правовой системы.

Усиление королевской власти в период высокого Средневековья привело к росту королевских ордонансов и их юридической силы. В тот же период происходил процесс записи обычаев в разных частях страны, провинциях, баляжах, составлялись частные компиляции, которые были лишены единства во взглядах на право, проникнуты субъективными соображениями составителей, полны пробелов и далеко не отражали интересы всех местностей Франции. Многочисленные частные сборники обычаев не удовлетворяли потребности в четком и ясном правовом регулировании. В этом смысле королевские ордонансы имели колоссальное преимущество — они признавались на территории всего королевства и имели императивный характер.

В Средние века характер местной и спонтанной унификации обычаев и законодательства никогда не рассматривался как процесс политического объединения, как раз наоборот: короли уважали обычай и правовую автономию своих новых приобретений, оставляли обычаю в своих владениях свободу и спонтанность. При этом королям Франции иногда было выгоднее ссылаться на обычай того или иного региона [5, с. 182].

Предполагается, что до реформы права, проведенной Ж.-Б. Кольбером при Людовике XIV, во Франции действовало несколько мелких правовых систем, противоречия которых во многом осложняли жизнь купцов, путешественников и других людей, которые перемещались по дорогам государства [3, с. 127].

Однако было бы неверно думать, что королевская власть во Франции постоянно придерживалась преднамеренного невмешательства в сферу обычного права. К концу Средневековья все чаще начинают проявляться попытки привести правовые обычаи в соответствие с позитивным правом Франции. При этом использовался принцип: «Волю Господа в своем царстве исправляет царь» (*лат.* *Voluntas domini regis in suo regno facit*) [6]. Уже при Людовике IX проводится реформа права, которая должна была упорядочить ситуацию с правовыми обычаями [2, с. 63]. Для этого в отдельных регионах создавались комиссии для собрания, анализа и обобщения норм обычного права.

Ф. Оливье-Мартен оценивает эти меры как доказательство того, что «король до конца уважал права жителей городов и страны устанавливать обычаи, договорившись между собой. Он только хотел разрешить редакцию этих статей. Народ провинций, уважающий законы, подчиняющийся разуму и, прежде всего, достигнув гармонии между ними, полностью контролирует установление закона, который им управляет». Переработка обычаев «ни в коей мере не изменила бы природу обычного права» [12].

Тем не менее королевским комиссарам с 1496 года было поручено «посещать и осматривать таможни», руководить изданием сборников обычаев на месте с полными полномочиями «отменять их, исправить, добавить, уменьшить или интерпретировать» [7, с. 51–52, 90, 115]. Эти члены комиссии «являются людьми, хорошо осведомленными о праве, и имеют авторитет... Они представляют короля: их личное участие велико. Но они не могут навязать свое мировоззрение жителям» [11, с. 112].

Однако было другое мнение. Юрист Рене Шоппен полагал, что «вновь реформированные обычаи, которые мы рассматриваем, скорее законы и приказы комиссаров, направленные на реформирование правовых обычаев, а не древние уставы обычаев провинций» [9, с. 39].

При этом отмечается сильный протест населения против методов комиссаров, реальный процесс установления местного законодательства раскрывает полное господство агентов власти [9, с. 94]. В источниках мы видим полномочия «отменить, исправить, добавить, сократить или интерпретировать», это показывает полную свободу маневра членов комиссии. По сути, это средневековый юридический термин «полная королевская власть» (*лат.* *plena potestas regia*), заимствованный из канонического права. Канонические сборники права очень рано зафиксировали почитаемый Святыми Отцами принцип: «Обычаи должны уступать истине». Обычай, соответствующий истине, — это тот, который никак не противоречит авторитету Священного Писания. Разумным является обычай, «одобренный законом и который Римская церковь наблюдает и приказывает наблюдать» [8, с. 51]. Любой обычай, который считается противоречащим истине, разуму, закону или даже полезности общественному или естественному благу, можно квалифицировать как недоразумение и осудить.

Во французской монархии позднего Средневековья сформировалось мнение, что суверенитет провозглашается как по отношению к внешним державам, так и по отношению к внутренним институтам. Идея превосходства королевской власти утверждает себя и распространяется без каких-либо ограничений как официальная догма о том, что нет ни правового обычая, ни позитивного права, ни римского права, ни канонического права, которое связывало бы монарха. Правда, Филипп де Бомануар писал, что король обязан соблюдать кутюмы и следить за тем, чтобы обычаи его королевства соблюдались [1]. Людовик Святой, по словам Жоффруа де Больё, ясно дал понять это своему сыну: «Сохраняйте хорошие обычаи своего королевства и отвергайте плохие» [10, с. 4].

Заметим, что процесс систематизации правовых обычаев привел к выявлению дурных обычаев, которые требовалось ликвидировать. Признаками дурного обычая считали его противоречивость, иррациональность. К таким обычаям были отнесены также нормы обычного права, поддерживавшие особый правовой статус феодальной знати. Подобные изменения целиком соответствовали усилению центральной власти. Из обзора официально отмеченных между XII и XIV веками обычаев становится понятно, что критерий плохого обычая состоял в его иррациональности [11]. Однако отменяемые

обычаи не всегда носили чисто местный или явно раздражающий характер. С отменой Людовиком IX судебного поединка 9 января 1303 года, а также указом, запрещающим частные войны, не только обширный раздел феодального права подпал под положение о дурном обычае, но и укрепился новый процессуальный режим. Состязательный процесс был заменен инквизиционным и, следовательно, способствующим росту роли королевского судьи, что как раз имело место во Франции XIII века [4, с. 88].

Результаты исследования

Проведенный анализ источников показывает очевидное желание короны продвигать такой государственно-правовой порядок, при котором субъекты права должны быть, с одной стороны, лучше защищены, с другой — более предсказуемы, а их ответственность должна стать более определенной и осознанной. Таким образом, утверждается могущество государственной власти, которая в лице короля имеет миссию привести обычные нормы в соответствие тем, которые он все чаще принимал самостоятельно.

Список источников

1. Бомануар Ф. Кутюмы Бовези // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. С. 579–599.
2. Лысенко О. Л. Кутюмы Бовези в системе источников права средневековой Франции XIII в. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 1. С. 62–88.
3. Рекош К. Х. Дискурс обычая в праве Франции // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2017. № 2 (8). С. 124–133.
4. Фесик П. Ю. Основные тенденции развития состязательной и инквизиционной форм судебного процесса в исторической парадигме: к поиску идеального судебного процесса // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 85–97.
5. Carbasse J.-M. Introduction historique au droit. Paris: Presses Universitaires de France (Droit fondamental), 1998. 722 p.
6. El dretcomú/Catalunya. Actes/del VII Simposi Internacional / éd. A. Iglesia Ferreirós. Barcelone, 1998. P. 59–89.
7. Filhol R. Le premier president Christophle de Thou et la réformation des coutumes. Paris, 1937. 334 p.
8. Gaudemet J. La coutume au Bas-Empire. Rôle pratique et notion théorique // Labeo. 1956. № 2. P. 147–159.
9. Gaurier D. La revendication d'un droit national contre le droit romain. Droit romain et identité européenne // Revue Internationale des Droits de l'Antiquité, supplement. 1994. T. 41. P. 29–47.
10. Krynen J. Entre science juridique et dirigisme: le glas médiéval de la coutume // Cahiers de recherches médiévales et humanistes. 2000. № 7. P. 1–15.

11. Olivier-Martin F. Le roi de France et les mauvaises coutumes au Moyen Âge // Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte. 1938. Vol. 58, № 1. P. 108–137.
12. Olivier-Martin F. Les lois du roi // Les Cours de Droit. Paris, 1988. P. 73–79.

References

1. Bomanar F. Kutymy` Bovezi // Xrestomatiya pamyatnikov feodal`nogo gosudarstva i prava stran Evropy`. M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo yuridicheskoy literatury`, 1961. S. 579–599.
2. Ly`senko O. L. Kutymy` Bovezi v sisteme istochnikov prava srednevekovoy Francii XIII v. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2013. № 1. S. 62–88.
3. Rekosh K. X. Diskurs oby`chaya v prave Francii // Vestnik RGGU. Seriya «E`konomika. Upravlenie. Pravo». 2017. № 2 (8). S. 124–133.
4. Fesik P. Yu. Osnovny`e tendencii razvitiya sostyazatel`noj i inkvizicionnoj form sudebnogo processa v istoricheskoy paradigme: k poisku ideal`nogo sudebnogo processa // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2023. T. 19. № 4. S. 85–97.
5. Carbasse J.-M. Introduction historique au droit. Paris: Presses Universitaires de France (Droit fondamental), 1998. 722 p.
6. El dretcomú/Catalunya. Actes/del VII Simposi Internacional / éd. A. Iglesia Ferreirós. Barcelone, 1998. P. 59–89.
7. Filhol R. Le premier president Christophle de Thou et la réformation des coutumes. Paris, 1937. 334 p.
8. Gaudemet J. La coutume au Bas-Empire. Rôle pratique et notion théorique // Labeo. 1956. № 2. P. 147–159.
9. Gaurier D. La revendication d'un droit national contre le droit romain. Droit romain et identité européenne // Revue Internationale des Droits de l'Antiquité, supplement. 1994. T. 41. P. 29–47.
10. Krynen J. Entre science juridique et dirigisme: le glas médiéval de la coutume // Cahiers de recherches médiévales et humanistes. 2000. № 7. P. 1–15.
11. Olivier-Martin F. Le roi de France et les mauvaises coutumes au Moyen Âge // Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte. 1938. Vol. 58, № 1. P. 108–137.
12. Olivier-Martin F. Les lois du roi // Les Cours de Droit. Paris, 1988. P. 73–79.

Статья поступила в редакцию: 01.05.2024;
одобрена после рецензирования: 07.05.2024;
принята к публикации: 09.05.2024.

The article was submitted: 01.05.2024;
approved after reviewing: 07.05.2024;
accepted for publication: 09.05.2024.

УДК 341.9

Н. В. Власова

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
natasha.vlasova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-4143>

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ТЕНДЕНЦИИ И ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. Трансграничные частноправовые отношения в последние годы оказались в немалой степени затронуты санкционными ограничениями, вводимыми одной группой государств против конкретных стран, включая Россию. Технологический вектор развития международного частного права обуславливает структурную и содержательную трансформацию последнего. Исследование нацелено на выявление тенденций и векторов трансформации подходов к решению коллизионного вопроса и формирование оптимальной модели определения применимого права в условиях глобальных вызовов. Анализируются вопросы определения источников коллизионных норм, проблемы юридической квалификации, реализации автономии воли, норм непосредственного применения, оговорки о публичном порядке. Излагаются выводы о необходимости усиления публичных нормообразующих факторов при определении наиболее эффективного способа формулирования коллизионных норм, увеличении компонента интересов правопорядка в коллизионных факторах формирования норм о применимом праве, а также о перспективных путях развития единообразного коллизионного регулирования в СНГ, ЕАЭС, БРИКС.

Ключевые слова: коллизионная норма; иностранный элемент; кодификация международного частного права; квалификация; применимое право; автономия воли; сверхимперативные нормы; публичный порядок; глобальные вызовы; санкции.

UDC 341.9

N. V. Vlasova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
natasha.vlasova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8167-4143>

**APPROACHES TO THE DEFINITION
OF APPLICABLE LAW IN CROSS-BORDER
PRIVATE LAW RELATIONS:
TRENDS AND VECTORS OF TRANSFORMATION
IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES**

Abstract. In recent years, cross-border private law relations have been largely affected by sanctions restrictions imposed by one group of states against specific countries, including Russia. The technological vector of development of private international law determines the structural and substantive transformation of the latter. The research is aimed at identifying trends and vectors of transformation of approaches of resolving the conflict of laws issues and forming an optimal model of determining applicable law in the context of global challenges. The issues of determining the sources of conflict of laws rules, problems of legal qualification, the implementation of the autonomy of the will, overriding rules, public policy clause are analyzed. The conclusions are presented on the need to strengthen public norm-forming factors in determining of the most effective way to formulate conflict of laws rules, increasing the component of the interests of public order in the conflict of laws factors of the formation of norms on applicable law, as well as on promising ways to develop uniform conflict regulation in the CIS, EAEU, BRICS.

Keywords: conflict of laws rule; foreign element; codification of private international law; qualification; applicable law; autonomy of will; overriding rules; public order; global challenges; sanctions.

Введение

В условиях введения недружественными государствами санкций в отношении Российской Федерации, ее граждан и организаций отечественная наука международного частного права (далее — МЧП) оказалась в ситуации неопределенности путей своего дальнейшего развития, когда трансграничный оборот со многими прежде постоянными иностранными партнерами практически прекращен, а формировавшиеся веками и казавшиеся неизблемыми классические принципы частного права (формальное равенство субъектов, неприкосновенность собственности, свобода договора), которые ранее неукоснительно соблюдались, теперь в одностороннем порядке грубо нарушаются. Неслучайно в рамках одного из тематических блоков XII Петербургского международного юридического форума – 2024 предусмотрено обсуждение вопроса «Международное (нес)частное право: как односторонние ограничения

меняют МЧП»¹. Вместе с тем тенденции формирования многополярного мира, поворота на Восток, на пространство БРИКС, ШОС, ЕАЭС, усиления стратегических связей с партнерами из нейтральных и дружественных государств обуславливают появление новых долгосрочных векторов развития МЧП.

Другой немаловажный фактор динамики современного социального, в том числе правового, пространства — цифровизация (и даже шире — технологизация) — ставит на повестку дня вопросы трансформации форм международных хозяйственных связей, инструментария коллизионного регулирования новых и видоизменяющихся частноправовых отношений с иностранным элементом, «формирования новых статуты и изменения функционала существующих» [11, с. 240–263]. Возникают новейшие трансграничные общественные отношения, реализуемые с применением цифровых технологий. Новыми акторами внешнеэкономического пространства становятся цифровые платформы [9; 15; 16]. Резонно ставится вопрос о возможности адаптации традиционных регуляторов трансграничных частноправовых отношений к их так называемому цифровому элементу либо о разработке новых норм, регламентирующих осуществление трансграничных связей с применением цифровых технологий.

Названные и иные факторы современного цивилизационного развития требуют обновления доктрины отечественного коллизионного права в направлении учета интересов российских граждан, общества и государства, обеспечения национальной безопасности в условиях глобальных вызовов.

Основное исследование

Источники коллизионных норм: общие подходы, ориентир для арбитражных институтов, проблемы кодификации и унификации

Круг источников, определяющих при решении коллизионного вопроса применимое право, закреплен в ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)². Несмотря на охват предметом МЧП трудовых отношений с иностранным элементом, Трудовой кодекс Российской Федерации (далее — ТК РФ)³ не содержит коллизионных норм, не предусматривая даже возможность субсидиарного применения положений раздела VI Гражданского кодекса Российской Федерации к таким отношениям. Существование пробелов в коллизионном регулировании отдельных отношений, наряду с некоторыми

¹ Архитектура программы XII Петербургского международного юридического форума [Электронный ресурс]. URL: https://legalforum.content.rcmedia.ru/upload/docs/2024/programme/Архитектура_программы_ПМЮФ_2305.pdf (дата обращения: 02.05.2024).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

противоречиями действующего законодательства и дублированием коллизионных норм общего плана, актуализирует вопрос о кодификации законодательства о МЧП в форме специального закона, куда могли бы войти принципы и общие положения МЧП [11, с. 247].

Сфера и условия применения международных конвенций устанавливаются в их положениях. Одним из таковых является принадлежность участников соответствующего отношения (в ряде случаев — территорий) к государству, ратифицировавшему конвенцию, другим — наличие в отношениях иностранного элемента, который, как правило, определяется не через традиционную триаду «субъект – объект – юридический факт». В транспортных конвенциях он обуславливается нахождением места отправления и места назначения в разных государствах, не придается значения месту жительства или государственной принадлежности сторон. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года⁴ критерием своей применимости к такому договору считает нахождение места основной деятельности контрагента.

В связи со сказанным сложно согласиться с предложением о восполнении пробела в ГК РФ относительно исчерпывающего определения понятия «иностраннный элемент» за счет легального обозначения в качестве элемента последнего юридического факта, имевшего место за рубежом [6, с. 84]. Открытый перечень иностранных элементов в п. 1 ст. 1186 ГК РФ позволяет учесть все возможное многообразие характеристик отношений, имеющих связь более чем с одним государством.

Либерализация подходов к порядку решения коллизионного вопроса международным коммерческим арбитражем (от ориентации на *lex loci arbitrii* до обращения к коллизионным нормам, которые арбитры сочтут применимыми⁵) послужила отправной точкой для расширения свободы усмотрения арбитров в вопросах определения применимого права, в частности в направлении санкционирования непосредственного применения арбитражем норм материального права, которые он сочтет надлежащими (*фр. voie directe*)⁶ [3]. Иными словами, *voie directe* является, с одной стороны, наиболее гибким подходом в решении коллизионного вопроса арбитражем (хотя и не лишенным целого ряда недостатков, основным из которых является непредсказуемость правового регулирования), отражающим специфику трансграничного оборота, с другой — оставляющим обращение к коллизионным нормам прерогативой исключительно государственного суда. Вместе с тем следует иметь в виду,

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9010417> (дата обращения: 02.05.2024).

⁵ О международном коммерческом арбитраже: Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 // Российская газета. 1993. № 156. Ст. 28. П. 2.

⁶ Такой подход отражен в законодательстве Германии, Индии, Нидерландов, Франции, Швейцарии, арбитражных регламентах популярных арбитражных центров (Международный арбитражный суд Международной торговой палаты, Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма, Гонконгский, а также Сингапурский международный арбитражный центр и др.).

что такой подход, реализуемый при рассмотрении спора с участием российских лиц, может повлечь риски злоупотребления арбитражем в умышленном подчинении таких отношений «недружественному» праву, не отражающему интересы российских граждан, организаций и государства в условиях действия санкционных ограничений.

Создание единообразного международного коллизионного регулирования трансграничных частнопроводных отношений сложно считать достаточно успешным. Эти вопросы долгое время были предметом деятельности Гаагской конференции по МЧП, под эгидой которой было заключено несколько коллизионных конвенций разной степени популярности. Вместе с тем сколько-нибудь существенное распространение получили те из них, что определяют применимое право в семейных и наследственных отношениях, тогда как коллизионные вопросы вещных прав, договорных и внедоговорных обязательств либо в меньшей степени служили объектом унификации, либо повлекли малое число ратификаций. Более значительными в предметном и количественном выражении являются результаты региональной унификации коллизионных норм в европейском и латиноамериканском правовом пространстве.

Тренд на регионализацию, вносящий коррективы в доминирующие прежде глобализационные процессы, заставляет задуматься о создании эффективного правового регулирования в рамках интеграционных объединений, участницей которых является Россия.

В рамках СНГ единообразные коллизионные нормы сосредоточены в трех основополагающих международных соглашениях⁷, а также в модельных законах⁸. Жесткие коллизионные нормы Минской и Кишиневской конвенций, Киевского соглашения не соответствуют современным тенденциям коллизионного регулирования различного рода отношений, составляющих предмет МЧП, не учитывают локализацию, характер и содержание соответствующих

⁷ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в Минске 22 января 1993 года // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1472; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в Кишиневе 7 октября 2002 года // Собрание законодательства РФ. 2023. № 30. Ст. 5501; Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: заключено в Киеве 20 марта 1992 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1597/ (дата обращения: 02.05.2024).

⁸ Первым и основным среди них стала Модель Гражданского кодекса для стран СНГ (часть третья) 2003 г. (см.: Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2003. № 31). Практика принятия современных модельных законов в рамках СНГ идет по пути объединения в одном документе материально-правовых и коллизионных норм (модельные законы 2023 года: о цифровой трансформации сферы услуг государств – участников СНГ (URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1112), о цифровых финансовых активах (URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1113), о защите прав потребителей (URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1121), об обязательствах вследствие неосновательного обогащения и действий в чужом интересе без поручения (URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1123).

обязательств, а также расширение сферы применения автономии воли⁹. Однако и законодательство о МЧП стран СНГ оперирует необновленными правилами, в частности в отношении формы сделки, статуса внешних отношений представительства, а применительно к внедоговорным обязательствам не учитывает намерения их сторон по выбору применимого права, который допускается во многих правопорядках, включая Россию. Большой гибкостью и диспозитивностью обладает определение формы сделки по *lex causae* в качестве генеральной привязки, тогда как место ее совершения, доминирующее сейчас в качестве формулы прикрепления в конвенциональном и национальном правовом пространстве СНГ, целесообразно закреплять в качестве альтернативной привязки субсидиарного характера.

В контексте обеспечения определенности в вопросе отыскания компетентного правопорядка в правовом пространстве евразийской интеграции, на наш взгляд, требуется совершенствование действующего коллизионно-правового регулирования как по обозначенным, так и по иным позициям. Альтернативным вариантом могло бы стать создание рекомендательного коллизионного регулирования — модельного закона о МЧП, включающего основанные на обновленном в 2013 году российском законодательстве о МЧП, лучших зарубежных законодательных решениях, коллизионных конвенциях и наднациональных регуляторах современные нормы, отвечающие тенденциям усиления принципа автономии воли — в том числе во внедоговорных обязательствах, — расширения статуса отдельных отношений, закрепления специальных коллизионных привязок для ряда отношений. Примером может служить Предварительный проект типового закона о МЧП OHADAC (сокр. от *фр.* Organization pour l'Harmonisation du Droit des Affaires en les Caraïbes — Организация по гармонизации коммерческого права в Карибском бассейне)¹⁰. Целесообразным представляется не дробление коллизионных норм и распределение их в модельных законах, посвященных отдельным видам частноправовых отношений, а объединение коллизионных норм в едином документе.

Идея унификации коллизионного регулирования поддерживается в доктрине, где предлагается пойти еще дальше и осуществить общую унификацию в форме международного договора, содержащего общие и специальные принципы коллизионно-правового регулирования, единые подходы к применению коллизионных норм и их ограничений [14, с. 53]. Но если идея всеобщего универсального международного договора едва ли выглядит осуществимой,

⁹ В этих документах форма сделки, права и обязанности сторон по ней определяются по законодательству места ее совершения; права и обязанности сторон по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, — по законодательству государства, где имело место причинение вреда; форма и срок действия доверенности — по законодательству страны места ее выдачи.

¹⁰ Draft OHADAC Model Law Relating to Private International Law [Electronic resource]. URL: <https://www.ohadac.com/textes/5/avant-projet-loi-modele-ohadac-relative-au-droit-international-prive.html> (accessed: 02.05.2024).

учитывая в том числе специфику современного международного пространства, а также стандартно длительное согласование воле государств на выработку тех или иных коллизионных подходов, которые потенциально будут ограничивать их суверенитет и публичные интересы, то разработка соответствующего акта в условиях региональных интеграционных объединений — при необходимости в форме рекомендательного акта — представляется более реальной.

Унификационные процессы в сфере коллизионного регулирования в рамках сложившегося правового пространства СНГ и ЕАЭС, появление новых моделей организации межгосударственного сотрудничества, усиление потенциала БРИКС, демонстрирующего очевидные тенденции к расширению, а также тот факт, что право БРИКС находится в начальной стадии своего формирования, выступают факторами активизации компаративистского подхода в изучении особенностей законодательства о МЧП стран, входящих и планирующих присоединиться к БРИКС.

***Прыжок в неизвестность:
проблемы предварительной квалификации
и установления содержания иностранного права***

Обращение к национальному праву иностранного государства порождает ряд проблем, начиная с прыжка в неизвестность [8, с. 45], то есть квалификации юридических понятий, определения применимого права и установления содержания норм иностранного права, если подлежащим применению окажется оно (при этом необходимо учитывать, что неправильное применение права судом влечет негативные последствия в виде отмены судебного решения), и заканчивая применением оговорки о публичном порядке и действием норм непосредственного применения.

Вопросы предварительной квалификации имеют первостепенное значение в определении права, применимого к отношениям, неизвестным правопорядку государства, суд которого рассматривает трансграничный спор, или известным, но имеющим иную правовую природу и содержание.

Хрестоматийным примером здесь является исковая давность, определяемая в зависимости от конкретного правопорядка либо как материально-правовой, либо как процессуальный институт. ГК РФ напрямую подчиняет вопросы квалификации исковой давности *lex causae* (ст. 1208), а принадлежность имущества к недвижимым или движимым вещам — *lex rei sitae* (ст. 1205, 1205.1). В остальных случаях предварительная квалификация осуществляется по общему правилу в соответствии с *lex fori*.

Другой пример — конкуренция внедоговорных требований, квалификация которых как деликтных либо кондикционных, деликтов и преддоговорной ответственности, кондикции и действий в чужом интересе без поручения непосредственным образом влияет на их коллизионное регулирование и, следовательно, может привести к разным материально-правовым результатам разрешения спора

[7, с. 95]. Однако предлагаемое решение этой проблемы — выбор применимого права, который должен помочь избежать обращения к объективным коллизионным привязкам, — представляется не вполне подходящим, ввиду того что суду, очевидно, потребуется подтвердить допустимость автономии воли в соответствующих отношениях, что потребует их предварительной квалификации.

Трудности в многообразии потенциальных квалификаций имеющего комплексный характер трансграничного дистрибьюторского договора также усложняют определение применимого к нему права. Однако помимо предпосылки для решения коллизионного вопроса юридическая квалификация этого договора обуславливает применение к нему в ряде случаев свехимперативных норм (например, если он будет квалифицирован как агентский договор, условия об исключительности которого в силу п. 3 ст. 1007 ГК РФ¹¹ являются ничтожными).

Автономная квалификация как альтернатива широко применяемым квалификациям по *lex fori* и *lex causae* предполагает установление общих универсальных правовых концепций и принципов, применимых абсолютно ко всем правопорядкам [5, с. 42–43]. Эта доктрина, сформулированная Э. Рабелем, в силу своей сложности и малой осуществимости едва ли могла быть воспринята в законодательстве о МЧП, вместе с тем справедливо и то, что суд может «исходить из обобщенного толкования юридических понятий» [5, с. 43], что неоднократно демонстрировали российские арбитражные суды, признававшие неизвестные им иностранные правовые институты исходя из общих правовых стандартов¹².

Установление содержания норм применимого иностранного права тоже не лишено определенных барьеров. Как справедливо замечает М. В. Мажорина, рассматривая отдельные институты МЧП через призму искусства, отсылка коллизионной нормы к иностранному праву для судьи «может оказаться сродни блужданию по темному лабиринту» [8, с. 45–46]. Кроме того, внутрисударственное право часто не учитывает специфику трансграничного оборота, «может оказаться „враждебным“ по отношению к иностранцам, непредсказуемым, не соответствующим разумным ожиданиям сторон» [8, с. 46].

Сказанное позволяет еще раз подчеркнуть вплетение компаративистской методологии в нормативно-правовую и правореализационную ткань МЧП, где методы сравнительного правоведения задействованы не только в области собственно анализа и сопоставления законодательных актов о МЧП разных стран, но и в сфере тщательного изучения иностранного гражданского, семейного, трудового права в качестве потенциально применимого к частнопра-

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

¹² См.: Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 26.02.2013 № 156 (далее — информационное письмо Президиума ВАС РФ № 156). П. 5, 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/arbitration/17499/> (дата обращения: 02.05.2024).

вовым отношениям с иностранным элементом. Сохраняет свою актуальность и рекомендация для сторон и их представителей четкого и выверенного предварительного согласования известного им правопорядка.

***Автономия воли:
краеугольный принцип коллизионного права
или предел действия коллизионных норм?***

Автономия воли претендует на роль основополагающего института коллизионного права, принципа коллизионного права, начала регламентации уже не только договорных, но и внедоговорных обязательств, вещных прав, брачно-семейных отношений с иностранным элементом. Такое ее значение обосновывается в доктрине и подкрепляется положениями коллизионных конвенций и наднациональных регуляторов, нормами действующего законодательства о МЧП большого числа государств, включая Россию.

Опубликование Гаагской конференцией по МЧП в 2015 г. Принципов о выборе права в международных коммерческих контрактах (далее — Принципы)¹³ открыло новый этап в эволюции автономии воли. Помимо того, что коллизионные нормы впервые были установлены в негосударственном источнике (хотя прерогативой санкционирования действия иностранных частноправовых норм в пределах своей национальной юрисдикции обладает только государство), Принципы в ст. 3 прямо закрепили допустимость выбора сторонами указанных контрактов вненациональных регуляторов.

Положения ГК РФ о подразумеваемом выборе права, конкретизированные Пленумом Верховного суда Российской Федерации (далее — ВС РФ)¹⁴, в совокупности с допустимостью альтернативного (условного) выбора права, распространением положений п. 1–3 и 5 ст. 1210 ГК РФ на отношения, не основанные на договоре, и разрешенным выбором права во внедоговорных отношениях позволяют сделать вывод о категоризации автономии воли в качестве своеобразного предварительного предела действия коллизионных норм, целесообразность обращения к которым суда при наличии соглашения либо оговорки о применимом праве практически полностью исключается, а единственными ограничителями действия автономии воли служат нормы непосредственного применения и оговорка о публичном порядке.

Отметим также подтвержденную Пленумом ВС РФ допустимость прямо выраженного соглашения сторон о выборе в качестве применимого к договору права рекомендательных актов.

¹³ См.: Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts [Electronic resource]. URL: <https://assets.hcch.net/docs/5da3ed47-f54d-4c43-aaef-5eafc7c1f2a1.pdf> (accessed: 02.05.2024).

¹⁴ О применении норм международного частного права судами Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 09 июля 2019 года № 24 (далее — постановление Пленума ВС РФ № 24) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/28079/> (дата обращения: 02.05.2024).

Вместе с тем законодательные и доктринальные подходы к широкому определению автономии воли должны органично сочетаться с их верным применением в практике трансграничного сотрудничества. Нередки случаи затруднений государственных судов и арбитражных институтов в выявлении действительной воли сторон на выбор применимого права, приводящих к выводу о недостижении такого соглашения (указание одновременно на два правопорядка без соответствующего расщепления договорного статута; разночтения в выборе применимого права в соглашениях, составленных на двух языках и др.).

Определенным своеобразием отличается реализация принципа автономии воли в отношениях недоговорного характера, что обусловлено публичным интересом и необходимостью защиты слабой стороны. Например, в преддоговорных отношениях выбор права допустим в субсидиарном порядке и ограничен фактом причинения вреда (ст. 1222.1, 1223.1 ГК РФ) [10, с. 77]. Во внешних отношениях представительства выбирает применимое право (в письменной форме) только одна их сторона — представляемый (ст. 1217.1 ГК РФ). Возмещение вреда вследствие недостатков товара, работы или услуги определяется по праву, выбранному потерпевшим из числа предусмотренных п. 1 ст. 1222 ГК РФ альтернативных коллизионных привязок, тогда как право, выбранное сторонами этих отношений, применяется в субсидиарном порядке.

Согласование применимого права в деликтных и кондиционных обязательствах (ст. 1223.1 ГК РФ) возможно только после наступления соответствующего обстоятельства, хотя в отдельных и вместе с тем весьма распространенных случаях (при реализации крупного строительного проекта и т. д.) более предпочтительным с точки зрения рискориентированного подхода, обеспечения равенства сторон, а также правовой определенности и предсказуемости правового регулирования может быть предшествующий выбор права [7, с. 103–110].

Отдельные внедоговорные институты материального гражданского права вообще не получили коллизионного регулирования, что ставит под сомнение допустимость автономии воли сторон участников таких отношений при возникновении коллизионной проблемы, исходя из прямого толкования п. 6 ст. 1210 ГК РФ. Например, речь идет о действиях в чужом интересе без поручения.

Однако и договорные отношения фактически не свободны от ограничений в реализации принципа автономии воли сторон. Используемые в пользовательских соглашениях компаний платформенного типа (Google, Amazon, eBay) оговорки о применимом праве демонстрируют весьма условную автономию воли сторон, стандартно определяя в качестве применимого право одной и той же юрисдикции [9, с. 114], «хорошо продающийся» глобальный закон различных отраслей [17]¹⁵.

¹⁵ Принятое в международной коммерческой практике подчинение норм договора международного франчайзинга американскому праву, договоров международной перевозки — английскому праву и т. д. [9, с. 114].

Определенная модернизация назрела и в международном семейном праве, где «повышения значения автономии воли не произошло, а применение иностранного права российскими судами скорее является экзотикой» [2, с. 168]. Вместе с тем возможное изменение сложившихся подходов к коллизионному регулированию семейных отношений должно коррелировать с традиционными духовно-нравственными ценностями российского общества, заложенными как в нормах обновленной Конституции РФ¹⁶, Семейном кодексе Российской Федерации¹⁷, так и в документах стратегического планирования.

Существуют и риски реализации автономии воли, которые нельзя не учитывать, например применение права недружественного государства. Наряду с расширением сферы и условий реализации автономии воли требуется одновременное приращение объекта правовой охраны сверхимперативных норм, уточнение условий применения оговорки о публичном порядке [11, с. 253], что будет соответствовать правам и законным интересам российских субъектов, создавать дополнительные механизмы обеспечения национальной безопасности.

Нормы непосредственного применения и оговорка о публичном порядке: классическое понимание и новое звучание в условиях глобальных вызовов

Санкции, введенные в отношении России и ее физических и юридических лиц со стороны недружественных государств, подлежат оценке с точки зрения основ публичного порядка и сверхимперативных норм [13].

В литературе основанием для применения оговорки о публичном порядке в условиях санкций предлагается считать выбор в качестве применимого к сделке права несамостоятельных и несuverенных государств, не имеющего отношения к локализации ее элементов [6, с. 81]. Положительно оценивая стремление найти оптимальные юридические способы защиты интересов российских лиц и государства, отметим, что положения ст. 1193 ГК РФ об оговорке о публичном порядке создают действенный механизм отказа судом в применении иностранной нормы, последствия которого могут вступить в противоречие с национальными интересами Российской Федерации. Именно содержательный анализ свойств соответствующей иностранной нормы на предмет эффекта, возникающего в случае ее гипотетического применения в российской правовой системе, а не абстрактное отнесение к не совсем определенным критериям несамостоятельности и несuverенности государства, принявшего эту норму, позволяет суду в рамках его усмотрения применить оговорку о публичном порядке. Справедливо, что отказ в применении иностранного права на одном

¹⁶ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

¹⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

только основании происхождения его норм из недружественного, несамостоятельного, несuverенного государства способен подорвать основы и саму суть МЧП [1]. Не стоит забывать и о таком способе непризнания в России правовых последствий чуждых правовых конструкций и отношений, как предварительная квалификация, на стадии которой неодобряемый правопорядком суда иностранный институт исключается из сферы применения коллизионной нормы, а необходимость обращения к оговорке о публичном порядке отпадает [12].

Более того, в настоящее время российскими судами формируется устойчивая практика неприменения иностранных санкционных ограничений в отношении отечественных физических и юридических лиц как противоречащих публичному порядку и нормам непосредственного применения¹⁸. В ее основу положено признание санкций властным запретом, иными словами, элементом публичного права соответствующих государств, которое не обладает экстерриториальным характером¹⁹.

В контексте публичного порядка и сверхимперативных норм особое значение приобретают специальные материально-правовые нормы, принимаемые в ответ на необоснованное установление санкционного режима [13]. Меры противодействия (ответные меры) российского правопорядка на действия недружественных государств логично рассматривать в качестве составной части российского публичного порядка²⁰, норм непосредственного применения [1], поскольку основными их целями выступают защита публичного интереса, целостности и безопасности государства, обеспечения прав и законных интересов его граждан²¹.

В связи с этим особняком стоит дело, рассмотренное Арбитражным судом города Санкт-Петербурга и Ленинградской области²², в решении по которому суд, установив, что договорные отношения сторон регулируются правом Финляндии, пришел к выводу, что нормы прямого действия ЕС, установившие санкции в отношении России, создают юридические обязательства для частных лиц в Финляндии и подлежат применению в споре с участием российской компании, на основании чего отказал российской компании в удовлетворении ее требований. Представляется, что это решение, не свидетельствуя в пользу пере-

¹⁸ См., напр.: определения Верховного суда РФ от 12 марта 2024 года № 305-ЭС24-669 по делу № А40-138158/2022 (URL: https://www.vsr.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2345378), от 19 февраля 2024 года № 305-ЭС23-29524 по делу № А40-211341/2022 (URL: https://www.vsr.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2338436).

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 года № 8-П [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290909/; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 9 декабря 2021 года № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=692653&yscl=id=m0xr3jwv9x15619319#KZQw3OUsxjr837f01>

²⁰ П. 1 информационного письма Президиума ВАС РФ № 156.

²¹ П. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 24.

²² Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 13.02.2024 по делу № А56-82244/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5TEpGXLeM6UF/>

смотра подходов отечественной судебной практики в отношении санкционной политики недружественных государств, демонстрирует необходимость утверждения или корректировки действующих разъяснений Пленума ВС РФ о применении норм МЧП к отношениям с санкционным элементом. В то же время судам следует помнить, что применение иностранной сверхимперативной нормы в российском правовом порядке является их правом, а не обязанностью, тогда как установлены случаи обязательного отказа в применении иностранной сверхимперативной нормы²³.

Результаты исследования

События последних лет, такие как санкционные ограничения и практика их применения с нарушением не только основных постулатов частного права, но и прав и свобод человека, демонстрируют не только содержательные направления модернизации отдельных институтов МЧП и подходов к коллизионному регулированию, но и постепенную его трансформацию в политический инструмент. В связи с этим задачи обеспечения национальной безопасности, укрепления государственного и технологического суверенитета [4] обуславливают расширение содержательной стороны правовой охраны оговорки о публичном порядке и норм непосредственного применения, развития коллизионного регулирования в направлении максимальной защиты прав и законных интересов российских субъектов. Со стороны доктринального знания оптимальными инструментами решения обозначенных задач могут стать усиление публичных нормообразующих факторов при определении наиболее эффективного способа формулирования коллизионных норм, увеличение компонента интересов правового порядка в коллизионных факторах формирования норм о применимом праве.

В условиях международной турбулентности и смены глобализационного вектора развития миропорядка на тренд регионализации актуализируются региональные интеграционные процессы в рамках ЕАЭС, СНГ, БРИКС, сопровождаемые правовым регулированием трансграничных отношений. В одних случаях (СНГ) сложилось единообразное коллизионное регулирование трансграничных отношений, хотя в определенных сферах и требующее обновления, действуют унифицированные источники материально-правовых норм (СНГ и ЕАЭС). Правовым моделям регламентации трансграничного сотрудничества частных лиц в рамках БРИКС только предстоит сформироваться. Сказанное требует концентрации повышенного внимания на коллизионных нормах входящих в это объединение и планирующих присоединиться к нему стран, концептуального осмысления и доктринальной разработки соответствующих правотворческих решений в части создания действительно единообразного и эффективного коллизионного регулирования.

²³ П. 11 Постановления Пленума ВС РФ № 24.

Список источников

1. Абросимова Е. А., Рзаев Р. Гуммат-оглы. Соотношение санкций, публичного порядка и сверхимперативных норм в международном частном праве // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2. С. 90–97.
2. Войтович Е. П. Международное семейное право: quo vadis? // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 166–173.
3. Дергачев А. А. Voie directe в международном коммерческом арбитраже // Третейский суд. 2022. № 1. С. 91–98.
4. Залоило М. В. Трансформация роли государства в современном мире: парадигмальные сдвиги концепции суверенитета // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 2 (50). С. 5–18.
5. Канашевский В. А. Проблема квалификации в международном частном праве // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 9. С. 33–46.
6. Коваль В. Н. Проблемы практики применения норм международного частного права в новых экономических реалиях // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 4. С. 77–88.
7. Куташевская Я. С. Принцип автономии воли как способ нивелирования проблемы конкуренции внедоговорных требований в международном частном праве // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 83–115.
8. Мажорина М. В. Международное частное право как искусство // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 9 (109). С. 41–51.
9. Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. 2019. № 2 (147). С. 107–120.
10. Муратова О. В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: специфика и тенденции правового регулирования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 71–78.
11. Научные концепции развития российского законодательства: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2024. 656 с.
12. Тариканов Д. В. Взаимосвязь квалификации и публичного порядка в международном частном праве // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 80–92.
13. Чокорая М. О., Надежин Ю. Ю. Тенденции судебной практики в условиях внешнеэкономических ограничений // Арбитражные споры. 2023. № 4. С. 101–130.
14. Шахназаров Б. А. Современные тенденции развития международного частного права и его место в системе права // Lex russica. 2021. Т. 74, № 7. С. 44–60.
15. Andersson S. J. Platform logic: An interdisciplinary approach to the platform-economy // Policy & Internet. 2017. Vol. 9, №. 4. P. 374–394.
16. Evans P. C., Gawer A. The Rise of the Platform Enterprise. A Global Survey [Electronic resource]. 2016. URL: https://www.thecge.net/app/uploads/2016/01/PDF-WEB-Platform-Survey_01_12.pdf
17. O'Hara E., Ribstein L. E. The Law Market. Oxford: Oxford University Press, 2009. 290 p.

References

1. Abrosimova E. A., Rzaev R. Gummat-ogly`. Sootnoshenie sankcij, publicznogo poryadka i sverximperativny`x norm v mezhdunarodnom chastnom prave // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2023. № 2. S. 90–97.

2. Vojtovich E. P. Mezhdunarodnoe semejnoe pravo: quo vadis? // Aktual'ny`e problemy` rossijskogo prava. 2023. № 3. S. 166–173.
3. Dergachev A. A. Voie directe v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe // Tretejskij sud. 2022. № 1. S. 91–98.
4. Zaloilo M. V. Transformaciya roli gosudarstva v sovremennom mire: paradigmal'ny`e sdvigi koncepcii suvereniteta // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2023. № 2 (50). S. 5–18.
5. Kanashevskij V. A. Problema kvalifikacii v mezhdunarodnom chastnom prave // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25, № 9. S. 33–46.
6. Koval' V. N. Problemy` praktiki primeneniya norm mezhdunarodnogo chastnogo prava v novy`x e`konomicheskix realiyax // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. T. 28, № 4. S. 77–88.
7. Kutashevskaya Ya. S. Princip avtonomii voli kak sposob nivelirovaniya problemy` konkurencii vnedogovorny`x trebovanij v mezhdunarodnom chastnom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. 2022. № 4. S. 83–115.
8. Mazhorina M. V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo kak iskusstvo // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2023. № 9 (109). S. 41–51.
9. Mazhorina M. V. Cifrovyye platformy` i mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ili est` li budushhee u kiberprava? // Lex Russica. 2019. № 2 (147). S. 107–120.
10. Muratova O. V. Preddogovorny`e otnosheniya v mezhdunarodnom kommercheskom oborote: specifika i tendencii pravovogo regulirovaniya // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2017. № 3 (64). S. 71–78.
11. Nauchny`e koncepcii razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva: monografiya / pod red. T. Ya. Xabrievoj, Yu. A. Tixomirova. 8-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2024. 656 s.
12. Tarikanov D. V. Vzaimosvyaz` kvalifikacii i publichnogo poryadka v mezhdunarodnom chastnom prave // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. № 3. S. 80–92.
13. Chokoraya M. O., Nadezhin YU. YU. Tendencii sudebnoj praktiki v usloviyax vneshnee`konomicheskix ogranichenij // Arbitrazhny`e spory`. 2023. № 4. S. 101–130.
14. Shaxnazarov B. A. Sovremenny`e tendencii razvitiya mezhdunarodnogo chastnogo prava i ego mesto v sisteme prava // Lex russica. 2021. T. 74, № 7. S. 44–60.
15. Andersson S. J. Platform logic: An interdisciplinary approach to the platform-economy // Policy & Internet. 2017. Vol. 9, №. 4. P. 374–394.
16. Evans P. C., Gawer A. The Rise of the Platform Enterprise. A Global Survey [Electronic resource]. 2016. URL: https://www.thecge.net/app/uploads/2016/01/PDF-WEB-Platform-Survey_01_12.pdf
17. O'Hara E., Ribstein L. E. The Law Market. Oxford: Oxford University Press, 2009. 290 p.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2024;
одобрена после рецензирования: 17.05.2024;
принята к публикации: 20.05.2024.

The article was submitted: 02.05.2024;
approved after reviewing: 17.05.2024;
accepted for publication: 20.05.2024.

УДК 347.1

Е. А. Рязанцева

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
rayzancevaae@mgpu.ru

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ:
ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ**

Аннотация. Цель исследования — проследить историческую динамику эволюции гражданского права в правовой системе России. Для достижения этой цели с помощью традиционных методов юридической науки исследованы доктринальные подходы к пониманию правовой системы и гражданского права в его историческом развитии. Обосновано, что в силу ряда важных факторов частное право долгое время вынуждено было занимать в России подчиненное место по отношению к публичному праву. Определена роль систематизации законодательства в развитии гражданского права. Показана зависимость места гражданского права в правовой системе от господствующей модели экономических отношений. Сделан вывод, что дальнейшее развитие гражданского права обусловлено процессом цифровизации, меняющей многие параметры экономической жизни и ее правового регулирования.

Ключевые слова: гражданское право; правовая система; частное право; дуализм частного права; кодификация.

UDC 347.1

E. A. Ryazantseva

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
rayzancevaae@mgpu.ru

**CIVIL LAW IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM:
STAGES OF EVOLUTION**

Abstract. The purpose of the study is to trace the historical dynamics of the evolution of civil law in the Russian legal system. To achieve this goal, using traditional methods of legal science, doctrinal approaches to understanding the legal system and civil law in its historical development are studied. It is proved that due to a number of important factors, private law for a long time had to occupy a subordinate place in Russia in relation to public law. The role of systematization of legislation in the development of civil law is determined. The dependence of the place of civil law in the legal system on the prevailing model of economic relations is shown. It is concluded that the further development of civil law is due

to the process of digitalization, which changes many parameters of economic life and its legal regulation.

Keywords: civil law; legal system; private law; dualism of private law; codification.

Введение

Гражданское право традиционно занимает одно из центральных мест в системе регулирования общественных отношений. При этом его роль в разных правовых системах может отличаться, что зависит от многих факторов, в том числе от исторического развития права и государства в конкретной стране. Может отличаться соотношение гражданского права с публично-правовыми отраслями, с торговым правом, а также степень диспозитивности гражданско-правового регулирования. Такие отличия получают большое значение в условиях современной экономики и процесса цифровизации.

Методы исследования

Процессы, происходящие в правовой системе, представляется логичным исследовать на основе сочетания классических, устоявшихся методов юридической науки. К их числу можно отнести формально-юридический метод, который связан с исследованием существующих правовых норм, в том числе закрепленных в законодательстве. Место гражданского права в правовой системе определялось с помощью системно-структурного метода; также применялись общенаучные методы анализа и синтеза.

Основное исследование

Определение места, которое занимает гражданское право в правовой системе России, связано с анализом двух важных факторов: во-первых, специфики отечественной правовой системы; во-вторых, особенностей самого гражданского права. Рассмотрим их по порядку.

С позиций общей теории права правовая система — это совокупность всего национального права, включая нормы и принципы. Правовая система развивается исторически, ее облик формируется под воздействием целого ряда факторов, важное место среди которых занимают менталитет и историческая судьба народа, особенности государственности и ее эволюции, правосознание и обычаи, внешние заимствования и т. д.

Российская правовая система развивалась в рамках взаимодействия национальных правовых традиций и зарубежного влияния. Особенности национальных правовых традиций определялись пространственной протяженностью

территории, которая почти постоянно расширялась, при этом было необходимо противодействовать внешним угрозам, которые могли негативно повлиять на само существование государства. Результатом стал сложный симбиоз христианского мировоззрения, проявлявшегося через нормы церковного права, крестьянских обычаев, отражавших особенности ведения хозяйственной деятельности, и обычаев многочисленных народов, присоединявшихся к российскому государству на разных этапах его развития. В период империи вырос уровень иностранных заимствований, причем рецепировались как отдельные институты, так и целые правовые акты.

Обращаясь непосредственно к гражданскому праву, отметим, что оно традиционно рассматривается как частное право, основанное на договоре. В нем не действует традиционный для публичных отраслей принцип презумпции невиновности, диспозитивный характер регулирования подразумевает в ряде случаев возможность выбора вариантов поведения. Сфера гражданско-правовых отношений должна быть свободна от жесткого вмешательства государства, что принципиальным образом отличает ее от публично-правовой сферы и влияет на предмет и метод правового регулирования.

В силу особенностей исторического развития российской правовой системы в ней почти на всех этапах преобладало публичное право. В условиях постоянной внешней угрозы и необходимости осваивать новые присоединенные территории существовала потребность в сильной государственной власти, которая стремилась выстраивать вертикально ориентированный правопорядок. Еще в период централизации и расширения территории, становления Московского государства стали проявляться черты деспотизма, наиболее ярко выраженные в правление Ивана Грозного. В дальнейшем центральная власть еще более укрепилась, переход к империи был связан с абсолютной монархией, стремившейся максимально подробно регламентировать жизнь подданных. В условиях многократно возросшего количества принимавшихся правовых актов подавляющее большинство из них имело публично-правовой характер. Государство в период империи, как правило, уделяло больше внимания нормам, относившимся к порядку управления, уголовной ответственности, судебному процессу, чем к регламентации имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений. Ситуация осложнялась сохранявшимся крепостным правом, которое фактически исключало крестьян как большую часть населения страны из полноценного гражданского оборота. Отношения в крестьянской среде регулировались обычаями, действие норм гражданского законодательства на них в большинстве случаев не распространялось. Ситуация не изменилась и после отмены крепостного права в связи с сохранением общины, для которой были характерны особые правила в земельных отношениях, а также в порядке наследования.

Ситуация стала меняться в результате систематизации первой трети XIX века, когда в ходе создания Свода законов были консолидированы в числе прочих действовавшие нормы гражданского права, составившие один из его

томов — часть первую тома X, получившую название Свода законов гражданских. Еще до начала работы над Сводом законов М. М. Сперанский составил проект Гражданского уложения, который в то время был отвергнут [3, с. 9]. Не став действующим кодексом, этот проект тем не менее оказал влияние на дальнейшее развитие гражданского законодательства в стране [9, с. 88]. В дальнейшем в процессе становления отечественной научной юриспруденции ряд ученых посвятили свою деятельность исследованию именно гражданского права, в итоге сформировалась российская цивилистическая доктрина. Среди ее представителей были такие ученые-цивилисты, как Е. В. Васьковский, Д. И. Мейер, С. В. Пахман, К. П. Победоносцев, Г. Ф. Шершеневич и многие другие.

После Судебной реформы 1864 года обновленные суды Российской империи столкнулись с тем, что не могли решить многие вопросы гражданско-правового характера из-за пробелов в законодательстве. Частично это восполнялось практикой Сената, прежде всего его Гражданского кассационного департамента. Именно его решения ввели в гражданское право понятие обычая, правила толкования правовых норм, институты неосновательного обогащения и мнимой сделки, основания недействительности договоров, некоторые принципы страхования и многое другое [8, с. 245]. Фактически в это время решения Сената стали полноценным источником гражданского права. Тем не менее все больше ощущалась потребность в принятии полноценного гражданского законодательства, которое соответствовало бы потребностям времени и способствовало бы развитию гражданского оборота. Такой проект был подготовлен в начале XX века, внесен на рассмотрение Государственной думы Российской империи, но в итоге так и не стал источником действующего права.

Важной особенностью, связанной с развитием гражданского права в правовой системе Российской империи, стал дуализм частного права, который означает регулирование имущественных и личных неимущественных отношений как гражданским, так и торговым правом. Фактически речь идет о сосуществовании в одной правовой системе гражданского и торгового права, которые делят между собой общую сферу регулирования. Стоит отметить, что в современной правовой системе Российской Федерации дуализма частного права нет, так как существует Гражданский кодекс, но нет торгового кодекса, в отличие, например, от Франции, где присутствуют оба этих кодекса, то есть сохраняется дуализм частного права. Дуализм частного права на определенном этапе развития был характерен для целого ряда государств романо-германской правовой семьи, в начале XX века некоторые государства от него отказались, объединив гражданское и торговое законодательство.

В России преодоление дуализма частного права произошло в ходе революции 1917 года при переходе к построению социалистического общества. Создатели нового общества исходили из того, что в нем не будет частной собственности, которая порождает эксплуатацию человека человеком. Фактически большая часть всей собственности стала государственной, а также сущест-

вовала кооперативная форма собственности. Это повлияло на развитие гражданско-правовых отношений и соответствующего регулирования. Первое, что сделала новая власть в сфере гражданско-правовых отношений, — отменила наследование и дарение [6, с. 24].

Восприняв некоторые традиции романо-германской правовой семьи, советская власть пошла по пути кодификации законодательства. Именно форма кодекса была признана самой удобной для создания нового права, которое при этом позаимствовало некоторые гражданско-правовые институты из дореволюционного законодательства. «Для конструирования новой модели общественных отношений советская власть выбрала форму кодифицированных актов, в чем проявилось сочетание присущего дореволюционной системе законодательства тяготения к его систематизации и устойчивой тенденции к заимствованию зарубежного юридического опыта», — пишет Д. А. Пашенцев [5, с. 11–12].

Первый гражданский кодекс в России был принят в 1922 году — это Гражданский кодекс РСФСР. Устанавливая три формы собственности — государственную, кооперативную и частную, — он декларировал неравенство между ними, вплоть до отмены сделок, невыгодных для государства. Д. А. Пашенцев отмечает важные особенности данного кодекса: «1) кодекс не охранял личных неимущественных прав; 2) кодекс ограничил гражданскую правоспособность, которая стала относиться только к имущественным правам; 3) кодекс упразднил традиционное деление имущества на движимое и недвижимое, т. к. земля как основной объект недвижимости была изъята из гражданского оборота; 4) кодексом не предусматривалось владение как защищенное законом фактическое обладание вещью; 5) за незаконные действия должностных лиц кодексом предусматривалась ответственность государственных учреждений, а не личная ответственность виновного должностного лица» [6, с. 25–26]. Он действовал до 1964 года, когда ему на смену пришел новый Гражданский кодекс РСФСР.

Развитие гражданского права неразрывно связано с господствующей на каждом конкретном этапе моделью экономики. Советская экономика оставляла достаточно мало места для гражданско-правовых отношений, в силу чего гражданское право в правовой системе данного периода занимало весьма незначительное место. Ситуация коренным образом изменилась после 1991 года, когда Российская Федерация продекларировала развитие рыночных отношений в экономике, а в Конституции 1993 года было закреплено равенство всех форм собственности, в том числе и частной. Закономерным следствием этого стало формирование нового гражданского законодательства, которое подверглось кодификации.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) создавался и принимался в несколько этапов. 21 октября 1994 года была принята первая часть ГК РФ, введенная в действие с 1 января 1995 года. В последующие годы были приняты и введены в действие вторая, третья и четвертая части ГК РФ.

Таким образом, сформирован большой массив гражданского законодательства, нормы которого регулируют соответствующие отношения и устанавливают рамки для их развития. Структура ГК РФ сформирована по пандектной системе: сначала идут общие положения, затем — разделы, посвященные основным подотраслям и институтам. Такая структура «является для отечественного права традиционной и привычной» [4, с. 233], она позволяет избегать ненужных повторений. Все это позволило гражданскому праву занять одно из центральных мест в правовой системе современной России.

Процесс кодификации гражданского права можно считать завершенным, при этом данная констатация не означает отказа от дальнейшего совершенствования его норм. Отношения в сфере экономики продолжают развиваться, а вслед за ними развивается и гражданское право, совершенствуются правовые механизмы, устраняются вновь возникающие пробелы.

Одним из факторов, влияющих на правотворческую деятельность в гражданско-правовой сфере, выступает цифровизация общественных отношений. Как отмечают ученые, «непосредственное внедрение цифровых технологий в правовую сферу меняет ряд ее важных параметров, способствует повышению некоторых количественных показателей, связанных с совершенствованием правотворчества и правоприменения» [1, с. 11]. Новые цифровые инструменты занимают все больше места как в экономике, так и в личных неимущественных отношениях, что становится одним из драйверов развития гражданского права. Возникают и новые проблемы, требующие урегулирования [2, с. 73]. Одной из них, например, является проблема обеспечения безопасности личных неимущественных прав в виртуальном пространстве [7].

Результаты исследования

Гражданское право, регулирующее имущественные и личные неимущественные отношения, традиционно занимает важное место в правовой системе общества. В российской правовой системе его роль изменялась в соответствии с динамикой развития самой рассматриваемой системы, а также в связи со сменой экономических моделей. В определенной мере этапы такого изменения можно проследить по кодификации гражданского законодательства, которая фактически отсутствовала в Российской империи, появилась в советский период и приобрела масштабный характер в современных условиях. Сегодня место гражданского права в правовой системе определяется, во-первых, активным развитием рыночной экономики, которая требует эффективного гражданско-правового регулирования; во-вторых, равенством всех форм собственности, что имеет важное значение для гражданского права как права частного. Дальнейшее развитие гражданского права связано с процессом цифровизации, меняющей многие параметры экономической жизни и ее правового регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 1 (53). С. 7–13.
2. Беляева О. А. Цифровая эволюция публичных закупок: новые горизонты // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 3 (51). С. 71–80.
3. Зубарев М. В. Проект Гражданского уложения Российской империи и отечественная юридическая наука конца XIX – начала XX вв. // Муниципалитет: экономика и управление. 2020. № 3 (32). С. 7–15.
4. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой и Ю. А. Тихомирова. М.: Эксмо, 2010. 736 с.
5. Пашенцев Д. А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период Советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 5–13.
6. Пашенцев Д. А. Особенности развития советского гражданского права на начальном этапе (1917–1922) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2017. № 4. С. 22–27.
7. Синицын С. А. Личные неимущественные права и безопасность человека в виртуальном пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 1. С. 13–24.
8. Слыщенко В. А. Проект Гражданского уложения 1905 г. и модернизация русского гражданского права // Известия вузов. Правоведение. 2004. № 4. С. 243–253.
9. Томсинов В. А. Проект Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 годов и его значение в формировании российской науки гражданского права // Законодательство. 2014. № 10. С. 88–94.

References

1. Abramov R. A., Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya vliyaniya sovremenny`x tehnologij na razvitie prava // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2024. № 1 (53). S. 7–13.
2. Belyaeva O. A. Cifrovaya e`volyuciya publichny`x zakupok: novy`e gorizonty` // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2023. № 3 (51). S. 71–80.
3. Zubarev M. V. Proekt Grazhdanskogo ulozheniya Rossijskoj imperii i otechestvennaya yuridicheskaya nauka koncza XIX – nachala XX vv. // Municipalitet: e`konomika i upravlenie. 2020. № 3 (32). S. 7–15.
4. Konceptii razvitiya rossijskogo zakonodatel`stva / pod red. T. Ya. Xabrievoj i Yu. A. Tixomirova. M.: E`ksmo, 2010. 736 s.
5. Pashencev D. A. Kodifikaciya kak instrument konstruirovaniya sistemy` zakonodatel`stva v nachal`ny`j period Sovetskogo gosudarstva (k 100-letiyu pervy`x sovetskih kodeksov) // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 11. S. 5–13.
6. Pashencev D. A. Osobennosti razvitiya sovetskogo grazhdanskogo prava na nachal`nom e`tape (1917–1922) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudenciya». 2017. № 4. S. 22–27.
7. Sinicy`n S. A. Lichny`e neimushhestvenny`e prava i bezopasnost` cheloveka v virtual`nom prostranstve // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2023. T. 19, № 1. S. 13–24.

8. Sly`shhenkov V. A. Proekt Grazhdanskogo ulozheniya 1905 g. i modernizaciya russkogo grazhdanskogo prava // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2004. № 4. S. 243–253.

9. Tomsinov V. A. Proekt Grazhdanskogo ulozheniya Rossijskoj imperii 1809–1814 godov i ego znachenie v formirovanii rossijskoj nauki grazhdanskogo prava // Zakonodatel`stvo. 2014. № 10. S. 88–94.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2024;
одобрена после рецензирования: 15.05.2024;
принята к публикации: 20.05.2024.

The article was submitted: 02.05.2024;
approved after reviewing: 15.05.2024;
accepted for publication: 20.05.2024.



УДК 340.142, 342.97

И. А. Васильев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
i.vasilev@spbu.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В СПОРТИВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Правовое принуждение в спортивном праве традиционно связывается со спортивной, иногда называемой дисциплинарной, ответственностью. Это суждение верно, но отражает только самую очевидную и популярную для спортивных организаций часть инструментария принуждения. Сегодня регламентные нормы спортивных федераций и правоприменительная практика спортивного правосудия позволяют уверенно констатировать использование иных мер, не сводимых к санкциям. Один из примеров — так называемые административные меры, которые направлены на осуществление контроля над субъектами спорта в определенный момент жизненного цикла организации и проведения соревнования либо функционирования спортивной организации. Другой пример — не отличающиеся нормативной определенностью в регламентах спортивных федераций предупредительные и праввосстановительные меры, скрывающиеся под видом спортивных санкций. Настоящее исследование направлено на проведение впервые классификации мер принуждения, используемых в современном спортивном праве. Основным критерием выступает цель меры как ее использование для достижения необходимого эффекта при правовом воздействии на субъектов спорта — адресатов.

Ключевые слова: меры принуждения; цели мер принуждения; спортивные санкции; спортивная ответственность; административные меры; предупредительные меры; праввосстановительные меры; юрисдикционные органы в спорте; третейские суды в спорте.

UDC 340.142, 342.97

I. A. Vasilev

Saint-Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation,
i.vasilev@spbu.ru

CLASSIFICATION OF COERCIVE MEASURES IN SPORTS LAW

Abstract. Legal coercion in sports law is traditionally associated with sports, sometimes called disciplinary liability. This judgment is true, but it reflects only the most obvious and popular part of the coercion toolkit for sports organizations. Today, the regulatory norms of sports federations and the law enforcement practice of sports justice allow us to confidently state the use of other measures that are not reducible to sanctions. One example is the so — called administrative measures, which are aimed at exercising control over sports subjects at a certain point in the life cycle of the organization and holding of a competition or the functioning of a sports organization. Another example is preventive and remedial measures that do not differ in regulatory certainty in the regulations of sports federations, hiding under the guise of sports sanctions. The present study is aimed at carrying out for the first time a classification of coercive measures used in modern sports law. The main criterion is the purpose of the measure as its use to achieve the necessary effect in the legal impact on sports subjects.

Keywords: coercive measures; objectives of coercive measures; sports sanctions; sports liability; administrative measures; preventive measures; remedial measures; jurisdictional bodies in sports; arbitration courts in sports.

Введение

Применение мер принуждения в современном спорте институционально основывается на исторически признанном в любых национальных правовых системах принципе саморегулирования¹ спортивными организациями² спортивных и некоторых связанных с ними (например, трудовых) отношений. Право разработки собственных локальных правовых актов, могущих включать обязательные для признающих их субъектов спорта обязанности и запреты, предполагает создание нормативно определенного инструментария правового принуждения нарушителей.

Меры принуждения мы определяем как властные акты спортивных организаций, принимаемые в отношении субъектов спорта и направленные на предупреждение причинения вреда или возникновения негативных последствий для субъектов спорта, восстановление субъектов спорта в правах, ограничения

¹ В зарубежной литературе и правоприменительной практике принцип называется автономией спорта (*англ.* autonomy of sport).

² Спортивные федерации, спортивные лиги, антидопинговые организации, организации олимпийского и паралимпийского движений.

или лишения субъектов спорта спортивных или экономических возможностей по подготовке и участию в соревнованиях.

Меры принуждения используются спортивными организациями в процессе правореализационной деятельности и правоприменения в целях защиты спортивных правоотношений: принципов и норм, регулирующих порядок организации, проведения соревнования, подготовки и участия в нем.

Однако за каждой мерой должны находиться легитимированные субъектами спорта — адресатами интересы и эффекты от их достижения, но интересы и ценности не выступают эквивалентами друг другу в спортивном праве. Ценности — категория рациональности спортивных организаций, тогда как интересы всегда связаны с субъектами спорта. Использование принципа автономии спортивных организаций [11], находящихся на разных уровнях «пирамид управления в области спорта», для создания новых нормативно и ценностно-обоснованных обязанностей или запретов вносит коррективы в практику реализации интересов субъектов спорта. Вопрос о ценностях при таком подходе приобретает не только характер определения спортивной организацией вектора развития в соответствующем масштабе, но и имплементации в свои локальные правовые акты компромиссов с субъектами спорта, имеющими общий контекст интересов. Меры принуждения в такой конструкции служат для поддержания буквально или завуалированно заявляемых регулятором ценностей и в идеале должны распределяться в зависимости от их содержания.

Практика спортивного правосудия, представленная Спортивным арбитражным судом (*англ.* Court of Arbitration for Sport, CAS), сегодня предлагает достаточно скромную классификацию решений, принимаемых органами спортивных организаций. Первый вид решений — спортивные (дисциплинарные) санкции (например, дисквалификация спортсмена, клуба)³; цель — наказать за предшествующее неправомерное поведение субъекта. В то же время заметим, что «кара не является самоцелью, а карательная функция включена в сложный механизм гражданско-правового регулирования общественных отношений» [5, с. 35]. Второй вид — решения об аннулировании результатов спортивных соревнований, возврат организаторам медалей и призов; целью является восстановление равных условий для участников (*англ.* level playing field) и обеспечение справедливости (*англ.* fair play), но не наказание за предыдущее неправомерное поведение⁴. Третий вид решений — так называемые административные меры, охватывающие несколько вариантов, цели применения которых существенно различаются.

³ См.: Arbitrations CAS 2008/A/1583 Sport Lisboa e Benfica Futebol SAD v. UEFA & FC Porto Futebol SAD, CAS 2008/A/1584 Vitória Sport Clube de Guimarães v. UEFA & FC Porto Futebol SAD, award of 15 July 2008, para. 35 [Electronic resource]. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1583,%201584.pdf> (accessed: 03.06.2024).

⁴ См.: Arbitrage TAS 2007/O/1381 Real Federación Española de Ciclismo (RFEC) & Alejandro Valverde c. Union Cycliste Internationale (UCI), sentence du 26 septembre 2007, para. 59 [Electronic resource]. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1381.pdf> (accessed: 03.06.2024).

Трехзвенная система «решений органов спортивных федераций», впервые представленная полтора десятилетия назад в решениях третейского суда, как ни парадоксально, по-прежнему не является непререкаемым руководством для нормативного регулирования спортивных организаций. Разработанная в практике CAS классификация оправданно обращает внимание на цель, для достижения которой используется один из трех видов мер. Этот подход нам представляется ограниченным, поскольку используется призма исключительно карательной цели — направленность на наказание за предшествующее поведение субъекта спорта. Мы разделяем представленную в российской юридической литературе позицию об «осуществлении юридической ответственностью регулятивной, превентивной, карательной, восстановительной и воспитательной функций» [6, с. 521], расширяя ее до мер принуждения в целом. Классификация последних должна осуществляться на основе мультифункционального подхода: для этого исследованию подлежат все эффекты, оказываемые в результате применения соответствующих норм спортивных организаций.

Основное исследование

Цели мер принуждения — это прямо или косвенно оказываемое на субъектов спорта влияние, предусмотренное спортивной организацией в своих нормах и (или) осознаваемое правоприменителем в процессе вынесения решений. Исследование правового принуждения в таком ракурсе приводит нас к констатации разнообразия де-факто используемого сегодня спортивными организациями инструментария.

В нормах спортивных организаций мы выделяем несколько видов мер принуждения, которые альтернативно относятся к двум формам правового принуждения в спорте: либо к спортивным санкциям (предупредительные меры; правосстановительные меры; меры спортивной ответственности) либо к административным мерам (меры по отказу в допуске субъекта спорта к соревнованию вследствие несоблюдения критерия участия; меры по отстранению спортивного клуба от участия в соревновании в силу нарушения критерия участия; меры по отстранению субъекта спорта от участия в соревнованиях для соблюдения принципа безопасности (*англ.* safety) и (или) принципа целостности спорта; отказ спортивной организации в участии субъекта спорта в выборах на должность официального лица такой организации). Критериями для классификации выступают де-юре и де-факто цели, преследуемые спортивной организацией как разработчиком и правоприменителем мер и оказываемое на субъекта спорта влияние. Рассмотрим эти меры подробнее.

1. **Предупредительные (превентивные) меры.** Арбитраж единожды обращал внимание на различие в спортивном регулировании между превентивными и карательными мерами: первые предназначены для предотвращения повторения в будущем того, что воспринимается как неприемлемое поведение,

вторые — для применения санкций за поведение в прошлом⁵. Предложенный подход является упрощенным. С нашей точки зрения, предупредительные меры являются способом защиты субъектов спорта от нарушений, выступают в качестве формы реализации актуальных для спортивной юриспруденции правовых принципов и препятствуют возникновению нарушений, а также негативных последствий для субъектов спорта. Перечислим несколько примеров: регистрация спортсмена для участия в соревновании вне регистрационного периода только на основании нормативно определенного закрытого перечня оснований; запрет на регистрацию новых игроков спортивным клубом; лишение субъекта спорта права занимать должности в органах управления спортивной федерации; временное отстранение спортсмена вследствие неблагоприятного результата анализа пробы на наличие запрещенной субстанции от участия в соревнованиях.

Предупредительные меры должны выступать в роли универсального инструмента для поддержания буквально или завуалированно заявляемых регулятором ценностей, а также должны быть индивидуализированы в нормах спортивных организаций в зависимости от их содержания. Конечным результатом признания превенции должен стать отказ от масштабного и несоразмерного использования спортивной ответственности как универсального средства достижения цели защиты декларируемых ценностей. Это позволит изменить сложившуюся в нормах спортивных организаций ситуацию в пользу понимания «общепревентивного воздействия» как «недопущения реализации карательной и восстановительной функций» [5, с. 35].

2. Правовосстановительные меры. Правовосстановительные меры позволяют субъектам спорта вернуться в состояние до совершенного в отношении них нарушения, представляют собой способы приведения к исполнению актуальных для спортивной юриспруденции принципов, позволяют устранять негативные последствия, признавать за лицами право и реализовывать таковое. Однако восстановление в спортивном праве не сводится только к признанию определенного права, как может показаться этимологически. В связи с подготовкой и участием в соревнованиях переплетены интересы разных субъектов спорта, и совершенные поступки неизбежно влияют на итоговый результат. Поэтому целью рассматриваемых мер является восстановление равных условий для участников и обеспечение справедливости, а не наказание за предыдущее правонарушительное поведение.

Правовосстановительные меры, имеющие материальный характер, сопровождаются принудительным перераспределением определенных ресурсов от одних субъектов спорта, в том числе спортивных организаций, в пользу других. Материальные ресурсы, выступающие предметом применяемых

⁵ Arbitration CAS 2014/A/3516 *George Yerolimpos v. World Karate Federation (WKF)*, award of 6 October 2014, para. 119 [Electronic resource]. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/3516.pdf> (accessed: 03.06.2024).

мер, в данном случае не обязательно имеют буквальное денежное выражение и могут приобретать любые формы, ограниченные целью компенсаторной, а не карающей направленности. Превентивные меры имеют более сложную вариативность, и поэтому характер перераспределения благ между субъектами спорта для них так же нельзя отрицать.

Приведем примеры правосстановительных мер: решения об аннулировании результатов спортивных соревнований; возврат спортсменами и клубами медалей и призов; компенсация расходов на проведение расследования нарушения антидопинговых правил, признание профессионального статуса футболиста как основание для выплаты его предыдущему клубу компенсации за подготовку и обучение данного спортсмена; признание статуса «не легионер» спортсмена в юрисдикции национальной спортивной федерации; восстановление нарушенного права субъекта или субъектов спорта, соответствующее принципу целостности спорта; принудительное перераспределение международной спортивной федерацией квот для национальных спортивных федераций по направлению спортсменов для участия в соревнованиях.

3. Меры спортивной ответственности. Данные меры рассматриваются в практике арбитража в качестве способа ультимативного влияния спортивных организаций на поведение признающих их нормы субъектов спорта⁶. Цель этих мер — побуждение субъектов спорта не заниматься определенной нежелательной деятельностью под риском наступления негативных юридических последствий⁷. Приведем несколько примеров: предупреждение; замечание; денежный штраф; спортивная дисквалификация.

Обратим внимание, что некоторые меры спортивной ответственности по своему содержанию являются превентивными или правосстановительными. Такие нормы субъектами спорта будут признаваться в качестве эффективных только в связи с отсутствием в них превалярующей карательной направленности, иначе «наказание в любом случае будет связано с принуждением и причинением личности страданий, хоть и весьма своеобразных, только на этот раз еще до того, как деяние будет совершено фактически» [7, с. 150]. Затруднительно ожидать согласования ценностей и интересов между спортивными организациями и субъектами спорта, применяя меры спортивной ответственности, но не прибегая к превентивным и правосстановительным мерам. Вместе с тем вспомним, что направление экономического анализа права утилитарно предлагает рассматривать наказание в качестве способа возложения издержек за противоправное поведение [3, с. 696]. При таком подходе,

⁶ Arbitration CAS 2007/A/1217 Feyenoord Rotterdam v. Union of European Football Associations (UEFA), award of 20 April 2007 [Electronic resource]. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/1217.pdf> (accessed: 03.06.2024).

⁷ Arbitration CAS 2014/A/3519 Arnaud Di Benedetto v. Fédération Internationale de Touch (FIT) & CAS 2014/A/3520 Bastien Cotte-Barrot v. FIT, award of 25 August 2014, paras. 62 [Electronic resource]. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/3519,%203520.pdf> (accessed: 03.06.2024).

не соответствующем интересам развития области спорта, отличные от санкций меры по умолчанию не выполняют миссии полноценного возмещения убытков спортивному сообществу.

4. Административные меры. Сегодня административные меры получили широкое распространение в нормах спортивной организации и всегда направлены на осуществление контроля над субъектами спорта в определенный момент жизненного цикла организации и проведения соревнования либо функционирования спортивной организации. В их числе мы выделяем четыре существующих в актах спортивных организаций подвидов, используя два критерия. Первый — период применения меры, связанный с циклом спортивного события либо текущей деятельностью спортивной организации: до начала (первый подвид мер), в процессе (второй подвид) соревнования, в любой момент (третий подвид), в установленный организацией период (четвертый подвид). Вторым критерием — орган спортивной организации, принимающий решение об отказе в допуске либо по отстранению от участия: административный орган как исполнительный орган по текущему управлению спортивной организацией (первый, третий и четвертый подвиды), юрисдикционный орган (второй подвид).

Первый подвид административных мер — отказ в допуске субъекта спорта к соревнованию вследствие несоблюдения им любого из установленных организатором критериев участия (например, отказ спортивной организации в допуске для так называемых нейтральных спортсменов, не выполняющих критерии [10]).

Второй подвид — отстранение субъекта спорта от участия в соревновании вследствие несоответствия критерию участия (наиболее известный пример — применяемая УЕФА мера по отстранению клуба от участия в соревновании вследствие косвенной вовлеченности в манипулирование результатом соревнования [2; 12]).

Третий подвид — меры по отстранению субъекта спорта от участия в соревнованиях для соблюдения принципа безопасности и (или) принципа целостности спорта и соревнований (*англ.* integrity) (например, все неправомерные отстранения российских субъектов спорта после 24 февраля 2022 года были заявлены как такой подвид административных мер [1]).

Четвертый подвид — отказ спортивной организации в участии субъекта спорта в выборах на должность официального лица такой организации (например, вследствие невыполнения требования соблюдения кандидатом в своей профессиональной карьере в спорте принципа целостности спорта⁸).

⁸ См., напр.: Arbitration CAS 2018/A/5824 Adnan Darjal Motar Al-Robiye, Jawad Najm Abdullah Abdullah, Mohammedjawad Ahmed Salih Alsaegh, Firas Nuri Abdulaa Bahraellum, Alla Kadhim Jebur Kinani, Nashat Akram Abid Ali Ali Essa, Nozad Qader Ali Ali, Rasha Talib Dheyab Al-Tameemi, Sherzad Kareem Majeed Majeed, Waleed Hameed Shinab Al-Zaidi and Younus Mahmood Khalaf Khalaf v. Iraq Football Association (IFA), award of 21 January 2021 [Electronic resource]. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/5824.pdf> (accessed: 03.06.2024).

Результаты исследования

В юридической науке и спортивном правосудии сегодня не существует определения и строгой классификации мер принуждения в спорте. Появившаяся в практике CAS полтора десятилетия назад трехзвенная система решений: (1) не приобрела ни де-факто, ни де-юре руководящего характера для нормотворчества спортивных организаций и потому (2) не отражает многообразия используемых ими сегодня мер принуждения. Данный пробел мы восполнили на основе верифицированного массива правоприменительной практики, выделяя предупредительные и праввосстановительные меры из спортивной ответственности.

Опираясь на опыт регулирования спортивных организаций, можно констатировать наличие общей тенденции по неразграничению превентивных мер и мер спортивной ответственности. Во-первых, в основном это нивелирует фактически предупреждающий, сдерживающий эффект от них в пользу карательной, праволишающей направленности. Во-вторых, в отдельных случаях меры не наделяются статусом санкции, но при этом и не подчеркивается на нормативном уровне их превентивный характер. Исключением из ситуации являются меры по превентивному отстранению субъектов спорта, которые используются антидопинговыми организациями в случаях нарушений спортсменами антидопингового регулирования. В-третьих, в отдельных случаях происходит распространение превентивных мер на вызовы принципу целостности спорта и соревнований, а также на этические проступки (проявления коррупции в спорте). Однако разграничение превентивных мер и спортивных санкций отвечает запросу на необходимую гибкость в процессе принятия решения-реагирования спортивной организации на поведение субъектов спорта с учетом комплекса фундаментальных принципов права, прежде всего соразмерности (*англ.* proportionality), и отраслевых принципов спортивного права (*лат.* *lex sportiva*) (принцип целостности спорта и соревнований (*англ.* integrity of sport)).

Редкое использование спортивными организациями отдельных праввосстановительных мер не сопровождается разграничением содержания и порядка их применения со спортивной ответственностью. В результате формально некоторые меры не причисляются к ответственности, но при этом их использование подчиняется тем же требованиям. С точки зрения соблюдения гарантий для субъектов спорта такая ситуация не должна влечь снижения уровня юридической защищенности. Необходимо распространять фундаментальные принципы права и принципы *lex sportiva* на праввосстановительные меры, не ограничиваясь спортивной ответственностью. Насколько дискуссионной является так называемая спортивная ответственность за действия третьих лиц без установления вины, настолько же спорным представляется закрепление праввосстановительных мер при отсутствии вины субъекта спорта. Распространение модели строгой ответственности на праввосстановительные меры видится неоправданным регулированием, нарушающим право субъекта спорта на надлежащую правовую процедуру (*англ.* due process) и справедливое разре-

шение споров (*англ.* procedural fairness) при использовании мер принуждения. Меньший, в сравнении с санкциями, уровень негативного воздействия на субъекта спорта при применении правосстановительных мер препятствует распространению на них институциональных разработок строгой ответственности, применяемой без исследования вины адресата.

Распространенность административных мер в актах спортивных организаций в определенной степени созвучно «феномену „превентивного уголовного права“, базовой категорией которого выступает уже не общественная опасность деяния в значении его вредоносности, а рискогенный фактор, потенциально содержащей в себе угрозу» [8, с. 64]. Тем более особое внимание следует проявлять к эффекту, преследуемому мерами принуждения, при их применении идентично строгой ответственности без исследования вины субъектов. Практика применения ряда рассмотренных нами подвидов административных мер (меры по отстранению субъекта спорта от участия в соревновании вследствие несоответствия критерию участия и меры по отстранению субъекта спорта от участия в соревнованиях для соблюдения принципа безопасности и (или) принципа целостности спорта) демонстрирует существующее расхождение с их необходимыми целями: воздействие влечет сугубо карательный эффект. В числе административных мер существуют примеры, которые нельзя отграничить от спортивных санкций. Неправомерные отстранения российских субъектов спорта после 24 февраля 2022 года и мера УЕФА по отстранению клубов вследствие косвенной вовлеченности в манипулирование результатом соревнования обладают всеми признаками санкции, перечисляемыми в практике арбитража. Во-первых, обе названные административные меры предназначены для возникновения неблагоприятных последствий. Во-вторых, неблагоприятные последствия наступают для определенного субъекта или субъектов. В-третьих, обе административные меры являются результатом вменяемого спортивной организацией адресату их применения нарушения норм или принципов.

Отказ спортивных организаций от выведения превентивных и правосстановительных мер из числа санкций либо маскировки мер спортивной ответственности под административные меры неизбежно влечет чрезмерное использование несоразмерного правового принуждения, что вступает в противоречие с принципом экономии репрессии. Адаптируя последний к рассматриваемой ситуации, «экономия репрессии предполагает возможность выбора оптимального, т. е. необходимого и достаточного (а не просто наиболее щадящего или тем более любого) решения из определенного множества» [9, с. 32]. Проблема отсутствия выраженного, понятного смысла мер влечет их смешение с нормами по возложению обязанностей, установлению запретов, закреплению мер спортивной ответственности и в итоге подменяет цели предупреждения, правосстановления или административного, текущего управления: «...суровое наказание если и оказывает, то незначительное влияние на уровень преступности, и производит небольшой превентивный эффект» [4, с. 253]. Поэтому вдвойне важно, чтобы в такой ситуации меры принуждения *sine qua non*

(лат. букв. «без чего невозможно») были подчинены выработанному в последовательной практике CAS стандарту нормативной определенности: «...если нет четких и обоснованных норм, предусматривающих санкцию, лицо не должно подвергаться наказанию или дискриминации за простое осуществление своих законных прав»⁹. Ситуация должна рассматриваться не только с позиции неприемлемости подмены одних мер правового принуждения другими, но и обоснованности их юридикации для поддержания и защиты ценностей в спорте. В результате нормативная фиксация системы мер должна опираться на ценности, определяемые доминантой концепта справедливости в спорте. Это предполагает не только перемещение спортивными организациями в своих нормах предупредительных и праввосстановительных мер из категории спортивной ответственности, но и переосмысление соразмерности их целей и эффектов, оказываемых на адресатов.

Список источников

1. Васильев И. А., Шевелева Н. А. Отстранения российских спортивных федераций и спортсменов: неправомерные *ultima ratio* // Закон. 2022. № 8. С. 60–70.
2. Васильев И. А., Шевелева Н. А., Ветрова Е. Г. Административная мера УЕФА по отстранению клуба от участия в соревновании за манипулирование результатом: юридическая природа и особенности применения // Закон. 2020. № 8. С. 31–43.
3. Дорохин В. С., Поляков А. В. О некоторых идейных источниках теории максимизации богатства Ричарда Познера: Адам Смит и Иеремия Бентам // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 683–696.
4. Кури Х., Ильченко О. Ю. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 240–256.
5. Липинский Д. А. Взаимодействие функций гражданско-правовой ответственности в предупреждении правонарушений: общетеоретический аспект // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 30–40.
6. Липинский Д. А., Евдокимов К. Н. Регулятивная функция уголовной ответственности: понятие, структура и взаимосвязь с предупреждением преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 520–530.
7. Печегин Д. А. Дискуссия по итогам ознакомления с содержанием статьи В. В. Хилоты «Наказание и уголовно-правовое воздействие: поиск оптимальной модели противодействия преступности» // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 3 (20). С. 148–152.
8. Пудовочкин Ю. Е. Концепт «риск» и проблемы уголовно-правовой науки // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 4 (79). С. 58–67.
9. Степашин В. М. Содержание принципа экономии репрессии // *Lex russica* (Русский закон). 2017. № 11 (132). С. 24–37.
10. Vasilyev I. A., Vetrova E. G. A new “Catch 22”: “protective measures”, “preventive measures” and “sports sanctions” versus Russian athletes // *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2023. Т. 14, № 2. P. 510–520. (In English).

⁹ См., напр.: Arbitration CAS 2010/A/2284 Anna Arzhanova v. Confédération Mondiale des Activités Subaquatiques (CMAS), award of 16 May 2011, para. 73 [Electronic resource]. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/2284.pdf> (accessed: 03.06.2024).

11. Dorskaia A. A., Dorskii A. Yu. Co-regulation as a way to improve the effectiveness of legal regulation in sports // *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2021. T. 12, № 2. P. 263–275. (In English).

12. Emilio García Silvero. The match-fixing eligibility criteria in UEFA competitions: an overview of CAS case law // *Bulletin TAS. CAS Bulletin*. 2018/1 [Electronic resource]. URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Bulletin_2018_01.pdf. P. 6–21.

References

1. Vasil'ev I. A., Sheveleva N. A. Otstraneniya rossijskix sportivny'x federacij i sportsmenov: nepravomerny'e ultima ratio // *Zakon*. 2022. № 8. S. 60–70.

2. Vasil'ev I. A., Sheveleva N. A., Vetrova E. G. Administrativnaya mera UEFA po otstraneniyu kluba ot uchastiya v sorevnovanii za manipulirovanie rezul'tatom: yuridicheskaya priroda i osobennosti primeneniya // *Zakon*. 2020. № 8. S. 31–43.

3. Doroxin V. S., Polyakov A. V. O nekotory'x idejny'x istochnikax teorii maksimizacii bogatstva Richarda Poznera: Adam Smit i Ieremiya Bentam // *Aktual'ny'e problemy'e`konomiki i prava*. 2020. T. 14, № 4. S. 683–696.

4. Kuri X., Il'chenko O. Yu. E'ffektivnost' nakazaniya: rezul'taty' mezhdunarodny'x issledovanij // *Aktual'ny'e problemy'e`konomiki i prava*. 2013. № 2. S. 240–256.

5. Lipinskij D. A. Vzaimodejstvie funkcij grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti v preduprezhdenii pravonarushenij: obshheteoreticheskij aspekt // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2019. T. 13, № 1. S. 30–40.

6. Lipinskij D. A., Evdokimov K. N. Regulyativnaya funkciya ugolovnoj otvetstvennosti: ponyatie, struktura i vzaimosvyaz' s preduprezhdeniem prestupnosti // *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. 2017. T. 11, № 3. S. 520–530.

7. Pechegin D. A. Diskussiya po itogam oznakomleniya s sodержaniem stat'i V. V. Xilyuty' «Nakazanie i ugolovno-pravovoe vozdejstvie: poisk optimal'noj modeli protivodejstviya prestupnosti» // *Rossijskij zhurnal pravovy'x issledovanij*. 2019. T. 6, № 3 (20). S. 148–152.

8. Pudovochkin Yu. E. Koncept «risk» i problemy' ugolovno-pravovoj nauki // *Nauchny'j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii*. 2020. T. 26, № 4 (79). S. 58–67.

9. Stepashin V. M. Soderzhanie principa e`konomii repressii // *Lex russica (Russkij zakon)*. 2017. № 11 (132). S. 24–37.

10. Vasilyev I. A., Vetrova E. G. A new “Catch 22”: “protective measures”, “preventive measures” and “sports sanctions” versus Russian athletes // *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2023. T. 14, № 2. P. 510–520. (In English).

11. Dorskaia A. A., Dorskii A. Yu. Co-regulation as a way to improve the effectiveness of legal regulation in sports // *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2021. T. 12, № 2. P. 263–275. (In English).

12. Emilio García Silvero. The match-fixing eligibility criteria in UEFA competitions: an overview of CAS case law // *Bulletin TAS. CAS Bulletin*. 2018/1 [Electronic resource]. URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Bulletin_2018_01.pdf. P. 6–21.

Статья поступила в редакцию: 02.02.2024;
одобрена после рецензирования: 15.02.2024;
принята к публикации: 20.02.2024.

The article was submitted: 02.02.2024;
approved after reviewing: 15.02.2024;
accepted for publication: 20.02.2024.

УДК 347.662:347.422

Л. А. Емелина

Академия при Президенте Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
urconsul1@yandex.ru

С. А. Яворский

Академия при Президенте Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
491899@mail.ru

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА ДЛЯ СОКРЫТИЯ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ ОТ КРЕДИТОРОВ

Аннотация. В статье поднимается проблема злоупотребления супругами-должниками возможностями брачного договора по отношению к кредиторам. Авторы статьи исследуют судебную практику спорных взаимоотношений и приходят к выводу, что брачный договор должен защищать права супругов на персональную ответственность по кредитам. Однако субъективные права одной стороны не должны ущемлять права другой и создавать тем самым кризис в правовой сфере. Авторы исследования убеждены, что реформирование данной нормы не может не затронуть такие презумпции, как согласие супруга на получение кредита вторым супругом, общность долгов и доходов супругов, а также и самого режима общности имущества супругов. Кроме того, злоупотребление правом супругами-должниками в вопросах ущемления прав кредиторов посредством применения условий брачного договора должно максимально снизиться за счет совершенствования законодателем необходимых норм и дополнений к п. 1 ст. 46 Семейного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: брачный договор; раздел имущества; кредитор; солидарная ответственность супругов.

UDC 347.662:347.422

L. A. Emelina

The Presidential Academy,
Moscow, Russian Federation,
urconsul1@yandex.ru

S. A. Yavorsky

The Presidential Academy,
Moscow, Russian Federation,
491899@mail.ru

THE CONSEQUENCES OF USING A PRENUPTIAL AGREEMENT TO HIDE FINANCIAL ASSETS FROM CREDITORS

Abstract. The article raises the problem of abuse by debtor spouses of the possibilities of the prenuptial agreement in relation to creditors. The authors of the article study the judicial practice of disputable relationships and come to the conclusion that the prenuptial agreement should protect the rights of spouses to personal liability for loans. However, the subjective rights of one party should not infringe on the rights of the other and thus create a crisis in the legal sphere. The authors of the study are convinced that the reform of this norm cannot but affect such presumptions as the consent of the spouse to the receipt of the loan by the second spouse, the community of debts and income of the spouses, as well as the very regime of community of property of the spouses. In addition, the abuse of the right by debtor spouses to infringe the rights of creditors through the application of the terms of the marriage contract should be reduced to the maximum extent possible by the legislator improving the necessary norms and additions to paragraph 1 of Article 46 of the Family Code.

Keywords: prenuptial agreement; division of property; creditor; joint and several liability.

Введение

Исследовать правовые проблемы брачнодоговорных отношений невозможно без обзора злоупотребления правом супругами по отношению к кредиторам при создании и реализации на практике всех условий брачного договора, которые подчас ставят юристов и цивилистов в тупик. Чаще всего злоупотребление правом считают неправомерным поведением, или деликтом [8, с. 36], нарушением принципов добросовестности. Можно сказать, что целью злоупотребления правом является достижение недозволенных целей и иных выгод [9, с. 9].

Достаточно часто в погоне за прибылью неосмотрительные супруги переоценивают свои интеллектуальные и финансовые возможности, действуют на авось, не имеют предпринимательского опыта, в результате чего терпят

фиаско в бизнес-проектах. Как следствие, начинают копиться долги, которые наносят серьезную угрозу не только личному, но семейному бюджету и благополучию семьи в целом. Пытаясь решить сложившуюся проблему, вместо финансового оздоровления супруг-должник либо один, либо в сговоре со своим супругом может начать использовать нормы ст. 38 и 40 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) как законную схему ухода от ответственности перед кредиторами, основанную на разделе имущества между супругами [1, с. 12].

Брачный договор является разновидностью формы гражданско-правового договора [4, с. 11], и существует мнение, что свое широкое распространение он получил лишь в крупных городах среди семей, где один или оба супруга имеют высокий уровень жизни [7, с. 59].

Однако этот важный и действенный инструмент раздельного режима имущества, призванный и созданный с целью защитить имущественные права супругов, не может применяться недобросовестными супругами-должниками для ухудшения положения кредитора. Мы проанализируем, как некоторые супруги могут злоупотреблять своим правом, заключая между собой брачный договор с целью ущемить права кредиторов, и какие правовые последствия этого злоупотребления наступают. Какие шансы существуют у кредитора восстановить свои права и преодолеть брачнодоговорный иммунитет с целью вернуть свои средства у недобросовестного заемщика?

Основное исследование

Дело семьи Матлак. Яркий прецедент, являющийся примером злоупотребления правом обоими супругами в отношении интересов кредитора, — дело семьи Матлаков. Один наш предприимчивый соотечественник решил защитить свои финансовые активы не от своей супруги, а от кредитора путем сокрытия от него факта заключения брачного договора. Сергей Семенович Матлак в период с 2014 по 2016 год неоднократно брал денежные займы у гражданина Н., но позднее истец Н. в суде был заменен на Сергея Владимировича Русанова в связи с цессией (переуступкой права требования). Долг на момент подачи заявления в суд без учета процентов составлял 6 миллионов рублей.

Решением Щелковского горсуда Московской области от 4 июня 2019 года¹ в пользу кредитора Русанова С. В. был взыскан весь долг с процентами за несколько лет в размере 14,9 миллионов рублей с учетом процентов. Однако после того как данное решение вступило в силу, Русанов С. В. узнает, что у ответчика нет имущества, необходимого для погашения долга.

¹ URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=AOKI&n=7440516&caheid=F9FE80A45EB5E68D3E5878A318EE276A&mode=splus&rnd=2UKT7w#V7wA6OUst5ioReUT1>

Ввиду невозможности взыскания долга Русанов С. В. обратился в Московский областной суд с требованием признать заключенный брачный договор от 14 ноября 2015 года между супругами Сергеем Семеновичем и Светланой Александровной Матлаками недействительным. Истец справедливо считал, что супруги злоупотребили правом и перевели все имущество на Матлак С. А., после того как на Матлака С. С. было заведено уголовное дело. Также истец настаивал на том, чтобы суд признал сделки по отчуждению имущества (жилого дома, земельного участка, помещения) Матлак С. А. недействительными, вернул их в собственность Матлак С. А. и возложил на нее солидарную ответственность по долгам ее мужа Матлака С. С. Как впоследствии выяснится, Матлак С. А. получила от продажи только земельного участка и дома не менее 26 миллионов рублей, которые не пошли на выплату долга кредитору.

Стоит отметить, что Мособлсуд решением от 2 декабря 2020 года и коллегия Первого кассационного суда от 19 мая 2021 года оставили жалобу Русанова С. В. без удовлетворения. Другими словами, суды не увидели в заключенном брачном договоре обязательства должника в соответствии с п. 1 ст. 46 СК РФ уведомить кредитора о намерении заключить такой договор, который очевидным образом ущемляет права Русанова С. В. В связи с этим кредитор обратился в Верховный суд Российской Федерации (далее — ВС РФ).

Судебная коллегия ВС РФ сделала в этом деле следующие выводы²:

1. Если супругу-заемщику недостаточно средств для погашения долгов перед кредитором, то последний имеет право обратиться взыскание на долю в имуществе второго добросовестного супруга согласно п. 1 ст. 45 СК РФ.

2. Заключающий с кредитором договор займа супруг обязан уведомить своего кредитора о наличии брачного договора либо о внесенных в него изменениях или о полном прекращении. В случае неуведомления кредитора супругом-должником о перечисленных обстоятельствах его имущественные последствия никоим образом не зависят от наличия брачного договора и содержания согласно п. 1 ст. 46 СК РФ.

3. В связи с этим решения судов низших инстанций подлежат отмене и дело направляется на новое рассмотрение.

Действительно, Московский областной суд в своем решении от 16 марта 2022 года отменил решения нижестоящих судов³.

Таким образом, Верховный суд пояснил, что подобные злоупотребления правом не могут остаться незамеченными справедливым правосудием в судебной практике Российской Федерации. Брачный договор — это не способ уйти от исполнения обязательств перед кредиторами, а лишь решение имущественных вопросов внутри семьи, между супругами, являющийся продолжением семейных отношений [3, с. 530].

² URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11012022-n-4-kg21-51-k1/>

³ URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=qsnpJpA&base=AOKI&n=10256602#HStD6OUkr1pNVRen>

По нашему мнению, данное незаконное и противоправное действие семья Матлаков и подобные им должники совершают при двух сопутствующих обстоятельствах, ставших негативной практикой у многих граждан.

Первым таким обстоятельством является то, что кредиторы не желают заверять долговые расписки у нотариуса, попросту экономя деньги на этой услуге или опасаясь, что данные о доходах попадут в фискальные органы и с такой деятельности придется платить налог. В связи с этим кредиторы нередко вынуждены доказывать, что передача наличных денег состоялась как факт.

Вторым таким обстоятельством является отсутствие в России реестра долговых расписок, создание которых, на наш взгляд, помогало бы объективно оценивать подобных должников при вступлении с ними в правовые отношения, а судам — принимать взвешенные и продуманные решения. В настоящее время мы считаем, что лежащие в сейфах и ящиках столов кредиторов расписки являются бомбами замедленного действия, способными развернуть любую правовую ситуацию в негативную сторону.

Мы полагаем, что необходим закон, обязывающий кредиторов регистрировать, например, у нотариусов все долговые расписки в течение 30 календарных дней, без чего они не имели бы юридической силы, а нотариусы, в свою очередь, вводили бы их в соответствующую базу данных — реестр долговых расписок.

Кроме того, большой вопрос у юристов вызывает работа низших судов, которые в условиях современных вызовов неспособны отвечать требованиям профессиональности и объективности в решении довольно простых правовых споров. Если бы не однозначная позиция Конституционного суда РФ в своих выводах⁴, то в судебной практике могло бы возникнуть понятие «матлаковщина», а существующий институт брачного договора, с подачи судей Щелковского районного суда и Московского областного суда, превратился бы в способ мошенничества и злоупотребления правом, уничтожил бы конституционный принцип исполнимости судебных решений. На наш взгляд, по итогам прове-

⁴ По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. В. Безменова и Н. В. Калабуна: постановление Конституционного суда РФ от 12 июля 2007 г. № 10-П // Российская газета. 2007. № 157; Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Октябрьского районного суда города Ижевска о проверке конституционности абзацев первого и второго пункта 1 статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 456-О // Вестник Конституционного суда РФ. 2004. № 3; Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Козловой Марины Николаевны и Козлова Сергея Сергеевича на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 46 Семейного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 13 мая 2010 г. № 839-О-О // Гарант (дата обращения: 12.09.2024); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Илюшечкиной Ларисы Валерьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 46 Семейного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда РФ от 23 декабря 2014 г. № 2957-О // Гарант (дата обращения: 12.09.2024).

дения проверки подобных некомпетентных судебных решений судебные бригады нижестоящих судов, чьи решения отменяет ВС РФ, подлежат увольнению.

Дело семьи Тарасовых. Схожим, по существу, является дело супругов Юрия Викторовича Тарасова и Риммы Валерьевны Шумаковой, которые находились в браке в период с 09.01.1998 по 18.02.2019 год. Тарасов Ю. В. с 19 февраля 2015 года был не в состоянии закрыть все свои долги перед кредиторами на сумму 3 305 574 рублей. Понимая риски, Тарасов Ю. В. принимает решение: спорное имущество, а именно земельный участок, нажитый в браке, площадью 88 000 м² стоимостью 6 300 000 рублей и нежилое помещение площадью 672,5 м², он передает по мировому соглашению заинтересованному лицу — Шумаковой Р. В., чем причиняет существенный риск кредиторам. Октябрьский районный суд Барнаула в рамках дела № 2-784/2016 от 16 марта 2016 года признал право собственности на спорную недвижимость за Шумаковой Р. В. Отметим, что суд Барнаула фактически утвердил брачный договор между супругами.

26 октября 2016 года Тарасов Ю. В. заявил в суде требование исключить земельный участок из конкурсной массы, однако судебными решениями от 4 августа 2017 года и 23 октября 2017 года в удовлетворении вышеуказанного заявления было отказано⁵.

Финансовый управляющий выяснил, что Тарасов Ю. В. на момент отчуждения имущества имел неисполненные обязательства перед несколькими кредиторами, что являлось основанием для признания его банкротом. Стоит отметить, что Арбитражный суд Алтайского края от 30 ноября 2016 года вначале отклонил требование управляющего о включении спорного имущества в конкурсную массу.

Позже Седьмой арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 23 октября 2017 года⁶, несмотря на то что спорное имущество было передано супруге должника при наличии признаков его несостоятельности, не нашел нарушений нормы п. 2 ст. 45 СК РФ и не признал долг супругов общим.

Необходимо отметить, что Шумакова Р. В. безуспешно обращалась в Октябрьский районный суд города Барнаула, Арбитражный суд Алтайского края и Седьмой арбитражный апелляционный суд с требованием отменить обеспечительную меру на спорный участок, чтобы она могла разделить совместно нажитое имущество с Тарасовым Ю. В. и исключить спорный земельный участок из конкурсной массы.

Как мы знаем, суды первой инстанции и апелляции точно определили, что в действиях Шумаковой Р. В. и Тарасова Ю. В. явно просматривается злоупотребление правом при подписании мирового соглашения, передающего право на спорный участок Шумаковой Р. В., а на основании п. 2 ст. 45 СК РФ и п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве данный спорный земельный участок является совместно нажитым имуществом и подлежит его реализации по общим правилам.

⁵ URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=554395&cacheid=4D289C8D259BBC6244C373BA14A467DC&mode=splus&rnd=2UKT7w#ocwJ9OUkkOIHzG81>

⁶ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/w3q4xu2Jdlrb/>

Однако в связи со злоупотреблениями правом и низкой квалификацией судебной бригады (председательствующий — С. А. Мельник, судьи — О. В. Ишутина, В. А. Лошкормоева) Шумакова Р. В. и Тарасов Ю. В. убедили Арбитражный суд Западно-Сибирского округа, который в своем постановлении от 18 января 2018 года отменил судебные решения низших инстанций и удовлетворил заявление истца⁷.

Как мы видим, «матлаковщина» как явление иногда одерживает победу. Тем не менее все может измениться в сторону справедливости благодаря профессионализму и настойчивости экспертов. Так, Плуталов М. Е., член Союза «Межрегиональный центр арбитражных управляющих», подал жалобу на решение окружного суда в ВС РФ. Стоит отдать должное и специалистам Судебной коллегии ВС РФ, которые разобрались в данной проблеме и вынесли следующее решение⁸:

1. Согласно ст. 213.26 ГК РФ у судов не было оснований для исключения спорного имущества из конкурсной массы.

2. Мировые соглашения между супругами Шумаковой Р. В. и Тарасовым Ю. В. направлены на сокрытие имущества от взыскания его кредиторами.

3. По ст. 46 СК РФ соглашение о разделе имущества является двухсторонней сделкой и, согласно п. 3 ст. 308 ГК РФ, ухудшение имущественного положения Тарасова Ю. В. не должно повлечь за собой ухудшение прав его кредиторов.

4. Мировое соглашение заключено сторонами за два месяца до открытия дела о банкротстве и спорное имущество могло быть изъято в конкурсную массу, в связи с чем решения низших судов были отменены и дело направлено в Седьмой арбитражный апелляционный суд.

Исследуемое нами дело вернули в Седьмой арбитражный апелляционный суд, который незамедлительно завершил правосудие и постановил:

1. Шумакова Р. В. затягивает процедуру банкротства и злоупотребляет правом истца.

2. Передача имущества от Тарасова Ю. В. его супруге Шумаковой Р. В. является ничем другим, как способом выведения спорного имущества из конкурсной массы и препятствием к осуществлению прав кредитора.

3. Жалобу Шумаковой Р. В. оставить без удовлетворения⁹.

Проблемой правового регулирования в данном случае может явиться тот факт, что у супругов есть возможность разделить обязательства и совместно

⁷ URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=145433&cacheid=327149A6E5DEA2E8DDBE54A7A0D0FF70&mode=splus&rnd=2UKT7w#jL9K9OULY14UuBxM>

⁸ URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/g2KaxTYxNvYJ/>

⁹ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17 сентября 2019 года № 07АП-12100/2016(3) по делу № А03-7118/2016. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS007&n=144412&ysclid=m1hoom0wl0281723765#vgbVNPUQLRx5BrCX1> (дата обращения: 12.09.2024).

нажитое имущество между собой. Кроме того, подобная формулировка «мне долги — тебе имущество» не вызовет подозрения у нотариуса и отказа в регистрации такого содержания брачного договора не будет. Думается, что это одна из категорий риска потенциального кредитора, которая должна вызывать настороженность как у нотариуса, так и у законодателя. Создавая диспозитивность в выборе такого перераспределения долгов и активов между супругами, являющихся совместными и презюмированными в правоприменительном аспекте, законодатель сам заложил для кредиторов риски невозможности взыскания долгов с таких супругов. Мы видим здесь актуальность введения запрета на такие формулировки в брачном договоре, либо следует вовсе отменить совместный режим имущества и персонификацию долгов супругов с невозможностью передачи ответственности по своим долгам второму супругу.

Суд, безусловно, может восстановить справедливость и рассмотреть такие формулировки, как злоупотребление правом, признав брачный договор недействительным. Однако отсутствие однообразия судебной практики в данном вопросе создает до сих пор существенные противоречия, которые прямым образом нарушают права кредиторов и взыскателей, нарушается принцип исполнимости судебных решений. Большую надежду на скорое и справедливое правосудие в вопросах пресечения злоупотребления супругами своими правами на заключение мнимых брачных договоров возлагается на принятое Постановление Пленума ВС РФ № 48 от 25 декабря 2018 года, которое, по сути, ликвидировало ряд распространенных схем по выводу финансовых и прочих активов при банкротстве, в том числе и когда самые ликвидные активы, как, например, спорный участок земли площадью 88 000 м² (6 300 000 руб.) и нежилое помещение 672,5 м² в рассмотренном нами деле, достались одному супругу — Р. В. Шумаковой, а второму, Ю. В. Тарасову, — только долги и незначительные финансовые активы.

Дело семьи Абрамовых. Семья Абрамовых, совершив ДТП 21 января 2013 года и причинив ущерб на сумму 2 698 521,48 рублей, на следующий день, а именно 22 января 2013 года, заключают брачный договор у нотариуса. Суд признает брачный договор недействительным на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Также суд посчитал, что этот оспариваемый брачный договор заключен в период подозрительности, чем причинил кредитору имущественный вред, предотвращая взыскание на имущество, приобретенное в браке¹⁰.

Несмотря на попытки обжаловать это решение, на основании п. 2 ст. 1 ГК РФ, подпунктов 5–7 Постановления Пленума № 63 от 23.12.2010, п. 1 ст. 10 ГК РФ, а также норм ст. 67, 68, 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) Арбитражный суд Поволжского округа оставил кассационную жалобу семьи Абрамовых без удовлетворения¹¹.

¹⁰ URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/63222578/paragraph/22:0>

¹¹ URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/39292661/paragraph/1:0>

Мы полагаем, что мировые соглашения о разделе имущества в деле супругов Р. В. Шумаковой и Ю. В. Тарасова, рассмотренном нами ранее, должны заключаться после расторжения брака согласно п. 1–2 ст. 38 СК РФ, хотя и имеют схожую природу с брачными договорами. В данном деле кредитор и финансовый управляющий в первых инстанциях, по нашему мнению, должны были применять комплексные нормы права, чтобы оспорить мировое соглашение (ст. 46 СК РФ, а также ст. 10, 168, 170, 174.1, 301, 308.3 ГК РФ).

Результаты исследования

В настоящее время сложившаяся модель правового регулирования, к сожалению, может не всегда соответствовать возникающим жизненным обстоятельствам. Более того, следует констатировать факт отставания юридической науки от современных вызовов, что не может не сказаться на судебной практике и негативно проявляется в судебном нормотворчестве и правоприменении [5, с. 16].

Решение данной проблемы разнородности судебной практики нам видится в том, что Верховный суд РФ уже настойчиво рекомендует судам сопоставлять свои решения и свои правовые позиции с постановлениями Пленумов ВС РФ, Президиумов ВС РФ: нижестоящие суды теперь не имеют права игнорировать мнение ВС РФ, создавая тем самым серьезные основы прецедентного права в российском судопроизводстве¹². Несмотря на обоснованную критику, мы видим в этом некий выход в сложной правоприменительной практике отечественного судопроизводства. В связи с этим есть надежда, что в России может в лучшую сторону измениться судебная практика и такие феномены, как «матлаковщина», навсегда уйдут не только из судебной практики¹³, но и полностью из правовой истории современной России.

В настоящее время СК РФ предоставляет супругам спектр субъективных прав, которые, в свою очередь, могут ущемлять права третьих лиц. Как мы выяснили, к таким лицам, чьи права могут быть в значительной степени ущемлены, относятся кредиторы. Причиной такого злоупотребления все чаще становится брачный договор, заключаемый супругами с целью дальнейшего исключения совместно нажитого имущества из конкурсной массы. Современные ученые отмечают, что назрела острая необходимость определения и создания границ субъективных прав, для того чтобы обеспечить в том числе и реализацию прав самого субъекта [6, с. 42].

¹² О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 июня 2020 года № 12 // Российская газета. 2020. № 156. П. 28.

¹³ URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08112022-n-56-kg22-27-k9/>; URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/oiZEPVwLqbVO/>

Реализация прав на защиту имущества посредством брачного договора должна быть ограничена рамками законных прав и требований кредиторов, осуществляющих свое право на взыскание имущества добросовестного супруга при невозможности погашения кредита супругом-заемщиком. Другими словами, мы видим решение в главенствующей роли правовой доктрины, регулируемой ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, когда осуществление прав и свобод одной стороны не должно ущемлять прав и свобод другой стороны. Чтобы расширение прав одной стороны не нарушало баланс существующих правовых стандартов и не становилось бы источником кризиса в праве, необходимо оставить права человека мерилom справедливости нормы в праве, помогая в преодолении любых кризисов в правовой сфере [2, с. 87].

Необходимо отметить, что авторы поднимали данный вопрос о проблеме использования брачного договора недобросовестными супругами в отношении кредиторов на XV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского «Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций», проходившей в МГПУ 26 апреля 2024 года. Ученые единодушно пришли к выводу, что злоупотребление правом супругами-должниками в вопросах ущемления прав кредиторов посредством применения условий брачного договора должно максимально снижаться за счет введения законодателем необходимых норм и дополнений к п. 1 ст. 46 СК РФ. Такое дополнение может иметь следующую формулировку: «Брачный договор и его содержание не могут ущемлять права кредиторов и иных лиц при недостаточности имущества супруга-должника для взыскания с имущества добросовестного супруга».

Реформирование данной нормы не может не затронуть таких презумпций, как согласие супруга на получение кредита вторым супругом, общность долгов и доходов супругов, а также и самого режима общности имущества супругов, вызывающих в последнее время горячие споры среди коллег. Мы надеемся, что вклад ученых в развитие и совершенствование семейного законодательства не останется незамеченным и послужит надежным фундаментом в деле упрочнения семьи и оздоровления финансовых отношений между супругами и кредиторами.

Список источников:

1. Беспалов Ю. Ф. Рассмотрение и разрешение споров о разделе общего имущества супругов (бывших супругов): некоторые теоретические и практические аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2017. № 3. С. 9–18.
2. Дорская А. А. Кризисы права и развитие прав человека: проблема соотношения понятий // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского (Москва, 23 апреля 2020 г.). Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 84–88.

3. Емелина Л. А. Влияние семейного законодательства на регулирование семейного бизнеса за рубежом // Семейный бизнес & LegalTech: научные решения для профессиональной предпринимательской деятельности: монография / отв. ред.: И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 525–536.
4. Емелина Л. А. Вопросы применения брачного договора в отношении бизнеса одного из супругов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 2. С. 6–21.
5. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1 (45). С. 16–22.
6. Полтавец Е. М., Северухин В. А. Пределы реализации субъективных прав // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского (Москва, 21 апреля 2022 г.) / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, Н. М. Ладнушкиной. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 42–45.
7. Пшонина М. Н., Ефимова О. В. Осуществление имущественных правоотношения супругов при бракоразводном процессе // Актуальные проблемы современного российского законодательства Российской Федерации: сб. ст. / авт.-сост. О. В. Ефимова. Вып. 5. М.: Саратовский источник, 2017. С. 58–68.
8. Субботина Е. В. Особенности осуществления прав и исполнения обязанностей в брачно-семейных отношениях // Семейное и жилищное право. 2012. № 3. С. 34–37.
9. Чеговадзе Л. А. Злоупотребление правом как форма гражданского правонарушения // Гражданское право. 2013. № 2. С. 8–11.

References

1. Bepalov Yu. F. Rassmotrenie i razreshenie sporov o razdele obshhego imushhestva suprugov (by vshix suprugov): nekotory'e teoreticheskie i prakticheskie aspekty' // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». 2017. № 3. S. 9–18.
2. Dorskaya A. A. Krizisy` prava i razvitie prav cheloveka: problema sootnosheniya ponyatij // Pravo i prava cheloveka v sovremennom mire: tendencii, riski, perspektivy` razvitiya: materialy` Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj pamyati professora F. M. Rudinskogo (Moskva, 23 aprelya 2020 g.). Saratov: Saratovskij istochnik, 2020. S. 84–88.
3. Emelina L. A. Vliyanie semejnogo zakonodatel'stva na regulirovanie semejnogo biznesa za rubezhom // Semejny`j biznes & LegalTech: nauchny`e resheniya dlya professional'noj predprinimatel'skoj deyatel'nosti: monografiya / отв. ред.: I. V. Ershova, A. N. Levushkin. M.: Prospekt, 2023. S. 525–536.
4. Emelina L. A. Voprosy` primeneniya brachnogo dogovora v otnoshenii biznesa odnogo iz suprugov // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». 2018. № 2. S. 6–21.
5. Pashencev D. A. Konstruktivizm v sovremennoj yuridicheskoy nauke // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 1 (45). S. 16–22.
6. Poltavec E. M., Severuxin V. A. Predely` realizacii sub`ektivny`x prav // Problemy` realizacii prav cheloveka i grazhdanina v usloviyax sovremenny`x social'ny`x transformacij: materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj pamyati professora F. M. Rudinskogo (Moskva, 21 aprelya 2022 g.) / pod obshh. red. D. A. Pashenceva, N. M. Ladnushkinoy. Saratov: Saratovskij istochnik, 2022. S. 42–45.

7. Pshonina M. N., Efimova O. V. Osushhestvlenie imushhestvenny`x pravootnosheniya suprugov pri brakorazvodnom processe // Aktual`ny`e problemy` sovremennogo rossijskogo zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii: sb. st. / avt.-sost. O. V. Efimova. Vy`p. 5. M.: Saratovskij istochnik, 2017. S. 58–68.

8. Subbotina E. V. Osobnosti osushhestvleniya prav i ispolneniya obyazannostej v brachno-semejny`x otnosheniyax // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2012. № 3. S. 34–37.

9. Chegovadze L. A. Zloupotreblenie pravom kak forma grazhdanskogo pravonarusheniya // Grazhdanskoe pravo. 2013. № 2. S. 8–11.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2024;

одобрена после рецензирования: 18.05.2024;

принята к публикации: 20.06.2024.

The article was submitted: 10.05.2024;

approved after reviewing: 18.05.2024;

accepted for publication: 20.06.2024.

УДК 341.1

З. Ш. Матчанова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
zoya2310@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6617-6111>

ЦЕЛИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию целей международно-правовой ответственности. В статье раскрываются ключевые понятия, приводится характеристика превентивной, обеспечительной и компенсационной целей, выявляется их значение, а также рассматриваются принципы международно-правовой ответственности. В результате исследования установлено, что цели международно-правовой ответственности являются фундаментальным понятием института ответственности в международном праве, а также выявлены основные препятствия к достижению целей международно-правовой ответственности. Также уделено внимание позиции зарубежных исследователей по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: международно-правовая ответственность; цели ответственности; норма международного права; нарушение норм; правонарушение; ущерб; компенсация; принципы международно-правовой ответственности.

UDC 341.1

Z. Sh. Matchanova

Herzen University,
St. Petersburg, Russian Federation,
zoya2310@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6617-6111>

OBJECTIVES OF INTERNATIONAL LEGAL RESPONSIBILITY: CONCEPT AND MEANING

Abstract. The article is devoted to the study of the goals of international legal responsibility. The article reveals the key concepts, provides a description of preventive, security and compensatory goals, identifies their significance, and also examines the principles of international legal responsibility. As a result of the study, it was established that the goals of international legal responsibility are the fundamental concept of the institution of responsibility in international law, and the main obstacles to achieving the goals of international legal responsibility were identified. Attention is also paid to the position of foreign researchers on the issue under study.

Keywords: international legal responsibility; the objectives of responsibility; the norm of international law; violation of the norm; offense; damage; compensation; principles of international legal responsibility.

Введение

Институт международно-правовой ответственности и его понятийный аппарат исследованы учеными-международниками очень подробно. В данной области существует множество сложных по содержанию понятий, которые часто трактуются по-разному, вызывают дискуссии среди ученых и практиков, различным образом исследуются представителями отечественной и зарубежной международно-правовой доктрины.

С развитием международного права и международных отношений отдельные понятия выходят на первый план в исследованиях, становятся предметом дискуссий об их содержании и корректном применении (например, репрессалии, санкции и др.) [4, с. 290–291].

Существуют понятия, которые воспринимаются с опорой на общепринятые доктринальные подходы и накопленный практический опыт, а иногда интуитивно, исходя из представлений, сформированных различными гуманитарными науками, прежде всего философией (например, справедливость, равенство и др.).

При этом любое понятие в области международно-правовой ответственности находится в прямой связи с таким базовым, основополагающим понятием, как цель ответственности.

Степень научной разработанности темы

Наука международного права всегда уделяла серьезное внимание вопросам международно-правовой ответственности. Значимый вклад внесли и отечественные юристы-международники. Так, например, научно-теоретическим аспектам по теме ответственности в международном праве посвящены работы Д. Б. Левина [9], Ю. М. Колосова [7], И. И. Лукашука [10] и многих других. Исследования названных авторов охватывают разные десятилетия, разные исторические эпохи, но каждое из них имеет неоспоримое научно-теоретическое значение для развития международно-правовой научной мысли. В этих работах как непосредственно, так и опосредованно нашел отражение и вопрос о целях ответственности.

Интереснейшие научно-теоретические положения и практические комментарии относительно современного состояния рассматриваемой научной проблематики содержатся в работе М. В. Кешнер «Право международной ответственности» [6], а также в труде «Институт ответственности в международном праве» под общей редакцией Р. Л. Хачатурова [5]. Эти исследования позволяют всесторонне изучить самые сложные вопросы, которые стоят сегодня перед наукой международного права в целом и институтом международно-правовой ответственности в частности.

Из современных зарубежных научных разработок рассматриваемой нами темы заслуживают отдельного внимания труды таких авторов, как Ф. Ройбен

и М. Амакоромо, в частности их работа «Ответственность, солидарность и их связи в международном праве: на пути к согласованной структуре» [12].

Несмотря на глубокую проработку широкого круга вопросов в области международно-правовой ответственности, само понятие «цели ответственности», как правило, не подвергается детальному анализу, а рассматривается в основном в контексте краткого введения в проблематику международно-правовой ответственности.

Методы

В нашем исследовании были применены различные общенаучные методы, традиционные и общепринятые для всех юридических наук, включая международно-правовые.

В основе исследования лежат формально-юридический и логический методы, которые дали возможность раскрыть тему и изложить основные вопросы в определенной логической последовательности. При характеристике рассмотренных в данной статье целей международно-правовой ответственности был применен дескриптивный (описательный) метод. Методы анализа, синтеза, а также диалектический метод позволили представить все исследуемые правовые явления в их развитии, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Основная часть

Международно-правовая ответственность понимается в современной юридической науке как особый вид публично-правовой ответственности. Но, несмотря на общее для подавляющего большинства исследователей понимание, юристами-международниками приводятся различные определения понятия международно-правовой ответственности, поскольку исследователи за основу дефиниции берут различные признаки данного правового явления и по-разному расставляют необходимые акценты. Иными словами, теоретики права дискутируют на тему понимания юридической ответственности, а юристы-международники отмечают неоднозначность понимания международно-правовой ответственности.

Однако, согласно общепринятым подходам, международно-правовая ответственность рассматривается прежде всего в качестве необходимого юридического средства обеспечения и гарантий соблюдения норм международного права, а также восстановления нарушенных прав. Это базовое понимание, изложенное в самом общем виде, очень важно для исследования цели, точнее целей, ответственности в международном праве.

Любая цель — это определенный образ того результата, которого надлежит достичь в конкретной сфере деятельности. Понятие «цель» имеет ключевое

значение и является тем фундаментом, на котором выстраиваются все нормы института международно-правовой ответственности, поскольку от постановки целей зависит логика разработки и принятия международно-правовых норм в области ответственности, механизмы ее реализации и другие важнейшие вопросы. Без основы в виде целей все другие элементы носили бы хаотичный, бессвязный, внутренне противоречивый характер. В данном вопросе ключевая роль принадлежит доктрине международного права.

Доктрина международного права дает нам четкое представление о том, что международно-правовая ответственность имеет не одну цель, а целый ряд последовательных и взаимозависимых целей, каждая из которых имеет серьезное значение. Основные цели международно-правовой ответственности следующие: 1) превентивная; 2) обеспечительная; 3) компенсационная.

Превентивная (предупредительная) цель. Превенция всегда подразумевает профилактику, предупреждение [1, с. 80–82], избежание негативного развития ситуации.

На основании принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) международное право требует, чтобы субъекты международного права, будучи сторонами различных международных договоров и членами международных объединений в различных сферах международного сотрудничества, действовали добросовестно в общих и взаимообусловленных интересах. При этом очевидно, что многие обязательства субъекты не выполняют либо выполняют с явными нарушениями, поэтому сдерживание потенциального правонарушителя — первая важная цель, успешное достижение которой могло бы исключить необходимость реализации иных целей.

Предупреждение международного правонарушения представляет собой совокупность политических, правовых, дипломатических и иных мер, направленных на недопущение нарушения международно-правовых норм как в целом всеми участниками международных отношений (общая превенция), так и конкретным субъектом в отношении определенных международных обязательств (частная превенция).

Следует учитывать те объективные обстоятельства и условия международной жизни, в которых существуют и действуют субъекты. Сложная международная обстановка в какой-либо сфере может негативно сказываться на способности или готовности государств добросовестно выполнять международные обязательства, вытекающие из участия в международных договорах или членства в международных организациях. Так, например, мировой финансовый кризис, разразившийся в 2008 году, крайне негативно сказался на стабильности отношений и добросовестности поведения субъектов в сфере экономики и финансов на международном уровне. Но нельзя оставлять без внимания и субъективные факторы, при которых потенциальный правонарушитель действует в собственных интересах, пренебрегая интересами других субъектов международного права.

Обеспечительная цель. Когда предупреждение не дало должных результатов или предупреждение конкретного правонарушения, сдерживание потен-

циального правонарушителя не осуществлялось вовсе, становится необходимым побудить правонарушителя выполнить свои обязательства надлежащим образом. По сути, данная цель носит промежуточный, рубежный характер: нарушитель уже проявляет себя недобросовестно, но еще не исчерпаны возможности воздействия на него и недопущения дальнейшего негативного развития событий.

Для достижения данной цели используется широкий инструментарий: международные консультации, заявление нот протеста по дипломатическим каналам, политические и экономические меры воздействия на нарушителя, включая санкции. Последние трактуются самым различным образом, что отмечается многими исследователями как достаточно серьезная проблема не только теоретического, но и практического свойства [8, с. 104–108], поскольку единообразное и четкое понимание этого термина способствовало бы более внятному и эффективному применению санкций как инструмента воздействия на нарушителя международно-правовых норм.

Воздействие на правонарушителя — термин весьма размытый, нет четкого перечня методов такого воздействия. Но ключевым моментом здесь является именно понятие «действие», «деятельность», то есть требуется активность заинтересованных субъектов, принятие каких-либо мер, адекватных складывающейся ситуации. К воздействию можно отнести и политические акции — официальные заявления, публичные мероприятия разного рода и т. д. Юридическое научное сообщество оценивает такие меры скептически, но все же они имеют место быть в международной практике и в отдельных случаях могут дать определенный полезный результат.

Соблюдение норм международного права обеспечивается самими субъектами международного права как индивидуально, так и путем коллективных усилий в зависимости не только от характеристики самого нарушения, но и от складывающейся международной ситуации и уровня доверия между субъектами, выступающими сторонами правоотношений ответственности.

Компенсационная (восстановительная) цель. Предоставление потерпевшему возмещения за причиненный материальный и моральный ущерб (компенсация ущерба) и восстановление нарушенных прав — это классическая цель международно-правовой ответственности, которая является наиболее востребованной в силу слабой проработанности практической реализации первых двух целей.

При реализации данной цели особенно важно понять, насколько широким может оказаться круг тех субъектов, кто будет выступать в правоотношениях ответственности в качестве субъекта-правонарушителя и субъекта-потерпевшего. По общему правилу, субъектами международно-правовой ответственности являются субъекты международного публичного права, прежде всего, как показывает международная практика, государства. В конкретном правоотношении, возникающем в связи с совершением международного правонарушения, может быть не один, а два или более субъектов международно-пра-

вовой ответственности, поэтому в международном праве существует понятие множественности ответственных государств. Возможно, со временем международно-правовая доктрина и практика воспримет и такие категории, как государства-исполнители, государства-соучастники, государства-пособники, однако на данном этапе это является спорным и с научно-теоретической, и с практической точки зрения.

Разумеется, численность государств-потерпевших, которые будут вправе требовать возмещения причиненного правонарушением ущерба и принимать определенные меры в отношении государства-правонарушителя, тоже может быть более одного, а значит, закономерно появление понятия множественности потерпевших государств.

Комиссия международного права ООН предусмотрела также возможность призвания к ответственности иными государствами, чем потерпевшее, то есть государства, объединенные общими интересами в силу членства в одной и той же международной организации либо участия в конкретном международном договоре, также могут отстаивать нарушенные права государства-потерпевшего. В большей степени это касается случаев, когда нарушаются основополагающие обязательства, являющиеся столь важными, что рассматриваются не иначе, как обязательства в отношении международного сообщества в целом (в современных условиях это касается, прежде всего, вопросов международной безопасности).

В целом компенсационная цель достигается за счет реализации различных форм международно-правовой ответственности.

Существуют также принципы (основополагающие начала) осуществления международно-правовой ответственности, которые были сформулированы Комиссией международного права ООН. Выработано четыре принципа, три из них напрямую связаны с рассмотренными выше целями международно-правовой ответственности, а именно:

1) принцип сохранения обязанности выполнения. Данный принцип подразумевает, что факт нарушения не означает того, что впредь все отношения между субъектами по выполнению взаимных международных обязательств прерываются — напротив, они продолжаются, хотя, разумеется, корректируются с учетом сложившейся ситуации. Корректировки могут касаться механизмов реализации обязательства: например, может усиливаться контроль за исполнением, но при этом суть обязательства ничуть не меняется, если только стороны не договорятся впоследствии об ином в порядке, установленном нормами международного права (в частности, речь идет о внесении поправок в договор);

2) принцип прекращения и неповторения. Прекращение деяния необходимо, когда правонарушение является длящимся. Заверение в неповторении противоправного поведения в будущем состоит в обнадеживающем заявлении, в котором утверждается, что произошедшее не повторится в дальнейшем, поскольку к тому будут предприняты все необходимые меры. Среди таких мер могут быть: привлечение к ответственности на внутригосударственном уровне

лиц, имеющих непосредственное отношение к содеянному, внесение необходимых изменений в национальное законодательство в части, которая касается той сферы межгосударственных отношений, которой был причинен ущерб;

3) принцип возмещения. Ключевое условие состоит в том, что возмещение должно быть полным, хотя на практике не всегда удается достигнуть полного возмещения в силу различных причин объективного и субъективного характера.

Важно отметить еще один немаловажный аспект. Субъектом ответственности могут выступать и международные организации. По рассуждению А. Пелле, с того момента как организации начали осуществлять весьма серьезные компетенции, было бы логичным, чтобы и подходы к их ответственности оказались сопоставимыми по методам и объему ответственности государств. В то же время субъекты права в любой правовой системе не обязательно идентичны по своей природе или объему своих прав, так же как и правосубъектность, права и обязанности международной организации не являются такими же, как у государства. Аналогичным образом механизмы ответственности, применимые к государствам, не обязательно могут быть перенесены в полном объеме и без изменений в международные организации. На практике нормы в области международно-правовой ответственности, применимые к международным организациям, включают в себя как некоторые общие нормы, которые применяются в сфере ответственности государств, так и некоторые специальные нормы, требуемые специфическим характером международных организаций [11, с. 10].

Зарубежные юристы-международники в своих исследованиях связывают вопрос о целях ответственности с вопросом о солидарности государств, без которой невозможно достижение целей. Так, Ф. Ройбен и М. Амакоромо излагают свое видение следующим образом: обязанности стимулируют солидарность по отношению к достижению международных общественных благ. Международные общественные блага требуют международного сотрудничества в контексте ответственности и солидарности. Матрица ответственности предполагает наличие назначенного органа, обладающего эффективными санкционными полномочиями. Чтобы матрица ответственности была полной, должен существовать орган, перед которым субъект ответственности будет обязан отчитываться и нести ответственность за невыполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей в отношении международного общественного блага. Перед таким органом должна быть поставлена задача установления стандартов соблюдения международных обязательств для всех субъектов ответственности, и он должен быть в состоянии применять эффективные санкции, направленные на содействие соблюдению обязательств [12, с. 16].

Солидарность, по мнению исследователей, подразумевает:

– во-первых, ответственность государств за достижение общей цели: глобальные проблемы должны решаться таким образом, чтобы затраты и бремя распределялись справедливо, в соответствии с основными принципами международного права, в том числе с принципом сотрудничества между государствами;

– во-вторых, взаимопонимание между субъектами относительно достижения и реализации общих целей и интересов: государства должны исходить из того, что их интересы неотделимы от интересов мирового сообщества, то есть солидарность направлена на то, чтобы воспрепятствовать государствам ставить свои интересы выше общих интересов мирового сообщества [12, с. 26].

Также важно учитывать, что солидарность может проявляться двояко: с одной стороны, через реагирование на опасности или события (негативная, или реактивная, солидарность), с другой — через создание взаимных прав и обязанностей для эффективного достижения общих целей (позитивная, или превентивная, солидарность). Сложилась тенденция реагирования на последствия нарушений постфактум, а не принятия более активных действий к их предотвращению. Поэтому важно, чтобы солидарность в достижении целей была превентивной, а не реактивной, поскольку реагирование на нарушения обычно становится более значительной проблемой, чем их предотвращение.

Следует отметить, что различия между солидарностью и сотрудничеством не настолько значительны, чтобы требовались разные механизмы их практической реализации, солидарность рассматривается в большей степени как фундаментальная моральная ценность, на которую должно опираться международное сотрудничество, в том числе в вопросах достижения целей международно-правовой ответственности.

Эффективность достижения целей международно-правовой ответственности определяется не интенсивностью предпринимаемых действий, а именно результатом. Не зря понятие «цель» связывают именно с результатом, которого удалось либо не удалось достигнуть субъектам правоотношений в конкретной международной ситуации. Три цели, которые были охарактеризованы нами с точки зрения их содержания, правильно рассматривать именно в той последовательности, что была приведена. Это последовательные шаги (этапы), которые необходимо предпринимать субъектам в сложившихся условиях: если не удалось предотвратить правонарушение, то дальше потребуются меры по призванию нарушителя прекратить правонарушение и действовать добросовестно; если и этот шаг (этап) не увенчался успехом, то далее останется только восстанавливать нарушенный правопорядок путем постановки вопроса о возмещении ущерба с применением различных международно-правовых процедур, включая обращение к международным судебным органам или же обращение за содействием в универсальные или региональные международные организации соответствующей компетенции и др.

Разумеется, результат, особенно на ранних этапах, не всегда выражается явно, и иногда оценить эффективность предпринятых действий можно с течением времени, когда, впоследствии проанализировав ситуацию и влияние на нее тех или иных мер, становится ясно, что определенное действие (решение) смогло предотвратить причинение ущерба или просто оздоровить отношения между сторонами в какой-либо сфере. В этом контексте важно упомянуть такое явление, как мягкая сила (*англ.* power soft). Долгое время этот

изначально условный термин был принят лишь в среде специалистов в области международных отношений и мировой политики, но сейчас и юристы вполне могут оперировать им, особенно если определяться с четким внутренним содержанием данного понятия и его дефиницией на доктринальном уровне. В любом случае для достижения целей ответственности в международном праве и этот механизм может быть востребован и эффективен наряду с другими, по крайней мере в качестве вспомогательного средства.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, само понятие «цель международно-правовой ответственности» можно определить как ожидаемый результат, к достижению которого стремятся субъекты международно-правовых отношений, выраженный в сдерживании потенциального правонарушителя либо в призывании его выполнить свои обязательства надлежащим образом и предоставлении потерпевшему возмещения ущерба, когда его не удалось предотвратить. Именно такое определение, на наш взгляд, наиболее емко отражает содержание исследуемого понятия с учетом его ключевого значения для института международно-правовой ответственности.

Нельзя не сказать и о том, что в современных условиях институт международно-правовой ответственности находится в кризисном состоянии, поэтому приходится констатировать, что достижение целей ответственности в международном праве имеет множество препятствий.

Во-первых, нарушение норм международного права имеет очень широкую распространенность и в отдельных областях даже приобретает систематический характер, что приводит к ситуации, когда международные механизмы не успевают адаптироваться к новым вызовам.

Во-вторых, отсутствует выверенная, последовательная, согласованная позиция государств относительно должного реагирования на определенные виды нарушений норм международного права (в частности, не решенная, а только усугубившаяся в последние десятилетия проблема двойных стандартов).

В-третьих, сложились разные подходы к дефинициям и трактовкам содержания ключевых понятий международно-правовой ответственности (яркий пример — понятие «международные санкции»).

И, наконец, общий кризис международного права [2; 3] сказывается на всех его институтах, подотраслях и отраслях, включая институт международно-правовой ответственности.

Таким образом, чтобы цели ответственности действительно были достигнуты и реализованы на практике, необходимо преодоление названных препятствий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильков К. А. Классификация видов превенции в рамках современного правового поля // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 78–83.
2. Дорская А. А. Кризисные явления в праве и пути их преодоления: теоретический и историко-правовой анализ: монография. СПб.: Астерион, 2021. 160 с.
3. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Кризисные явления в праве: понятие, причины, виды и признаки // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 2 (46). С. 22–33.
4. Ибрагимов А. М., Самович Ю. В. Репрессалии в современном международном праве: понятие и возможные меры // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 1, № 4 (56). С. 290–293.
5. Институт ответственности в международном праве: монография / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2017. 300 с.
6. Кешнер М. В. Право международной ответственности. М.: Проспект, 2017. 240 с.
7. Колосов Ю. М. Ответственность в международном праве. М.: Юридическая литература, 1975. 256 с.
8. Курдюков Г. И., Кешнер М. В. Соотношение ответственности и санкций в международном праве: доктринальные подходы // Журнал российского права. 2014. № 9. С. 103–115.
9. Левин Д. Б. Ответственность государств в современном международном праве. М.: Международные отношения, 1966. 152 с.
10. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. 404 с.
11. Pellet A. Definition of Responsibility in International Law // The Law of International Responsibility / Ed. Crawford J., Pellet A. New York: Oxford UP, 2010. P. 3–16.
12. Roeben V., Amakoromo M. Responsibility, Solidarity and Their Connections in International Law: Towards a Coherent Framework // Netherlands Yearbook of International Law. 2022. Vol. 51. P. 13–49. https://doi.org/10.1007/978-94-6265-527-0_2

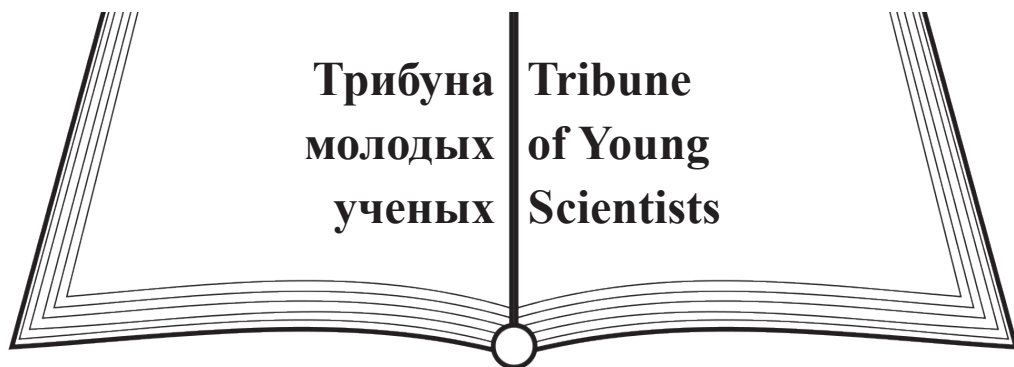
References

1. Vasil'kov K. A. Klassifikaciya vidov prevencii v ramkax sovremennogo pravovogo polya // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 3. S. 78–83.
2. Dorskaya A. A. Krizisny`e yavleniya v prave i puti ix preodoleniya: teoreticheskij i istoriko-pravovoj analiz: monografiya. SPb.: Asterion, 2021. 160 s.
3. Dorskaya A. A., Dorskiy A. Yu. Krizisny`e yavleniya v prave: ponyatie, prichiny`, vidy` i priznaki // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 2 (46). S. 22–33.
4. Ibragimov A. M., Samovich Yu. V. Repressalii v sovremennom mezhdunarodnom prave: ponyatie i vozmozhny`e mery` // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 1, 2013. № 4 (56). S. 290–293.
5. Institut otvetstvennosti v mezhdunarodnom prave: monografiya / pod obshh. red. R. L. Xachaturova. M.: Yurlitinform, 2017. 300 s.
6. Keshner M. V. Pravo mezhdunarodnoj otvetstvennosti. M.: Prospekt, 2017. 240 s.
7. Kolosov Yu. M. Otvetstvennost` v mezhdunarodnom prave. M.: Yuridicheskaya literatura, 1975. 256 s.

8. Kurdyukov G. I., Keshner M. V. Sootnoshenie otvetstvennosti i sankcij v mezhdunarodnom prave: doktrinal'ny'e podxody' // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 9. S. 103–115.
9. Levin D. B. Otvetstvennost' gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1966. 152 s.
10. Lukashuk I. I. Pravo mezhdunarodnoj otvetstvennosti. M.: Volters Kluver, 2004. 404 s.
11. Pellet A. Definition of Responsibility in International Law // The Law of International Responsibility / Ed. Crawford J., Pellet A. New York: Oxford UP, 2010. P. 3–16.
12. Roeben V., Amakoromo M. Responsibility, Solidarity and Their Connections in International Law: Towards a Coherent Framework // Netherlands Yearbook of International Law. 2022. Vol. 51. P. 13–49. https://doi.org/10.1007/978-94-6265-527-0_2

Статья поступила в редакцию: 12.06.2024;
одобрена после рецензирования: 15.06.2024;
принята к публикации: 20.06.2024.

The article was submitted: 12.06.2024;
approved after reviewing: 15.06.2024;
accepted for publication: 20.06.2024.



УДК 342.6

М. А. Кушко

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ,
Москва, Российская Федерация,
marykush91@yandex.ru

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье приводится анализ причин изменения статуса органов исполнительной власти: их создания и ликвидации, переподчинения, а также факторы, способствующие перегруппировке их полномочий. Рассмотрены две разновидности классификации таких факторов, каждая из которых проиллюстрирована примерами. Выявлена тенденция формирования органа для достижения определенных поставленных задач, особенно характерная для зарубежных государств. Проанализированы основные тенденции в преобразовании системы органов исполнительной власти 1940–1990-х годов. Названы решения, которые принял законодатель для переустройства системы, в частности для ликвидации органов. Сделан вывод о том, что системы органов исполнительной власти меняются либо стихийным, революционным путем, как правило под влиянием внешних или внутренних обстоятельств в государстве, либо такие причины не обозначены законодателем настолько точно, насколько это позволило бы выявить некоторую закономерность в их формировании.

Ключевые слова: факторы изменения компетенции органов; функции органов; объективные факторы; субъективные факторы; министерства; комиссариаты.

UDC 342.6

M. A. Kushko

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
marykush91@yandex.ru

FACTORS OF CHANGE IN COMPETENCE OF FEDERAL EXECUTIVE BODIES IN HISTORICAL RETROSPECTIVE AND IN MODERN CONDITIONS

Abstract. The article provides an analysis of the reasons for the change in the status of executive authorities: their creation and liquidation, reassignment, as well as factors contributing to the regrouping of their powers. Two types of classification of such factors are considered, each of which is illustrated by examples. The tendency of the formation of a body to achieve certain tasks has been revealed, especially characteristic of foreign countries. From 1940 to the 1990s, the main trends in the transformation of the system of executive authorities were analyzed. The decisions taken by the legislator for the restructuring of the system, in particular for the liquidation of bodies, are named. It is concluded that the systems of executive authorities change either spontaneously, in a revolutionary way, as a rule under the influence of external or internal circumstances in the state, or such reasons are not indicated by the legislator as accurately as it would allow to identify some pattern in their formation.

Keywords: factors of change in bodies competence; bodies functions; objective factors; subjective factors; ministries; commissariats.

Введение

Неизменно актуальным остается вопрос о том, что способствует изменению такой системы, как государство, является ли процесс изменения постепенным и существуют ли объективные закономерности, позволяющие предугадать состояние системы в будущем.

Органы исполнительной власти, как и любые институты, имеют свои жизненные циклы. Такую продолжительность совместно с причинами, определяющими создание, ликвидацию, реорганизацию органов, легко установить путем анализа положений об органах, что и будет кратко представлено в статье.

Методы

Методологической основой исследования послужили исторический, системный, структурно-функциональный методы, а также методы анализа, индукции, аналогии. В рамках междисциплинарного подхода использован исторический опыт в отношении систем органов власти в советский период и в период 90-х годов XX века.

Основное исследование

Государство — это система взаимосвязанных элементов, соединенных многочисленными каналами прямой и обратной связи. Несмотря на определенное разнообразие государств, представленных в современную эпоху и в исторической ретроспективе, в их существовании и развитии можно выделить определенные закономерности, в том числе связанные с пониманием публичной власти [4, с. 76], особенностями ее реализации, антропологическим наполнением и методами управления [6, с. 35–36].

Интересно, что, с точки зрения В. Г. Афанасьева, «управление осуществляется только в весьма высокоорганизованных подвижных целостных системах, которым присуща сложная сеть нелинейных причинно-следственных зависимостей как динамического, так и статического порядка, системах, способных в рамках данного основного качества переходить из одного состояния в другое» [2, с. 207]. Причем такая система требует постоянного видоизменения в связи с непрерывными и многочисленными процессами, происходящими в обществе. Процесс управления заключается в сознательном воздействии субъектов управления — совокупности органов и организаций — на систему с целью достижения определенных результатов. «Процесс управления заключается в упорядочении системы» [1, с. 106]. Но, как писал Ю. В. Тихомиров, нельзя «реформировать отдельные стороны государств вне их системных связей» [7, с. 57], что непосредственно связано с перераспределением полномочий, в том числе и федеральных органов исполнительной власти, их реорганизацией, переподчинением, созданием новых, упразднением имеющихся.

В связи с вышеизложенным необходим глубокий анализ тех объективных и субъективных факторов, которые определяют само государственное управление, а значит, и систему органов власти, их компетенцию. С этой целью рационально обозначить те обстоятельства, которые влекут за собой введение новых функций либо их упразднение.

Необходимость упразднения функции можно обосновать различным образом: необходимость функции неочевидна, может осуществляться субъектами рынка, это административный барьер, накладывает дополнительную нагрузку, функция не реализуется, может быть передана на аутсорсинг и т. д. [9, с. 9].

Примечательно также, что те функции, которые имеют решающее для государства воздействие на общественную систему, определяют его эффективность, отдаются, как правило, центральным органам. Те функции, при реализации которых превалирующее значение имеет оперативный характер, делегируются нижестоящим уровням организационной структуры государственного управления.

Существует также и некоторая тенденция укрупнения блоков функций в вертикальных и горизонтальных срезах. В вертикальном срезе такое уплотнение происходит за счет того, что уменьшается количество функций органов исполнительной власти и, как следствие, происходит упрощение, уменьшение звенности организационной структуры государственного управления. В гори-

зонтальной плоскости усовершенствование функций происходит за счет их реорганизации, развития комплексного территориального и программно-целевого управления [1, с. 123–124].

Анализ, проведенный В. Г. Афанасьевым [2, с. 214–219], позволил установить, что факторы могут представлять собой как случайные, стихийные обстоятельства, вызванные экономическими или политическими потрясениями, так и сознательные, закономерные явления, связанные с целенаправленной деятельностью людей [2, с. 368], реформистской деятельностью, изменениями территориально-отраслевого характера, внедрением в управляющую систему технических нововведений, совершенствованием организационной структуры.

К таким случайным обстоятельствам возможно отнести и различного рода военные конфликты, поскольку они являются скорее не закономерным, а стихийным явлением. Например, упразднение Временного Государственного комитета Российской Федерации по ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта стало результатом событий октября – ноября 1992 года.

Закономерными факторами, в свою очередь, являются такие, следствием которых непосредственно является перестроение системы органов, например сокращение структуры: функции Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ, Комитета по водному хозяйству и Комитета РФ по геологии и использованию недр передавались Министерству природных ресурсов РФ и Государственному комитету по охране окружающей среды [8, п. «а» ч. 1]; или же, наоборот, увеличение структуры: комиссариаты, созданные в 1930-х годах, ликвидировались в связи с разделением на наркоматы.

Для более целостной картины понимания факторов, способствующих переустройству системы, образованию новых и упразднению, присоединению, слиянию, разделению, выделению существующих органов, факторы возможно разделить также на внутренние (субъективные) и внешние (объективные). Условимся, что под внутренними, субъективными факторами будем понимать такие, которые объективно не свидетельствуют о необходимости переустройства системы, однако могут представлять собой причины, в конечном итоге приводящие к ее упорядочению. Формально при передаче отдельного комитета в ведение определенного министерства законодатель руководствуется соображениями именно о необходимости реструктуризации системы, хотя часто причина заключается в идеологических соображениях.

Как пример преобразований в результате действия субъективного фактора возможно привести принятие Конституции в 1936 году. Такое событие возможно назвать не вполне неизбежным, объективным, но представляется вполне закономерным то обстоятельство, что оно привело к смене высших органов власти: Верховного Съезда Советов на Верховный Совет. Не было выявлено объективных предпосылок для такого преобразования. То же самое касается необходимости преобразования комитета в министерство, разделения комитета на наркоматы, объединения нескольких министерств в министерство с более широкой сферой компетенций и, наоборот, разделения министерства.

Внешними, объективными факторами вполне возможно признать военные действия, а также масштабные политические события на уровне государства: например, Государственный совет прекратил свое существование в декабре 1991 года в результате распада СССР [3, с. 19]. Таким образом, внешние факторы — это определенные события, произошедшие в действительности. Еще один пример — присоединение к Российской империи Галиции в 1915 году, которое привело к созданию специализированного органа для обложения пошлиной товара, привезенного из присоединенной территории, — междуведомственной комиссии для обследования торговых и промышленных предприятий неприятельских подданных [5, с. 107]. Такой пример наглядно иллюстрирует процедуру формирования органа власти, рассчитанного на реализацию определенной цели. Данный подход является достаточно распространенным в ряде зарубежных государств: орган учреждается для достижения определенных показателей либо его создание является условием для реализации целей, зафиксированных в соглашении или законе, принятом международной организацией.

Закон об искусственном интеллекте Европейского союза предполагает создание как минимум одного уведомляющего органа (*англ.* notifying authority) с целью проведения оценки, назначения и уведомления органов по оценке соответствия, их мониторинга. В Законе об искусственном интеллекте ЕС четко указано, что «нотифицированный орган должен быть создан в соответствии с национальным законодательством государства-члена»¹.

Все вышеназванные факторы приводят либо к фрагментарной смене и трансформации системы органов власти, либо к революционной, стихийной, как это произошло на рубеже советского и российского периодов.

В целом для периода 1920–1990-х годов XX века была характерна в большей степени стихийная трансформация органов власти. Такие системы являлись не вполне устойчивыми и существовали в относительно стабильном виде приблизительно в течение десятилетия.

Переход к отраслевому управлению — одному из важнейших принципов совершенствования системы управления экономикой [4, с. 71] — привел к созданию комиссариатов — учреждений, руководящих одной из отраслей государственного управления. Именно комиссариаты послужили своеобразными прототипами отраслевых министерств — органов, возглавлявших отраслевую вертикаль, — и были в дальнейшем преобразованы в наркоматы или министерства. При этом не обнаружено предпосылок для ликвидации комиссариатов, разделения их на наркоматы и образования новых органов для советского периода — министерств. Не выявлено объективных причин необходимости ликвидации одного рода учреждений и появления новых, что требует, безусловно, больших организационных и материальных ресурсов.

¹ URL: <https://www.cnbc.com/2024/03/13/european-lawmakers-endorse-worlds-first-major-act-to-regulate-ai.html>

В обозначенном периоде нами будут кратко рассмотрены органы власти не применительно к разделению властей, характерному для построения системы органов в Российской Федерации, поскольку в Советском Союзе власть делилась скорее по функциональному и отраслевому признакам. Верховные советы сами осуществляли власть и контроль законодательной, исполнительной и судебной ветвей.

1940–1950-е годы XX века характеризовались в целом тенденцией к укрупнению министерств и включением в их состав новых организаций и учреждений. Например, Министерство тяжелого машиностроения в 1946 году было объединено с Министерством транспортного машиностроения, Министерством судостроительной промышленности, Министерством строительного и дорожного машиностроения и стало называться Министерством транспорта и тяжелого машиностроения. Такое расширение и укрупнение министерского блока подчеркивает положение министерства как вершины отраслевой вертикали органов власти.

Начало 90-х годов XX века возможно характеризовать как нестабильный период по понятным причинам: назревшая необходимость преобразований, а также распад Советского Союза привели к смене ряда Советов с частично пересекающейся компетенцией: Государственный совет СССР заменил Совет Федерации, просуществовавший как консультативный орган всего в течение года, а затем ставший органом государственной власти [3]. Представляется вполне обоснованным то обстоятельство, что многие органы власти прекратили свое существование в связи с окончанием существования СССР.

Стихийная трансформация органов власти, характерная для 1990-х годов, происходила путем создания, ликвидации или смены организационно-правовой формы органов. Для реализации процесса ликвидации органов создавались особые, ликвидационные комиссии; это подтверждает положение о том, что со сменой политического строя система трансформируется во многом радикально: посредством ликвидации большей части органов и формирования новой структуры. Тем не менее часть органов не ликвидировалась, а трансформировалась, что неизменно порождало возникновение новых вопросов, как то: что произойдет с имуществом, финансовыми и другими средствами (при смене организационно-правовой формы эти средства передавались от органов СССР органам РСФСР), каким образом будет осуществляться передача зданий и сооружений, материально-технической базы и другого имущества, а также штатной численности работников центрального аппарата и ассигнований на его содержание (от упраздненных министерств и ведомств РСФСР образованным на их базе органам государственного управления РСФСР). Представляется вполне оправданным решение Государственного совета СССР о наделении Межгосударственного экономического комитета функцией по определению правопреемников упраздняемых министерств и ведомств СССР (по функциям, международным обязательствам, а также по обязательствам, проистекающим из договоров гражданско-правового характера с организациями и фирмами зарубежных стран).

Отличным решением для переустройства системы, на наш взгляд, стало формулирование в постановлении Государственного совета отдельного перечня

упраздняемых органов, перечня органов, которые сохраняются в качестве межгосударственных органов управления (например, иностранных дел, таможи), а также органов, действующих на переходный период на основе дополнительных соглашений (в частности, морского флота, связи). Подобные нормативные акты позволяют ускорить процедуры трансформации системы, предоставляя единый перечень, определяющий судьбу ряда важнейших органов власти.

Следует признать целесообразным поручение Правительству РФ в месячный срок представить предложения по разграничению компетенций органов, устранению дублирования функций, а также по разработке общего положения о министерствах и ведомствах. Такой распорядок обеспечил бы оперативное построение новой системы органов в соответствии с положениями Конституции. Однако такого рода предложения не были представлены в 1992 году, и в настоящее время Президент РФ своими указами утверждает структуру и систему федеральных органов исполнительной власти без участия правительства.

Разумным решением разгрузки системы, на наш взгляд, выступило распоряжение о ликвидации тех органов, подведомственных Правительству РФ, которые не вошли в утвержденную структуру, а также распоряжение Председателю Правительства после утверждения нового органа представить в 10-дневный срок положение об органе.

В целом при анализе указов Президента РФ, регламентирующих перестроение системы федеральных органов исполнительной власти с 1992 по 1996 год, обнаружилась тенденция к упразднению большого количества комитетов. Их функции передавались агентствам и службам (специальные исполнительные, контрольные, разрешительные или надзорные функции).

Реструктуризация системы государственных органов во многом также связана с проведением административной реформы 2004 года. Например, смена организационно-правовой формы органов исполнительной власти во многих случаях связана с различного рода функциональной принадлежностью министерств, служб и агентств. Государственный комитет по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и горному надзору был преобразован в одноименную федеральную службу России. Представляется, что на тот момент существовала необходимость наделить орган надзорными функциями, поскольку по смыслу Указа Президента РФ от 30.09.1992 № 1147 «О системе центральных органов федеральной исполнительной власти» федеральная служба осуществляет в числе прочих и специальные надзорные функции. В то же время можно говорить об определенном уменьшении значимости органа, поскольку Председатель Государственного комитета являлся частью состава Правительства РФ, а Председатель федеральной службы не являлся.

Фактором, не способствующим непосредственному перестроению системы органов, можно назвать смену политического курса, к последствиям которой относится упразднение Комитета цен при Министерстве экономики Российской Федерации как результат смягчения регулирования цен, Комитета по защите экономических интересов Российской Федерации как результат интеграции

в международное сообщество, Комитета по делам военнослужащих и членов их семей при Правительстве Российской Федерации как результат сокращения численного и боевого состава Вооруженных сил Российской Федерации.

Как правило, появление или перераспределение новых функций непосредственно отражает выявленные, осмысленные, научно переработанные потребности, интересы и цели управления, социальную природу, общественную роль, целевую ориентацию государства [1, с. 114]. Нередко появление новых функций обуславливается сменой политического режима, а вместе с тем происходит кардинальная смена целей управления, что способствует упразднению определенных структур и введению новых, идеологической перестройке деятельности учреждений.

В качестве примера можно привести преобразование Министерства Российской Федерации по физической культуре, спорту и туризму Указом Президента РФ от 17.05.2000 № 867 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» в Государственный комитет Российской Федерации по физической культуре, спорту и туризму. Вероятно, такое преобразование было связано с уменьшением значения физической культуры в контексте идеологии. Равным образом Государственный комитет по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий был преобразован в одноименное министерство. Структурное изменение такого рода может быть связано с повышением значимости отрасли.

Вывод

Таким образом, государство представляет собой систему элементов, соединенных каналами прямой и обратной связи. Реформирование системы государства необходимо осуществлять посредством воздействия на такие связи, что реализуется через перераспределение полномочий. Факторы, оказывающие влияние на такую реструктуризацию, возможно разделить на случайные и закономерные, внутренние (субъективные) и внешние (объективные).

В основном системы органов менялись либо стихийным, революционным путем под влиянием таких обстоятельств, как смена политического курса, начало военных действий и необходимость создания специализированных органов под военные нужды, переход к новому типу управления экономикой, либо объективных оснований для смены системы выявлено не было. Вероятнее всего, в таких случаях законодатель руководствовался конъюнктурными соображениями.

Нами были обнаружены примеры формирования органов «для определенных целей» как в предшествующую эпоху, так и в настоящее время (Закон об искусственном интеллекте принят Европарламентом 13 марта 2024 года²).

² URL: <https://www.cnbc.com/2024/03/13/european-lawmakers-endorse-worlds-first-major-act-to-regulate-ai.html>

Был проведен анализ трансформации систем в различные эпохи и выявлено, что данный процесс происходил главным образом в результате создания, ликвидации, смены организационно-правовых форм ведомств. С целью прекращения существования органов создавались ликвидационные комиссии, а при создании новых в указах президента или иных актах прописывалась обязанность издания положения об органе с перечнем полномочий.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что далеко не в каждом случае существовали объективные предпосылки для трансформации системы, несмотря на то что в отдельном случае всегда возможно выявить хотя бы формальное обоснование данного процесса. Системы органов власти в основном менялись революционно, когда того требовала смена политического строя или введение нового экономического курса, или достаточно непоследовательно в тех случаях, когда законодатель обосновывал подобные нововведения необходимостью упорядочивания системы, целью борьбы с коррупционными проявлениями, устранением бюрократических барьеров.

Список источников

1. Атаманчук Г. В. Сущность советского государственного управления. М.: Юридическая литература, 1980. 256 с.
2. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с.
3. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923–1991 гг.: историко-биографический справочник / авт., сост. В. И. Ивкин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 639 с.
4. Кононов В. С. Правовые средства обеспечения публичных интересов в отношениях собственности // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 2 (46). С. 70–79.
5. Организация управления в системе министерства / под ред. Н. Г. Калинина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 323 с.
6. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1915 год. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 715 с.
7. Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2020. № 3. С. 34–39.
8. Об упразднении министерств и других центральных органов государственного управления СССР: Постановление Государственного совета СССР от 14 ноября 1991 года № ГС-13 // Ведомости ВС СССР. 1991. № 50. Ст. 1421.
9. Тихомиров Ю. А. Государство. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 354 с.
10. О структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Российской Федерации от 14 августа 1996 года № 1177 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4082.
11. Хабриева Т. Я., Ноздрачев А. Ф., Тихомиров Ю. А. Административная реформа: проблемы и решения // Журнал российского права. 2006. № 2 (110). С. 3–23.

References

1. Atamanchuk G. V. Sushhnost' sovetskogo gosudarstvennogo upravleniya. M.: Yuridicheskaya literatura, 1980. 256 s.
2. Afanas'ev V. G. Sistemnost' i obshhestvo. M.: Politizdat, 1980. 368 s.
3. Gosudarstvennaya vlast' SSSR. Vy'sshie organy' vlasti i upravleniya i ix rukovoditeli, 1923–1991 gg.: istoriko-biograficheskij spravochnik / avt., sost. V. I. Ivkin. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N), 1999. 639 s.
4. Kononov V. S. Pravovy'e sredstva obespecheniya publichny'x interesov v otnosheniyax sobstvennosti // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 2 (46). S. 70–79.
5. Organizaciya upravleniya v sisteme ministerstva / pod red. N. G. Kalinina. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1974. 323 s.
6. Osoby'e zhurnaly' Soveta ministrov Rossijskoj imperii. 1909–1917 gg. 1915 god. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N), 2008. 715 s.
7. Pashencev D. A. Antropologiya gosudarstva: ochelovechivanie pravovoj real'nosti kak vy'zov Leviafanu // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudenciya». 2020. № 3. S. 34–39.
8. Ob uprazhnenii ministerstv i drugix central'ny'x organov gosudarstvennogo upravleniya SSSR: Postanovlenie Gosudarstvennogo soveta SSSR ot 14 noyabrya 1991 goda № GS-13 // Vedomosti VS SSSR. 1991. № 50. St. 1421.
9. Tixomirov Yu. A. Gosudarstvo. M.: Norma: Infra-M, 2013. 354 s.
10. O strukture federal'ny'x organov ispolnitel'noj vlasti: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14 avgusta 1996 goda № 1177 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 34. St. 4082.
11. Xabrieva T. Ya., Nozdrachev A. F., Tixomirov Yu. A. Administrativnaya reforma: problemy' i resheniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 2 (110). S. 3–23.

Статья поступила в редакцию: 07.06.2024;
одобрена после рецензирования: 17.06.2024;
принята к публикации: 20.06.2024.

The article was submitted: 07.06.2024;
approved after reviewing: 17.06.2024;
accepted for publication: 20.06.2024.

УДК 347

А. А. Стебаев

Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Российская Федерация,
tvoyiurist@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-2733-0089>

**КАЧЕСТВО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
КАК УСЛОВИЕ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА**

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики программного обеспечения как объекта лицензионного правоотношения. Целью статьи является выявление специфических особенностей отношений по использованию программного обеспечения. Для достижения обозначенной цели был использован формально-юридический метод и метод правового моделирования. Проанализированы основные положения законодательства и подходы отечественных судов в части лицензионных договоров на программное обеспечение. На основе анализа действующего законодательства и актуальной правоприменительной практики сделаны основные практически значимые выводы, при этом особое внимание уделено квалификации условно сложившегося в договорной практике принципа «как есть» (*англ.* as is), а также обоснованию применимости к программному обеспечению такой вещно-правовой категории, как качество.

Ключевые слова: программное обеспечение; лицензионный договор; качество программы; недостатки программного обеспечения; принцип «как есть».

UDC 347

A. A. Stebaev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation,
tvoyiurist@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-2733-0089>

**QUALITY OF SOFTWARE AS A CONDITION
OF LICENSE AGREEMENT**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the specifics of software as an object of a license legal relationship. The purpose of the article is to identify the specific features of relations on the use of software. To achieve this goal, the formal legal method and the method of legal modeling were used. The main provisions of the legislation and approaches of domestic courts in terms of software license agreements are analyzed. Based on the analysis of the current legislation and current law enforcement practice, the main practically significant conclusions are made, with special attention paid to the qualification of the principle of “as is” conditionally established in contractual practice, as well as to the justification of the applicability of such a property-law category as quality to software.

Keywords: software; license agreement; quality of software; software flaws; “as is” principle.

Введение

С момента зарождения в России авторского права среди отечественных ученых становятся популярными дискуссии о правовой природе и содержании авторского права.

Так, например, И. Г. Табашников предлагал отождествлять авторское право с правом собственности [4, т. 1, с. 166], а Г. Ф. Шершеневич, напротив, писал об исключительной правовой природе авторского права, его тесной связи с личностью автора и о необходимости регулирования такого института специальными нормами права [5, с. 7].

Стоит отметить, что на сегодняшний день разница между авторским правом и правом собственности очевидна и строго определена законом. В качестве ключевых отличительных характеристик авторского права следует выделить два признака (приведены ниже).

1. Имущественным содержанием авторского права является исключительное право правообладателя, которое заключается в триаде его правомочий: использовать произведение самому, запрещать или разрешать такое использование третьим лицам.

2. Предметом некоторых договоров в сфере авторского права является не сам объект (произведение), а право на него. Так, предметом лицензионного договора является право использования произведения в предусмотренных договором пределах.

Инкорпорированный в действующее законодательство подход заключается в том, что предметом лицензионного договора являются именно права, а не сами объекты, что существенно отличает отношения в сфере использования произведений от отношений, складывающихся из иных гражданско-правовых договоров (таких как, например, договор купли-продажи или дарения).

В то же время стоит отметить, что, несмотря на четкое разграничение объектов авторского права от овеществленных объектов гражданских прав, для программ для ЭВМ (далее по тексту — программа; программное обеспечение; программный продукт) характерна категория «качество», что существенно отличает программы от всех иных объектов интеллектуальной собственности.

С точки зрения действующего законодательства качество является одной из характеристик, которая позволяет квалифицировать товар (работу или услугу) как товар (работу или услугу) надлежащего или ненадлежащего качества. При этом понимание данной категории является крайне необходимым, ввиду ее юридической значимости.

Установление ненадлежащего качества как минимум позволяет покупателю (заказчику) предъявлять продавцу (подрядчику, исполнителю) иски о возмещении убытков, апеллируя к соответствующим положениям части IV Гражданского

кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) или Закона о защите прав потребителей¹.

С учетом того что предметом лицензионного договора является право, а не сама программа, идея о применимости к программам категории «качество», являющейся, на первый взгляд, традиционной вещно-правовой категорией, совсем не соответствует правовой действительности. Однако более детальное погружение в специфику программы позволяет сделать вывод о том, что применение к программам категории «качество» не только возможно, но и в принципе необходимо.

Для отношений по использованию программ, которые возникают в связи с заключением лицензионного договора (далее — лицензионные отношения), стало довольно типичным предоставление права использования программы в соответствии с принципом *as is* (как есть), который, по сути, представляет собой один из вариантов закрепления заверений и гарантий правообладателя в отношении качества программы.

Стоит обратить внимание на отсутствие законодательного или иного строго определенного значения принципа *as is*. Он был сформирован в договорной практике и стоит отметить, что он направлен на защиту интересов именно правообладателей программ (лицензиаров).

Как правило, с помощью *as is* и благодаря его широкому толкованию в договорах, правообладатели в значительной степени ограничивают свою ответственность за качество предоставленного ими программного продукта, а иногда и в принципе избегают какой-либо ответственности. По этой причине лицензиат (далее — пользователь; конечный пользователь) может приобрести права на продукт, который не будет работать в той степени, на которую он рассчитывал.

Наличие у программных продуктов специфической, несвойственной такого рода объектам характеристики, отсутствие на законодательном уровне специальных правил о качестве программ, недостаточная регламентация принципа *as is* и вытекающие из всех этих обстоятельств проблемы обуславливают актуальность обозначенной темы.

Основная часть исследования

В соответствии с принципом свободы договора, предусмотренным ст. 421 ГК РФ, стороны вправе самостоятельно определять условия договора. Одновременно стоит отметить, что фактически условия договора определяются экономически более сильным субъектом.

¹ О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 (ред. от 8 августа 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/

В условиях развитого рынка, предполагающего наличие предложений для покупателей с разным уровнем доходов, кажется очевидным, что экономически более сильным субъектом является именно покупатель, который самостоятельно определяет продавца, готового продать ему товар, соответствующий его ожиданиям по доступной ему цене.

Заметим, что то же самое нельзя сказать о рынке программных продуктов. Ожидая получить определенный функционал, покупатель обратится за ним к тому, кто сможет предложить продукт, предусматривающий соответствующий функционал.

Безусловно, на рынке программных продуктов также могут быть аналоги, но в гораздо меньшем ассортименте, чем на рынке любых иных товаров. Кроме того, аналог программы далеко не всегда может обеспечить необходимый пользователю функционал в полном объеме. В таком положении вещей, очевидно, более экономически сильным субъектом становится правообладатель программного продукта.

Ряд программных продуктов принадлежит иностранным компаниям, которые действуют исключительно через своих авторизованных представителей — российских компаний (дистрибьюторов). В свою очередь, российские дистрибьюторы заключают соглашения с дилерами, которые в последующем и становятся прямыми контрагентами конечных пользователей программы.

В подобных многоструктурных отношениях договоры обычно являются типовыми, поскольку должны полностью соответствовать условиям иностранных вендоров (правообладателей), и, как следствие, в таких обстоятельствах у пользователей становится меньше возможностей влиять на положения договоров.

Экономически сильное положение позволяет лицензиарам в полной мере самостоятельно определять условия пользования программными продуктами, и для ограничения своей ответственности лицензиары включают в договоры с конечными пользователями условно сложившийся в договорной практике принцип *as is*.

Данный принцип назван условно сложившимся, поскольку, вопреки тому что в договорной практике принцип «как есть» встречается довольно часто, по факту для нашей правовой системы он не является общеобязательным и обычным для всех участников гражданского оборота. Применение принципа «как есть» могло бы быть признано обычным общеобязательным только тогда, когда данный принцип был бы истолкован в правоприменительной практике однозначно, недвусмысленно, то есть в определенном его значении, но не в настоящее время, когда принцип «как есть» для каждого конкретного договора имеет свое значение.

Следовательно, принцип *as is* является в первую очередь договорным, определяется и трактуется исходя из условий договора и подлежит применению исключительно к отношениям конкретных сторон, которые включили в соглашение применение данного принципа и установили его предел.

В самом общем виде принцип «как есть» заключается в том, что программа для ЭВМ предоставляется в том функционале и состоянии, которые существовали на момент ее предоставления. По этой причине правообладатель не несет перед лицензиатом ответственность за дальнейшее ненадлежащее функционирование данной программы вызванное, например, несовместимостью с другими программами. В таком виде *as is* справедливо ограничивает пределы ответственности лицензиара, оставляя за этими пределами то, за что он явно не может, да и в принципе не должен отвечать. Но часто принцип «как есть» толкуется гораздо шире.

Так, например, Б. Е. Семенюта отмечает, что одной из наиболее распространенных формулировок данного принципа является правило, в соответствии с которым в отношении программы по умолчанию не даются вообще никакие гарантии качества программы, кроме тех гарантий, которые прямо предусмотрены договором [3, с. 120].

По сути, принцип «как есть» в вышеприведенной формулировке говорит о том, что правообладатель программы будет отвечать только за те недостатки программы, за которые он поручился отвечать в рамках условий договора, то есть словно категория качества программы применима только в конкретных отношениях, но это далеко не так.

По мнению В. О. Калятина, условия, ограничивающие ответственность производителя программы, не могут освобождать его от обязательства нести ответственность в ситуации, когда на стороне производителя имела место грубая неосторожность, повлекшая причинение вреда пользователю программы, а также в случае прямого умысла на причинение вреда. В частности, одной из подобных ситуаций автор считает представление программы на носителе, зараженном вирусом [1, с. 195].

С точки зрения А. И. Савельева, в случае выявления в программе каких-либо недостатков возможно применение аналогии, то есть лицензиар должен нести точно такую же ответственность, которую исполнитель несет за некачественно оказанную услугу, обосновывая такой подход тем, что для программы очень важен именно ее функционал, ради которого она и приобретается [2, с. 22].

Трудно не согласиться с мнением А. И. Савельева. Действительно, пользователь, приобретающий программный продукт, рассчитывает в первую очередь на тот самый функционал, ради которого и покупает программу.

Безусловно, для некоторых пользователей визуальная часть программы также может иметь значение, но все же основной целью заключения лицензионного договора является использование функционала программы, а отсутствие у пользователя доступа к тому функционалу, на который он рассчитывал, совсем не соответствует цели заключения договора.

Похожего с А. И. Савельевым мнения придерживаются Н. В. Иванов и Г. В. Цепов, которые также считают необходимым, чтобы лицензиар нес ответственность за недостатки программы. Одновременно авторы отдельно

отмечают, что исключение ответственности поставщика программы и оставление пользователя один на один с его убытками в корне несправедливы².

Некоторые нормативные правовые акты прямо предусматривают, что программа должна соответствовать определенному качеству.

Так, например, приказом Минздрава России от 20 марта 2020 года № 206н устанавливаются сроки и порядок проведения экспертизы качества, эффективности и безопасности программного обеспечения, являющегося медицинским изделием, а также основания для вынесения экспертным учреждением заключения о невозможности государственной регистрации программного обеспечения³.

Таким образом, если программа, в силу установленных нормативными правовыми актами правил, должна соответствовать определенным требованиям, несоответствие таким требованиям может повлечь за собой неблагоприятные последствия, например в случае с программой, регистрируемой в качестве медицинского изделия, ее несоответствие установленным требованиям повлечет за собой отказ в такой регистрации.

Применимость к программам категории «качество» подтверждается и правоприменительной практикой.

В соответствии с правовой позицией Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее — ВС РФ), изложенной в п. 39 постановления от 28 июня 2012 года № 17, определено, что требования граждан к качеству программного обеспечения, используемого в технически сложном товаре, должны рассматриваться как требования к качеству товара в целом с учетом его потребительских свойств в соответствии со ст. 469 ГК РФ⁴.

По сути, вышеуказанная правовая позиция прямо определяет возможность предъявления требований к ненадлежащему качеству технически сложного товара в целом, когда в состав такого товара входит неработоспособное программное обеспечение.

Так, Самарским областным судом был рассмотрен спор, который возник между потребителем и продавцом по поводу качества смарт-часов. Потребитель купил у продавца смарт-часы, на которые был предустановлен сервис, позволяющий отслеживать параметры тренировки и обмениваться данными. После перехода продавца часов на другое программное обеспечение данный сервис перестал работать. Покупатель предъявил продавцу требование вернуть

² Цепов Г. В., Иванов Н. В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон. 2022. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=143400#HG1b1dT0KmzXv1ZK1> (дата обращения: 10.03.2023 г.).

³ Об утверждении порядка организации и проведения экспертизы качества, эффективности и безопасности медицинских изделий: приказ Министерства здравоохранения РФ от 20 марта 2020 года № 206н [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358276/ (дата обращения: 10.03.2023).

⁴ О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление ВС РФ от 28 июня 2012 года № 17 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/ (дата обращения: 10.03.2023).

денежные средства, и суд, посчитав такой недостаток неустранимым, удовлетворил требование покупателя⁵.

В вышеуказанном примере ненадлежащее качество товара, по сути, выразилось в полной неработоспособности одного из программных сервисов товара.

Правовая позиция Пленума ВС РФ, изложенная в пункте 39 Постановления от 28.06.2012 № 17, не устанавливает критерии определения качества программного обеспечения, минимальные пределы, свидетельствующие о том, что программа обладает надлежащим качеством. Подобные критерии не установлены как по отношению к товарам в принципе, так и по отношению к результатам работ по договору подряда.

В соответствии со ст. 469 и 721 ГК РФ качество товара (работы) должно соответствовать условиям договора, а в случае их отсутствия товар должен быть в принципе пригоден для целей, для которых товар такого рода обычно используется, а результат работы должен соответствовать требованиям, обычно предъявляемым к работам такого рода⁶.

Возникает вопрос, является ли *as is* неким обычным условием о качестве программы по аналогии с обычными условиями к качеству товара (результата работы)? Опираясь в числе прочего на вышесказанное, следует ответить однозначно — нет, не является как минимум по следующим трем причинам:

1. Принцип «как есть» в российской правоприменительной практике до сих пор не унифицирован, в каждом конкретном соглашении этот принцип имеет свое более или менее расширительное значение, по сравнению с этим же условием в других договорах, между другими сторонами.

2. С учетом того что «как есть» не является унифицированным принципом, предоставление лицензиату гарантии качества в каком-то абстрактном, усеченном объеме вряд ли можно признать справедливым и соответствующим цели заключения лицензионного договора.

3. Само назначение принципа «как есть» состоит не в установлении некоторого минимального объема гарантии для лицензиата, а скорее в ограничении ответственности лицензиара от требований лицензиата к качеству программы.

В силу вышеописанных обстоятельств принцип «как есть» стоит определять не как минимальное условие о качестве программы, а скорее как договорный инструмент ограничения ответственности лицензиара.

Обратившись к ст. 721 ГК РФ, можно заметить, что под соответствием результата требованиям, обычно предъявляемым к работам, понимается, по сути,

⁵ Решение Самарского областного суда от 19 февраля 2021 года по делу № 33-1634/2021 [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_or=case&_id=28136393&_uid=d1521e3b-2c27-47a4-ac4c-92d95cbba3e8&_deloId=1540005&_caseType=&_new=5&_srv_num=1 (дата обращения: 10.03.2023).

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон № 230-ФЗ: в редакции от 5 декабря 2022 года: принят Государственной думой 24 ноября 2006 года: одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 года (ред. От 05.12.2022). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 10.03.2023).

соблюдение подрядчиком какого-то минимума условий, что позволило ему создать пригодный для использования по назначению результат.

Применима ли конструкция «минимум условий для использования по назначению» к лицензионным договорам и, если она применима, как устанавливается тот минимум, который необходим для использования программы по ее назначению? Что следует понимать под программным продуктом надлежащего качества? Ответы на эти вопросы уже сегодня можно найти в судебной практике.

Так, в одном споре лицензиату удалось взыскать в судебном порядке с лицензиара ранее уплаченное лицензионное вознаграждение в качестве неосновательного обогащения, которое лицензиат обосновывал отсутствием технической возможности воспользоваться программным продуктом путем его запуска и воспроизведения в полном оговоренном договором объеме, что не было обеспечено лицензиаром. Наряду с этим истец отмечал, что запуск и работа программного продукта по отдельным частям и функциональным возможностям для него изначально не представляла никакого интереса, такое использование не достигает цели и результата, которые ожидались при заключении договора⁷.

В другом споре, который дошел до Суда по интеллектуальным правам, также было отмечено, что программа не соответствует характеристикам и функциональным возможностям, позволяющим получать тот результат, в котором лицензиат был заинтересован при заключении договора. Необходимые характеристики были определены судом исходя из условий спецификации к договору, а ненадлежащее осуществление программой ее функциональных возможностей было подтверждено результатом судебной экспертизы. В результате у лицензиата получилось в судебном порядке вернуть ранее уплаченное им вознаграждение за предоставленные права на программу⁸.

Ознакомление с материалами вышеуказанных споров можно сделать следующий вывод: минимум условий для использования программы по назначению определяется для каждой конкретной программы исходя из условий лицензионного договора. Установление унифицированного критерия минимума условий для программ, в принципе, представляется невозможным, поскольку все программы существенно отличаются по своему назначению и предоставляемым возможностям.

В вышеуказанных примерах вознаграждение было возвращено по той причине, что фактический функционал программы не совпал с тем, который предполагался лицензиатом при заключении договора. При этом открытым

⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 февраля 2018 года № 09АП-67977/2017-ГК по делу № А40-53878/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1384871#B4EU0dT28ux1EhJn> (дата обращения: 10.03.2023).

⁸ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 августа 2016 года № C01-668/2016 по делу № А40-105969/2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=24275#eObc0dTauz52SaPb1> (дата обращения: 10.03.2023).

остался еще один вопрос, а именно: возможно ли предъявление лицензиатом каких-либо требований к лицензиару в ситуациях, когда программа в целом соответствует заявленному функционалу, то есть цель заключения договора достигнута, но при этом в программе обнаруживаются какие-либо недостатки в виде сбоев, ошибок и т. д.?

Ответ на данный вопрос не является столь однозначным, закон прямо не предусматривает специальной для программ нормы, которая позволяла бы лицензиату предъявлять подобные требования.

В ходе заседания научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам, проведенного 27 апреля 2018 года, был поставлен вопрос о применимости к лицензионным отношениям норм об аренде по аналогии.

В ходе совещания А. Г. Карапетов, отметив сходство лицензионных и арендных отношений, посчитал возможным применение к лицензионным отношениям по аналогии положений о качестве сданного в аренду имущества, в то же время другие ученые, в частности Е. Н. Васильева и Р. С. Бевзенко, высказались о недопустимости подобной аналогии⁹.

Переложив дискуссию о допустимости применения аналогии права к лицензионным отношениям по использованию программ, стоит отметить, что, с одной стороны, наделение лицензиата аналогичными правами позволяло бы ему защитить его интересы в случае ненадлежащего качества программ.

С другой стороны, простое применение аналогии без учета особенностей лицензионных отношений может повлечь за собой нарушение баланса интересов сторон таких отношений.

Заключение

Выделим основные выводы, которые были сделаны в результате изучения и анализа доктринальных подходов, действующего законодательства и актуальной правоприменительной практики Российской Федерации:

1. Программы для ЭВМ представляют собой специфический объект интеллектуальной собственности, поскольку для программ, в отличие от каких-либо иных объектов интеллектуальной собственности, применима категория «качество», что подтверждается действующими правовыми актами и актуальной судебной практикой.

2. Требования к качеству программы определяются, прежде всего, исходя из цели договора; кроме того, качество программы должно также соответствовать установленным нормативными правовыми актами требованиям, в случае если такие требования установлены.

⁹ Протокол № 19 заседания научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 27 апреля 2018 года [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 21. URL: <http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/protocol-19-of-the-meeting-of-the-scientific-advisory-council-at-the-court-for-intellectual-property-right> (дата обращения: 10.03.2023).

3. В соответствии со сложившейся судебной практикой надлежащее качество программы проверяется на соотношение реального (фактического) функционала программы с тем, который определим исходя из условий договора, поэтому лицензиатам стоит проявлять должную осмотрительность при заключении лицензионных договоров, внимательно изучать функционал приобретаемого ими программного продукта.

4. Лицензиат должен иметь возможность защищать свои права как в случае полной неработоспособности, так и в случае частичной неработоспособности программы, а сам способ защиты такого права должен определяться исходя из фактического объема работоспособности программы. Безусловно, в случае полной неработоспособности программы ранее уплаченное лицензиару вознаграждение должно расцениваться как неосновательное обогащение, а в случае ненадлежащей работоспособности программы исполнение лицензиаром обязанности по предоставлению прав использования программы должно считаться ненадлежащим и, соответственно, лицензиат должен иметь возможность взыскать с лицензиара убытки.

5. Принцип *as is* не является общеобязательным правилом в российской правоприменительной практике, поскольку на сегодняшний день данный принцип не унифицирован. Признание данного принципа в качестве обычая позволяло бы лицензиарам существенно ограничивать свою ответственность за качество программы, что, несомненно, повлекло бы нарушение баланса интересов лицензиаров и пользователей программ.

Список источников

1. Калятин В. О. Интеллектуальная собственность (исключительные права): учебник для вузов. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2000. 480 с.

2. Савельев А. И. Актуальные вопросы судебной практики в сфере оборота программного обеспечения в России // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2013. № 4. С. 4–36.

3. Семенюта Б. Е. Гражданско-правовые договоры о предоставлении права использования программы для ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Институт государства и права РАН. М., 2013. 200 с.

4. Табашников И. Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность. Т. 1: Литературная собственность, ее понятие, история, объект и субъект. СПб.: Типография М. И. Попова, 1878. 568 с.

5. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: Типография императорского университета, 1891. 313 с.

References

1. Kalyatin V. O. *Intellektual'naya sobstvennost' (isklyuchitel'ny'e prava): uchebnik dlya vuzov*. Moskva: Norma: INFRA-M, 2000. 480 s.

2. Savel'ev A. I. *Aktual'ny'e voprosy` sudebnoj praktiki v sfere oborota programmogo obespecheniya v Rossii* // *Vestnik Vy'sshego arbitrazhnogo suda RF*. 2013. № 4. S. 4–36.

3. Semenyuta B. E. Grazhdansko-pravovy`e dogovory` o predostavlenii prava ispol`zovaniya programmy` dlya E`VM: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03 / Institut gosudarstva i prava RAN. M., 2013. 200 s.

4. Tabashnikov I. G. Literaturnaya, muzy`kal`naya i xudozhestvennaya sobstvennost`. T. 1: Literaturnaya sobstvennost`, ee ponyatie, istoriya, ob`ekt i sub`ekt. SPb.: Tipografiya M. I. Popova, 1878. 568 s.

5. Shershenevich G. F. Avtorskoe pravo na literaturny`e proizvedeniya. Kazan`: Tipografiya imperatorskogo universiteta, 1891. 313 s.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;

одобрена после рецензирования: 12.07.2024;

принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;

approved after reviewing: 12.07.2024;

accepted for publication: 19.07.2024.

УДК 347.736

М. В. Столярчук

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
smv.krd@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6556-6609>

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНИКА ПО СОКРЫТИЮ ИМУЩЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТРЕТЬИХ ЛИЦ

Аннотация. В статье представлено краткое исследование истории предпринимаемых должниками недобросовестных действий по использованию третьих лиц для целей формального дистанцирования от принадлежащих им активов в дореволюционный период. В первой части работы уделено внимание предписаниям уголовно-правовой направленности, в той или иной степени криминализирующим отношения номинальной собственности; в свою очередь, во второй указанное явление рассмотрено через призму недействительности сделок. Помимо правовых норм, проанализированы подходы судебной практики указанного периода и мнения представителей юридической науки. По результатам анализа отмечается, что при отсутствии единой дефиниции судебная практика и доктрина были едины в вопросе содержательного наполнения номинальных собственников. Автором сделан вывод о преемственности подходов дореволюционного периода с позициями современной судебной практики.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); подставное лицо; мнимый собственник; номинальный собственник; оспаривание сделок.

UDC 347.736

M. V. Stolyarchuk

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
smv.krd@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6556-6609>

THE GENESIS OF THE LEGAL QUALIFICATION OF THE DEBTOR'S ACTIONS TO CONCEAL PROPERTY USING THIRD PARTIES

Abstract. The article presents a brief study of the history of unfair actions undertaken by debtors to use third parties for the purpose of formal distancing from their assets in the pre-revolutionary period. In the first part of the work, attention is paid to the prescriptions of the criminal law orientation, which criminalize nominal property relations to one

degree or another, in turn, in the second, this phenomenon is considered through the prism of the invalidity of transactions. In addition to legal norms, the approaches of judicial practice of the specified period and the opinions of representatives of legal science are analyzed. According to the results of the analysis, it is noted that in the absence of a single definition, judicial practice and doctrine were united in the issue of the content of nominal owners. The author concludes that the approaches of the pre-revolutionary period are consistent with the positions of modern judicial practice.

Keywords: insolvency (bankruptcy); strawman; dummy; nominee owner; avoidance actions in bankruptcy.

Введение

Среди многочисленных злоупотреблений при банкротстве отдельного внимания заслуживают ситуации, при которых потенциальные должники (контролирующие должника лица) заблаговременно отчуждают свое имущество (регистрируют вновь приобретенное) в пользу дружественных третьих лиц, тем самым причиняя вред имущественным правам кредиторов. По данному вопросу пришлось отдельно высказаться суду высшей инстанции, который в 2021 году в рамках одного из дел сформулировал позицию о фигуре мнимого собственника, указав на необходимость выявления таких в делах о банкротстве граждан (Определение Верховного суда РФ от 15.11.2021 № 307-ЭС19-23103(2))¹.

В целях полного и всестороннего рассмотрения подобных практик в настоящей работе предлагаем обратиться к истории вопроса и ниже проанализируем правовые нормы, подходы доктрины и судебной практики в дореволюционный период.

Для соблюдения терминологического единообразия рассматриваемое явление в нашей работе будет условно именоваться отношениями номинальной собственности, а лица, содействующие должнику, — номинальными собственниками. Данное решение обусловлено тем, что при отсутствии легального определения в судебной практике арбитражных судов лица, принимающие на свое имя имущество должника, именуется арбитражными судами различными терминами (мнимый собственник, подставное лицо, номинальный собственник, номинальный покупатель). При имеющемся разнообразии дефиниций предпочтительной представляется именно категория номинального собственника, поскольку в таком случае явление не смешивается с мнимыми и не создается путаницы с уголовно-правовым содержанием термина «подставное лицо», легальное определение которого дано в примечании к ст. 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

¹ URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15112021-n-307-es19-231032-po-delu-n-a56-632620-18/>

Основная часть

Явление номинальной собственности и правило о включении имущества в конкурсную массу должника. Первые упоминания о номинальной собственности прослеживаются в положениях Устава о банкротях 1740 года (далее — Устав 1740 года), регламентирующих правила о включении имущества в конкурсную массу должника.

Так, в ст. 28 Устава 1740 года было указано: «Також и женам банкротовщиковым правости не иметь ни под званием приданого своего, ниже под видом досталаго по наследству или особо подаренного, и им принадлежащего чего-нибудь из массы (из общей суммы) требовать, ибо они вовсе повинны несчастье мужей своих с ними снести, и впрочем всякий подлог тем предостерегается»². В ст. 29 Устава 1740 года упоминалась возможность обращения в конкурсную массу должника имений детей прежнего супружества, «разве доказано будет, что оное имение никогда в руки и во владение банкротовщиконо не пришло, но всегда отделено оставалось»³.

Процитированные положения представляют собой правило, при котором имущество членов семьи должника могло быть включено в конкурсную массу последнего.

В контексте исследуемой проблематики можно предположить, что подобное решение законодателя было обусловлено в том числе недобросовестными действиями должников по передаче своего имущества в пользу супруги или детей от прежнего брака. Иными словами, в упоминаемых предписаниях усматривается стремление правопорядка ограничить практики номинальной собственности.

В данной части было бы разумно сделать следующие примечания.

С одной стороны, восприятие родственников должника в качестве предпочтительных кандидатов на роль номинального собственника может иметь под собой существенные основания. Указанные лица пользуются большим доверием должника, и вероятность невозврата ему имущества по окончании конкурсного процесса крайне мала.

С другой стороны, невольно поднимается вопрос о соразмерности несения супругой негативных последствий упадка состояния дел мужа, поскольку, помимо принадлежащего ей имущества, в конкурсную массу должника обращалось и приобретенное по наследству и по другим случаям имущество. Аналогичная по содержанию норма в отношении детей от прежнего супружества заслуживает большей поддержки, поскольку позволяла опровергнуть презумпцию принадлежности имущества должнику, чем создавала защиту от его обращения в конкурсную массу последнего.

² Устав о банкротях 1740 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://bankruptclub.ru/2019/12/20/1740ustav/> (дата обращения: 12.12.2023).

³ Там же.

Отдельно следует отметить, что в указанных положениях и Уставе 1740 года в целом не затрагивались случаи передачи имущества третьим лицам, не являвшимся родственниками должника, но пользовавшимся его доверием (друзья, бывшие сослуживцы и пр.). Как будет показано ниже, позднее подобные казусы выявлялись при непосредственном рассмотрении дел судами, для чего не требовалось прямого указания законодателя.

Подложное переукрепление имущества как признак злостного банкротства. Вероятно, по причине участвовавших злоупотреблений с начала XIX века рассматриваемые явления получают более отчетливое отражение в уголовном законодательстве под видом действий по переукреплению имущества должника⁴.

Сначала в ст. 105 Устава о банкротах 1800 года (далее — Устав 1800 года) умышленное переукрепление имущества признается признаком злостного банкротства («...кто из впадших в неоплатный долг обнаружится, или доказан будет, что, умышленно избегая платежа долгов, перекрепил или передал имение свое безденежно в другие руки»⁵).

Позднее, в развитие указанных положений, аналогичное предписание находит отражение в ст. 1585 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (далее — Уложение) («...о ком доказано, что он впадши в неоплатные долги, с умыслом для избежания платежа оных перекрепил свое имение или передал оное безденежно в другие руки, или же посредством подставных ложных займодавцев, или иным способом скрыл действительное свое имение или часть оногo, во вред неудовлетворенных вполне займодавцев»⁶).

В доктрине уголовного права переукрепление имущества должника рассматривалось в качестве одного из способов сокрытия имущества последнего. Так, А. Н. Круглевский отмечал, что «сокрытие имущества есть всякая деятельность, вызывающая сокращение объема удовлетворения кредиторов несостоятельного должника путем искусственного, фиктивного уменьшения его имущественной сферы» [6, с. 266]. В свою очередь, И. Я. Фойницкий детализировал, что наравне с физическим сокрытием активов имеет место сокрытие юридическое, выражающееся в «фиктивном отчуждении их, вполне или частью, путем вымышленного перевода их на имя третьих лиц, обыкновенно близких родственников виновного» [10, с. 394].

Обозначение лиц, оказывающих содействие должнику. Переходя к лицам, оказывающим содействие должнику в переукреплении имущества, следует обратить внимание на положения ст. 71 Устава 1800 года, в которой упоминается о фигуре «утаителя» («если кто пред судом доказан будет, что о долгах, имениях и вещах банкротовых во все время после распубликования не объявил

⁴ Термин «переукрепление» является производным от укрепления прав, под которым Д. И. Мейер понимал «установление внешнего знака, свидетельствующего о существовании права». Акты укрепления разделялись на крепостные, нотариальные, явочные и домашние [7, с. 297, 300].

⁵ Устав о банкротах 1800 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://bankruptcyclub.ru/2019/12/20/ustav1800/> (дата обращения: 12.12.2023).

⁶ См.: URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845>

умышленно и оные себе в корысть присвоил, или по согласию банкроту передал, а тот у себя скрыл»⁷).

Полагаем, что понятие «утаитель» является собирательным, включающим в себя лиц, совершающих различные недобросовестные действия, направленные на сокрытие или неправомерное присвоение имущества должника (присвоение имущества должника без его согласия, сокрытие информации о кредиторской задолженности последнего и пр.)⁸. Исходя из подобного расширительного толкования, можно сделать допущение о том, что одним из проявлений фигуры «утаителя» был и номинальный собственник (в современном его понимании), например если последний скрыл имущество по просьбе должника.

В более позднем издании Уложения в ст. 1164 сформирован отдельный состав в отношении лиц, участвовавших в подлогах злостного банкротства («лица, участвовавшие в подлогах злостного банкротства, подвергаются наказаниям по правилам о сообщниках преступлений»⁹). В случаях признания таковыми номинальные собственники могли быть привлечены к уголовной ответственности как сообщники должника.

В судебной практике также не использовалась определенная дефиниция при наименовании указанных субъектов, при этом предназначение соучастников банкротства оставалось прежним. Например, в одном из дел по иску о взыскании убытков с соучастников злостного банкротства, рассмотренном Одесским окружным судом в 1899 году, указывается, что «подлоги, совершаемые банкротом, не могут совершаться иначе, как с помощью посторонних лиц — соучастников, но для сокрытия разных частей своего имущества, для переукрепления той или иной ценности, для обременения своего имущества тем или иным фиктивным долгом банкрот может обратиться к разным лицам, входя в соглашение с одним с целью переукрепить одно имение, с другим с целью фиктивно составить и переучесть долговое обязательство»¹⁰. В данном деле суд, не обозначая соучастников банкротства специальным термином, сделал различие между лицами, содействовавшими переукреплению имущества, и лицами, принявшими на себя обязательства к должнику, однако оба получили наименование соучастников злостного банкротства.

Изложенное выше показывает, что дореволюционному уголовному праву было известно явление номинальной собственности, именовавшееся в тот период

⁷ Устав о банкротях 1800 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://bankruptclub.ru/2019/12/20/ustav1800/> (дата обращения: 12.12.2023).

⁸ Косвенное подтверждение сказанному обнаруживается у А.Х. Гольмстена, который рассматривая различные недобросовестные действия, использует «утаителей» в качестве обобщающего понятия [3, с. 131, 224].

⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в издании 1885 г. // Официальный сайт Президентской библиотеки. URL: <https://www.prilib.ru/item/459770> (дата обращения: 03.12.2023).

¹⁰ Вульфферт А. К. Судебная и судебно-административная практика // Право. 1899. № 10. С. 526–528.

действиями по переукреплению имущества должника. За исключением термина «утаитель», упоминаемого в Уставе 1800 года, лица, содействовавшие должнику в подобных практиках, не обозначались конкретным термином.

Отношения номинальной собственности в частном праве. В частном праве отношения номинальной собственности рассматривались в нескольких аспектах.

По общему правилу, формальная регистрация прав на имущество на имя третьего лица могла представлять собой внешнее выражение сложившихся между сторонами фидуциарных отношений. Подобную ситуацию описывает Н. Л. Дювернуа, указывая, что «фидуциарные операции совершаются часто между людьми близкими, или близко заинтересованными в одном и том же деле. Мы, товарищи, однако, приобретаем недвижимость для общего дела так, что я буду фигурировать как собственник на гипотечной книге, а N, мой товарищ, как гипотечный веритель» [5, с. 810]. Подобные сделки, по замечанию указанного автора, «суть совершенно легальные, но искусственно и иной раз невпопад прилаженные к отношениям, для коих они не подходят, юридические формы. Это то же, что платье не впору» [5, с. 811].

Когда формальная регистрация актива на третье лицо не являлась следствием несовершенства законодательной техники и нарушала права и законные интересы кредиторов, частное право обращалось к категории подложного переукрепления имущества путем введения специального состава недействительности такой сделки.

Так, согласно п. 2 ст. 1529 Свода законов гражданских «договор недействителен и обязательство ничтожно, если побудительная причина к заключению онаго есть достижение цели, законами запрещенной, как то, когда договор клонится к подложному переукреплению имения во избежания платежа долгов»¹¹.

По мнению Н. Л. Дювернуа, в данной норме идет речь о целом круге операций, «бессилие коих основано на подложном составе волеизъявления, в чем бы не заключался этот подлог, в отсутствии ли оснований или в наличии оснований неподлинных (*obligations sans cause*¹², *sur une fausse cause*¹³)» [5, с. 815]. Подобные сделки именовались в литературе фиктивными¹⁴ и могли быть оспорены вне зависимости от возбуждения в отношении должника процедуры банкротства¹⁵. При успешном оспаривании таких сделок имущество возвращалось в конкурсную массу должника.

¹¹ Свод законов Российской Империи [Электронный ресурс]. URL: <https://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 01.12.2023).

¹² С *фр.* — «обязательства без причины». — Прим. ред.

¹³ С *фр.* — «по ложному делу». — Прим. ред.

¹⁴ С. И. Гальперин писал, что «сделки о переукреплении имущества с целью неплатежа долгов могут выражать и действительную волю сторон, но злонамеренно направленную ко вреду третьих лиц. Эти сделки называются фиктивными» [2, с. 196].

¹⁵ Д. Д. Grimm отмечал, что данная норма является единственной статьей, упоминающей о праве оспаривания фраздаторных актов должника вообще независимо от формального объявления должника несостоятельным [4].

Вследствие признания сделки недействительной банкротство должника признавалось злонамеренным; в свою очередь, контрагент последнего, помимо применения к нему последствий недействительности, мог быть привлечен к уголовной ответственности на основании упомянутой выше ст. 1164 Уложения.

В отличие от уголовного права в предписаниях гражданского не обнаружилось специального термина — как родового, так и видового — для обозначения лиц, содействовавших должнику. Однако в литературе вслед за мыслью уголовно-правовой доктрины прослеживается понимание того, что таковыми преимущественно выступают лица, пользующиеся доверием должника. Например, В. Г. Федоровым отмечалось, что, предвидя неминуемое наступление банкротства, должник «прибегает к заключению всевозможных фиктивных сделок с родственниками и близкими лицами, представляя им право на значительную часть своего имущества» [9, с. 13]. Также можно сослаться на позицию В. И. Снигирева, который писал, что «если должник задумал переукрепить свое имущество с целью неплатежа долгов, он обязательно изберет своим контрагентом родственника или лицо, пользующееся его доверием по дружбе, продолжительному знакомству и проч., иначе рискует, вместо предполагаемой выгоды потерять последнее» [8, с. 74].

Интересно, что судебная практика в данном вопросе пошла дальше, указав на возможность признания номинальными собственниками лиц, не связанных с должником отношениями родства или свойства.

Сказанное может быть проиллюстрировано на примере одного из дел, дошедших до гражданского кассационного департамента Правительствующего сената (далее — Сенат).

В преддверии возбуждения конкурсного процесса должником (О. Лемишевский) были отчуждены два магазина мужских платьев в пользу Г. Боровке, которым спустя непродолжительное время указанный актив был продан К. Пневскому.

При удовлетворении заявления о признании договоров недействительными Варшавской судебной палатой приняты во внимание следующие обстоятельства: (1) после отчуждения лавки должник продолжил заниматься продажей товаров; (2) в магазинах была оставлена вывеска с именем должника; (3) в ежедневной газете от имени должника публиковалось объявление о принятии заказов на мужские платья; (4) при составлении приставом описи товаров должник давал пояснения относительно целостности и стоимости товара.

Палатой также было принято во внимание, что последний приобретатель имущества (К. Пневский) не имел средств на покупку магазина, не знал портняжного мастерства, не мог иметь сведений для заведования магазином мужских платьев, а также то, что ранее указанное лицо представляло должника по доверенности в период нахождения последнего за рубежом.

Сенатом указанная совокупность обстоятельств признана достаточной для признания договоров недействительными, вследствие чего было указано что «признание договоров фиктивными не лишало палату права признать, что имущество О. Лемишевского поступило во владение сперва Г. Боровке,

а потом и К. Пневского, и что затем они обязаны возвратить самое имущество или его ценность» (решение Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената от 28.04.1882 № 75).

Данное дело представляется заслуживающим внимания, поскольку из его фактуры можно выделить квалифицирующие признаки номинальной собственности.

Первым маркером выступило сохранение у должника фактического контроля над отчужденным ранее имуществом.

Вторым признаком можно признать несение должником расходов на содержание имущества. В рассмотренном деле к таким расходам отнесена оплата должником рекламы лавки в ежедневной газете.

Наконец, интересна характеристика лиц, избранных должником в качестве контрагентов. Из текста решения Сената следует, что они фактически не заведовали лавкой, а последний приобретатель и вовсе не обладал достаточными финансовыми ресурсами, знаниями и опытом для ведения дел в соответствующей сфере.

Указанный подход показал, что для установления факта подложного переукрепления имущества наличие родственных отношений не является обязательным, поскольку о фиктивности может свидетельствовать сохранение за должником контроля над отчужденным имуществом и одновременное отсутствие у покупателя объективной возможности приобрести и пользоваться спорным активом.

К сожалению, Сенатом в указанном деле не было использовано какого-либо термина для обозначения приобретателей имущества должника, в том числе не был заимствован термин «утаитель», использованный ранее в Уставе 1800 года. Вероятно, совокупность изложенных обстоятельств сама по себе выступила достаточной для признания между участвовавшими в ней лицами отношений номинальной собственности.

Изложенное выше показывает, что вслед за уголовным правом цивилистика не отставала в вопросе правовой квалификации отношений номинальной собственности, используя институт оспаривания сделок. Судебная практика в лице Сената вырабатывала свои критерии их изобличения, не ограничиваясь установлением отношений родства (свойства) между должником и третьим лицом.

Со сменой политического курса в 1917 году проблематика отношений несостоятельности постепенно сошла на нет, вследствие чего также упал интерес к действиям по формальной регистрации имущества на имя третьих лиц в преддверии банкротства¹⁶.

¹⁶ Отдельные примеры, не связанные с отношениями несостоятельности, формальной регистрации имущества на третье лицо упоминались в литературе раннесоветского периода. Например, Н. Г. Вавин при описании фидуциарных сделок как сделок в обход закона отмечает, что «типичным примером фидуциарной сделки является сделка с подставным лицом, как это нередко получает место в вексельном обороте, когда вместо препоручительной надписи на векселе ставят передаточную», а также указывает на другой пример, при котором «кто-либо, не будучи сам управомоченным на приобретение немунципализированного жилого строения доверительно приобретает его на имя своего знакомого. Обход закона в данном случае очевиден, — и сделка между юридическим и фактическим приобретателем этого строения должна почитаться недействительной» [1, с. 11].

Преимственность взглядов в современной судебной практике. Сопоставление изложенного материала с действующим законодательством и имеющимися тенденциями современной судебной практики позволяет высказать следующие замечания.

Во-первых, как и в дореволюционном праве, современное гражданское законодательство не располагает специальным термином, которым можно обозначить лицо, принимающее на свое имя имущество должника.

Если обратиться к определению Верховного суда РФ по делу о банкротстве гражданина С. А. Рассветова, которое, собственно, и стало локомотивом развития практики по рассматриваемому вопросу, то в нем обнаруживаются термины «мнимый собственник» и «мнимый держатель актива». Вместе с тем позднее и суд высшей инстанции, и кассационные суды прибегали к иным дефинициям. Например, в одном из дел Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда РФ указала, что кредитору следовало доказать, что «Н. был подставным лицом: в сделке он участвовал номинально (т. е. без реальной заинтересованности стать собственником имущества)»¹⁷. В свою очередь, суды кассационных инстанций используют наравне с «мнимым собственником» следующие определения: «номинальный (мнимый) собственник»¹⁸; «номинальный (мнимый) владелец»¹⁹; «номинальный собственник»²⁰; «номинальный владелец»²¹.

Полагаем, что перечисленные термины можно рассматривать в качестве синонимичных и само по себе отступление от терминологии, предложенной Верховным судом Российской Федерации (далее — ВС РФ), не следует воспри-

¹⁷ Определение Верховного суда РФ от 9 февраля 2023 года № 302-ЭС20-4222 (17, 18) [Электронный ресурс]. URL: <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-09022023-n-302-es20-42221718-po-delu-n-a58-63272018/>

¹⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 декабря 2023 года по делу № А40-138370/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ffBdT3G6cTNx/>

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 ноября 2023 года по делу № А40-58566/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/aomNRiRc4A5Q/>

²⁰ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 марта 2023 года по делу № А27-2432/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/fO6Atw4G7RYQ/>; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 апреля 2023 года по делу № А40-134867/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qfotWD2p3hYE/>; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07 марта 2023 года по делу № А76-40797/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kmzGFPg5XhmV/>

²¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12 июля 2022 года № Ф04-2171/2022 по делу № А46-2800/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/7RQFaM9jI71d/?ysclid=m1j6d4moуb858421379>; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 августа 2023 года по делу № А40-214179/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/0sjRv5JLND1q/>

нимать негативно. По существу, участники процесса и судьи заинтересованы в установлении (опровержении) фактов, прямо или косвенно свидетельствующих о намерении должника использовать третьих лиц в качестве ширмы, укрывающей ликвидные активы от притязаний кредиторов.

Во-вторых, указанные практики выявляются преимущественно при рассмотрении обособленных споров об оспаривании сделок должника. Конкурирующими составами недействительности выступают положения о мнимости и притворности.

Положения о мнимости применяются в тех случаях, когда имущество ранее было зарегистрировано на должника и впоследствии было переоформлено на имя третьего лица. Данный пример был упомянут еще в п. 86 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²² и активно используется в качестве образцового (часто речь идет о цепочке сделок, объединенной единой целью ее участников по формальной смене титульного владельца). Ссылка на притворность встречается в ситуациях, когда имущество изначально приобретает на денежные средства должника и регистрируется на имя третьего лица. В таком случае оспариваемые сделки признаются недействительными в связи с притворностью субъектного состава, при которой правовые последствия наступают для подлинных участников сделки, что означает возврат имущества в конкурсную массу должника²³.

Имеют место единичные случаи обсуждения соответствующих вопросов за рамками дела о банкротстве, которые впоследствии корректируются вышестоящими судебными инстанциями. Так, в рамках одного из дел финансовый управляющий должника обратился с заявлением о прекращении права собственности и обязанности вернуть имущество в конкурсную массу. Судом первой инстанции заявление возвращено заявителю с указанием, что «фактически заявлено требование об истребовании из чужого незаконного владения, которое подлежит рассмотрению в общеисковом производстве». Постановлением суда апелляционной инстанции определение о возвращении заявления отменено, вопрос направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Суд округа, поддерживая отмену определения о возвращении заявления, указал, что «тре-

²² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 12.01.2024).

²³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16 февраля 2022 года по делу № А27-2432/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/cfJ6Qi45jVZw/>; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.11.2023 по делу № А40-193193/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/nqauZ7nPfp5l/>; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.04.2023 по делу № А65-29088/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/GgCznV8bYcUJ/>

бования финансового управляющего о передаче объектов в конкурсную массу и прекращении права собственности на спорные объекты следовало квалифицировать как последствия недействительности ничтожной сделки, предполагающие одностороннюю реституцию»²⁴.

В-третьих, судами кассационных инстанций фактически презюмируется, что заинтересованные по отношению к должнику лица являются номинальными собственниками, бремя доказывания обратного возлагается на таких лиц. Например, Арбитражным судом Волго-Вятского округа направлен на новое рассмотрение обособленный спор о признании сделки недействительной, поскольку «суды не учли, что настоящий спор рассматривается в деле о банкротстве должника, оспоренная сделка совершена аффилированным по отношению к должнику лицом, а потому в данном случае должен быть применен повышенный стандарт доказывания относительно добросовестного поведения как самого должника, так и его родственников»²⁵. Как отметил в другом деле Арбитражный суд Московского округа, направляя спор на новое рассмотрение, «по схожим аналогичным делам судами применяется дискреция об обязанности ответчиков доказать добросовестность своих действий, с учетом сформированной правовой позиции, о том, что бремя доказывания добросовестности ответчика лежит на самом ответчике и не может быть переложено на добросовестного истца, которому в результате целенаправленных действий ответчиков был причинен вред»²⁶.

Помимо отмеченного, как и в рассмотренном Сенатом деле О. Лемишевского, сегодня суды кассационных инстанций уделяют внимание косвенным доказательствам, не связанным с отношением родства (свойства). Например, по одному из дел Арбитражный суд Уральского округа счел обоснованным определение о признании сделки недействительной, указывая, что согласно журналу проезда садово-огороднического некоммерческого товарищества объекты недвижимости посещались только должником, при этом наличие договоров электроснабжения и догазификации с номинальными собственниками сами по себе не являются достаточным опровержением фактического пользования активами должником²⁷. Довольно часто заявители в подтверждение довода

²⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 мая 2023 года по делу № А40-125970/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/VIoBzca4LnWr/>

²⁵ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 февраля 2023 года по делу № А43-33026/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kPuBZEjQNiLK/>

²⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 ноября 2023 года по делу № А40-193193/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/nqauZ7nPfp5l/>

²⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 2 ноября 2023 года по делу № А50-17053/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=258606&ysclid=m1kgy9elwj857854253#TFFuYPUuNg9N3zZ51> (дата обращения: 12.01.2024).

о номинальной собственности приводят факт несения должником расходов по налогам и коммунальным платежам²⁸.

Изложенное выше свидетельствует о преемственности правовых подходов дореволюционной юридической мысли и современной практики в вопросе оценки отношений номинальной собственности.

Заключение

По результатам краткого описания отношений номинальной собственности в отечественном дореволюционном праве можно сделать выводы.

В силу особенностей правового регулирования отношений несостоятельности явление номинальной собственности сначала находит косвенное отражение в предписаниях уголовно-правовой направленности, несколько позднее — в частном праве.

В уголовном законодательстве и доктрине исследуемая группа отношений квалифицировалась в качестве действий по юридическому сокрытию имущества должника.

В частном праве отношения номинальной собственности воплощались по-разному. С одной стороны, они могли быть внешним выражением сложившихся между сторонами фидуциарных отношений, которые были следствием несовершенств законодательной техники; с другой — могли рассматриваться в качестве фиктивной сделки, направленной на переоформление имущества должника во избежание долгов. Линия разграничения между указанными вариантами квалификации определялась в зависимости от умысла сторон и нарушения прав кредиторов должника.

Лица, принимающие на свое имя имущество должника, не обозначались одним термином. В зависимости от контекста и исторического этапа, они могли именоваться утаителями, подставными лицами или сообщниками. Более важно то, что в судебной практике и доктрине отсутствовали расхождения относительно содержательного наполнения номинальных собственников, поскольку в качестве кандидатов на данную роль рассматривались преимущественно родственники должника или пользующиеся его доверием лица.

Анализ исторического материала показал наличие преемственности правовых подходов дореволюционной юридической мысли и современной практики

²⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 мая 2023 года по делу № А40-122615/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/6XTWhGBqL6x0/>; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 19 октября 2023 по делу № А43-3748/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVV&n=118615&ysclid=mlkhuxiga5495827554#Qmd0ZPUOWW9x1Ofz1> (дата обращения: 12.01.2024); Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.09.2023 по делу № А51-8617/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/AXd2vOqtJWWj/>

в вопросе оценки отношений номинальной собственности. В некотором смысле можно сказать, что суды не нуждаются в прямом законодательном регулировании вопроса, поскольку сами вырабатывают критерии оценки косвенных доказательств номинальной собственности и правила о распределении бремени доказывания.

Список источников

1. Вавин Н. Г. Ничтожные сделки. М.: Правовая защита, 1926. 24 с.
2. Гальперин С. И. Учебник русского торгового и вексельного права. Екатеринослав: издание И. В. Шафермана. 1907. Вып. II. 354 с.
3. Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / под ред. А. Г. Смирных. 2-е изд. М.: Издание книг ком, 2019. 288 с.
4. Grimm Д. Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (по поводу законопроекта, внесенного в Государственную думу) // Вестник гражданского права. 2010. № 4. С. 126–191.
5. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение и часть общая. Вып. 3: Изменение юридических отношений. Учение о юридической сделке. Санкт-Петербург: типография М. М. Стасюлевича, 1905. 936 с.
6. Круглевский А. Н. Имущественные преступления: исследование основных типов имущественных преступлений. СПб.: Типо-лит. С.-Петербург. одиноч. тюрьмы, 1913. 549 с.
7. Мейер Д. И. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2019. 848 с.
8. Снигирев В. И. Дружеские и бронзовые векселя: историческое, бытовое и юридическое исследование. СПб.: Коммерческий деятель, 1911. 80 с.
9. Федоров В. Г. Право опровержения действий, совершенных должником в ущерб кредиторов. СПб.: Право, 1913. 45 с.
10. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная: Посягательства личные и имущественные. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1907. 441 с.

References

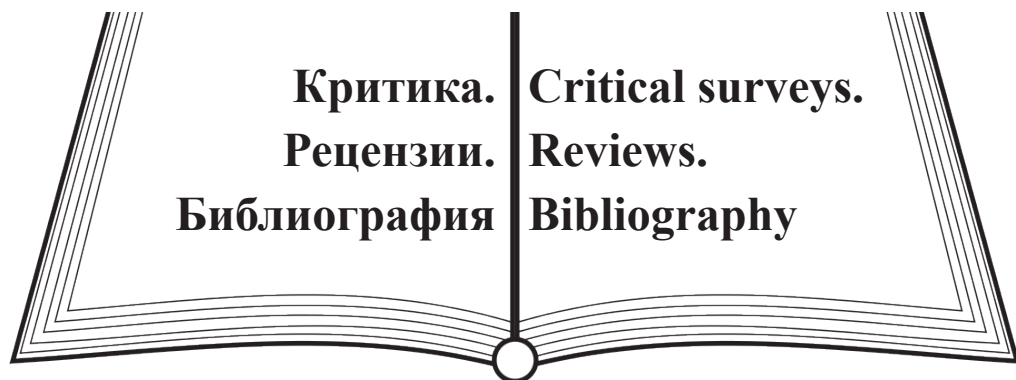
1. Vavin N. G. Nichtozhny`e sdelki. M.: Pravovaya zashhita, 1926. 24 s.
2. Gal`perin S. I. Uchebnik russkogo torgovogo i veksel`nogo prava. Ekaterinoslav: izdanie I. V. Shafermana. 1907. Vy`p. II. 354 s.
3. Gol`msten A. X. Istoricheskij ocherk russkogo konkursnogo processa / pod red. A. G. Smirny`x. 2-e izd. M.: Izdanie knig kom, 2019. 288 s.
4. Grimm D. D. Osparivanie aktov, sovershenny`x vo vred kreditoram (po povodu zakonoproekta, vnesennogo v Gosudarstvennyuyu dumu) // Vestnik grazhdanskogo prava. 2010. № 4. S. 126–191.
5. Dyuvernuia N. L. Chteniya po grazhdanskomu pravu. T. 1: Vvedenie i chast` obshhaya. Vy`p. 3: Izmenenie yuridicheskix otnoshenij. Uchenie o yuridicheskoy sdelke. Sankt-Peterburg: tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1905. 936 s.
6. Kruglevskij A. N. Imushhestvenny`e prestupleniya: issledovanie osnovny`x tipov imushhestvenny`x prestuplenij. SPb.: Tipo-lit. S.-Peterb. odinokh. tyur`my`, 1913. 549 s.
7. Mejer D. I. Izbranny`e trudy: v 2 t. T. 1. M.: Statut, 2019. 848 s.
8. Snigirev V. I. Druzheskie i bronzovy`e vekselya: istoricheskoe, by`tovoe i yuridicheskoe issledovanie. SPb.: Kommercheskij deyatel`, 1911. 80 s.

9. Fedorov V. G. Pravo oproverzheniya dejstvij, sovershenny`x dolzchnikom v usherb kreditorov. SPb.: Pravo, 1913. 45 s.

10. Fojniczkij I. Ya. Kurs ugolvnogo prava. Chast` osobennaya: Posyagatel`stva lichny`e i imushhestvenny`e. SP.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1907. 441 s.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024;
одобрена после рецензирования: 18.06.2024;
принята к публикации: 19.06.2024.

The article was submitted: 10.06.2024;
approved after reviewing: 18.06.2024;
accepted for publication: 19.06.2024.



УДК 34

Е. М. Крупеня

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
kрупеняем@mgpu.ru

Ю. В. Гаврилова

Московский университет им. С. Ю. Витте,
Москва, Российская Федерация,
u.v.gavrilova@gmail.com

**КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В ФОКУСЕ
СТРАНОВЕДЧЕСКОГО ПОДХОДА:
ОПЫТ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ
(ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«БЕЛОРУССКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (К 30-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)» (РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ,
МИНСК, 5–6 МАРТА 2024 Г.))**

Аннотация. В статье представлен обзор основных проблем, актуализированных в докладах участников международной конференции, прошедшей в Белорусском государственном университете. Инициатором ее проведения стала кафедра конституционного права юридического факультета главного белорусского университета. Поводом для научного мероприятия международного значения послужил 30-летний юбилей Основного Закона Республики Беларусь. В ходе оживленной дискуссии ее участники обсудили не только конституционное правоприменение в Республике Беларусь и России, но и фундаментальные теоретико-методологические проблемы конституционализма. По результатам обсуждения актуализированных докладчиками

© Крупеня Е. М., Гаврилова Ю. В., 2024

разнообразных аспектов конституционализма в Республике Беларусь с учетом опыта Российской Федерации можно констатировать, что эвристически перспективной остается компаративистская исследовательская программа. Дополнительные эффекты использования страноведческого подхода в анализе конституционализма могут быть достигнуты при условии использования новейших достижений юриспруденции периода постнеклассики, основным маркером которой признаются метапредметность и междисциплинарность.

Ключевые слова: международная конференция; конституция; конституционализм; конституционная реформа, методологический плюрализм; междисциплинарность.

UDC 34

E. M. Krupenya

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
krupenyaem@mgpu.ru

Yu. V. Gavrilova

Moscow S. U. Witte University,
Moscow, Russian Federation
u.v.gavrilova@gmail.com

CONSTITUTIONALISM IN THE FOCUS OF REGIONAL STUDIES DEVELOPMENT: EXPERIENCE, STATE, PROSPECTS (REVIEW OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE “BELARUSIAN CONSTITUTIONALISM: THEORY AND PRACTICE (ON THE 30TH ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF BELARUS)” (REPUBLIC OF BELARUS, MINSK, MARCH 5–6, 2024))

Abstract. The article presents an overview of the main problems updated in the reports of the participants of the International Conference held at the Belarusian State University on the initiative of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law. The reason for the scientific international importance event was the 30th anniversary of the Constitution of the Republic of Belarus. During a lively discussion, its participants discussed not only constitutional law enforcement in the Republic of Belarus and Russian Federation, but also fundamental theoretical and methodological problems of constitutionalism. From an interested discussion of various aspects of constitutionalism in the Republic of Belarus updated by the speakers, considering the experience of the Russian Federation, comes that the comparative research program remains heuristically promising. Additional effects of the country studies approach in the analysis of constitutionalism can be reached provided by the latest achievements of the post-non-classical jurisprudence using, the main markers of which are meta-subjectivity and interdisciplinarity.

Keywords: international conference; constitution; constitutionalism; constitutional reform, methodological pluralism; interdisciplinarity.

На площадке ведущего высшего учебного заведения Республики Беларусь — Белорусского государственного университета (далее — БГУ) — 5 и 6 марта текущего года прошла Международная научно-практическая конференция «Белорусский конституционализм: теория и практика» (далее — Конференция). Она была посвящена 30-летней годовщине принятия Основного Закона Республики Беларусь, неординарного для развития национальной правовой системы события.

География Конференции была представлена, прежде всего, на уровне Союзного государства. Это объясняется сохраняющимися контактами исследователей Республики Беларусь и Российской Федерации, общими традициями в юридическом образовании, прочными связями между российскими и белорусскими специалистами, обеспечивающими научное сопровождение конституционного правоприменения.

Обширная география экспертного сообщества из России представлена как столичными, так и региональными научными и образовательными организациями: например, МГУ им. М. В. Ломоносова, Саратовский университет, Пятигорский государственный университет, ЛГУ им. А. С. Пушкина, Байкальский государственный университет, Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Российский государственный университет правосудия, Институт государства и права РАН РФ, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Дагестанский государственный университет, Югорский государственный университет и др. Всего на Конференции было заявлено более 36 докладов исследователей из России, что составило более половины зафиксированных в программе Конференции тем сообщений. Среди них свои доклады представили сотрудники Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета (далее — МГПУ). Поскольку МГПУ и БГУ связывает договор о сотрудничестве, можно уверенно утверждать, что участие представителей профессорско-преподавательского состава, по крайней мере Института экономики, управления и права, в научных мероприятиях, организованных БГУ, приобрело свойство системности [3; 4].

Обширная география участников Конференции позволяет обоснованно констатировать, что ее тематика вызвала подлинный интерес у исследователей Союзного государства.

Теоретико-методологические аспекты конституционализма Союзного государства. Отличительной чертой Конференции стало то, что ее участники уделили должное внимание фундаментальным аспектам конституционализма — междисциплинарной проблемы в правоведении. К числу докладчиков, которые подтверждают это утверждение, обоснованно можно отнести авторов выступ-

лений, посвященных теоретико-методологическим и философско-правовым [6] вопросам конституционализма и конституционного права.

Показательным примером, по общему мнению, является доклад признанного авторитета в области конституционного права, заведующего кафедрой конституционного права МГУ им. М. В. Ломоносова С. А. Авакьяна. В ходе своих юбилейных размышлений видный российский ученый пришел к выводу о том, что понятийный ряд конституционного права отражает эволюционную динамику политических и научных идей. Он также акцентировал внимание на конструировании и (или) реформировании существующих институтов ведущей отрасли национального права с учетом накопленного опыта конституционного строительства в государствах и др.

Проблема, актуализированная в выступлении С. А. Авакьяна, разрабатывается и белорусскими коллегами, в частности К. Д. Сазоном, начальником кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь. На Конференции он представил результаты своих исследований на тему «Конституция Республики Беларусь: терминологический контекст». Дополнило группу выступлений, посвященных фундаментальным проблемам науки конституционного права, выступление профессора кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь В. И. Павлова, который поделился своими оригинальными мыслями относительно доктрины конституционного толкования в контексте полемики между правовым неореализмом и юридическим позитивизмом.

В контексте темы настоящей статьи уместным будет обратить внимание и на основные идеи доклада Н. А. Дородоновой, доцента кафедры конституционного и муниципального права МГЮА им. О. Е. Кутафина. Она предложила актуализировать проблему народовластия, феномен которого рассматривается в качестве фактора конституционного развития зарубежных государств.

Значительное число участников Конференции посвятили свои доклады и выступления в прениях аксиологическому измерению конституционализма в национальных правовых порядках Республики Беларусь и России. В ходе заинтересованного обсуждения должное внимание было уделено научной рефлексии по отношению к национальным ценностям — идейной основе конституционного правового порядка. Выступающие верно отмечали, что для успешного развития национальных правовых порядков необходимо не только достижение высоких социально-экономических и других показателей, но и наличие духовно-нравственных ориентиров, устойчивых моральных принципов, утрата которых может рассматриваться в качестве угрозы национальной безопасности.

В связи с изложенным выше стоит отметить, что проблемное поле конституционализма в ценностном измерении формировалось на основе таких сюжетов, как онтология (сущность) конституционных ценностей (С. В. Мирошник), конституционные ценности в связи с идеологической функцией государства (Г. Н. Комкова), традиционные ценности как идейные основания эволюции конституционализма в России и Республике Беларусь (Ю. В. Гаврилова),

универсализация ценностей в качестве первоосновы конституционализма (Т. В. Соколов), корреляции между ценностями и правовой культурой в сфере информационной безопасности государств (И. И. Костян) и др.

Ю. В. Гаврилова посвятила выступление анализу традиционных ценностей с точки зрения их значения для конституционного развития. Она обратила внимание на дискуссионные моменты, связанные с обновлением перечня конституционных ценностей в ходе конституционных реформ в Российской Федерации и Республике Беларусь и их соотношением с традиционными ценностями, рассматриваемыми в качестве основы развития общества.

В контексте фундаментальных проблем конституционализма уместно отметить темы, которые отражают изменения современной исследовательской программы в отношении основы конституционализма — конституции. Е. М. Крупеня обосновала своевременность разработки темы «Конституция в фокусе парадигмы новой сложности», которая поддерживается доминирующими трендами современной науки, востребованностью метапредметных и междисциплинарных связей в исследовании правовых явлений и процессов. Она аргументировала вывод о том, что уточнять, а также конструировать новое знание о конституции возможно на основе расширения исследовательской программы за счет привлечения ресурсов культурального подхода в парадигме новой сложности. Поскольку трудно абстрагироваться от того, что и конституция проектирует будущее народа и государства, логически верным будет признать творческое начало конституционных норм. Конституция не только учреждает правовые основы для художественной деятельности населения, устанавливает меру свободы творчества, определяет ее границы, но и сама выступает катализатором, активирующим созидательную энергию граждан государства и членов гражданского общества. Конституция — благодарный материал для созидания: абстрактный, всеобщий характер конституционных норм можно выразить художественными образами.

В контексте ценностного измерения конституционализма живой отклик у участников научной дискуссии вызвала тема детства. Это вполне объяснимо, поскольку дети — это вовсе не рядовые, а особые субъекты конституционно-правовых отношений, в зависимости от которых находится не просто достижение конституционного правопорядка, основанного на нормах конституций, но само будущее государства и общества.

В свете сказанного важно подчеркнуть, что тема детства обсуждалась в связи с проблемой реализации фундаментальных прав ребенка как специального субъекта (ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, ч. 3, 4 ст. 32 Конституции Республики Беларусь) и молодежи (ст. 321 Конституции Республики Беларусь). Роль молодежи в устойчивом развитии национальных правопорядков отметила в своем докладе В. В. Комарова. Она справедливо заметила, что необходимо обеспечивать взаимное доверие общества и государства на основе уважительного отношения граждан к закону и действиям государства.

Проблематика, раскрытая в выступлении В. В. Комаровой, стала лейтмотивом доклада Г. Н. Комковой, актуализировавшей проблему правового воспитания молодежи с идеологическими установками, которые на основе патриотизма обеспечат развитие государства, сохранение национальной идентичности общества [2, с. 65].

Динамика конституционализма: проблемные вопросы конституционного реформирования. Именно ценностные императивы — идейная основа национальных правопорядков — оказались в фокусе дискуссии относительно конституционных реформ в национальных правопорядках обоих субъектов Союзного государства. Большинство участников дискуссии пришли к мнению о том, что ценности, получившие закрепление в 80-х – 90-х годах прошлого века, не в полной мере способствовали необходимой консолидации общества в сложных исторических реалиях, обусловленных как внутренними, так и внешними вызовами. Обусловленные настоящим историческим моментом актуальные задачи, стоящие перед государствами — участниками Единого союзного государства, диктуют обновление ценностных и доктринальных оснований на базе преемственности, с одной стороны, и динамичного общественного развития в интересах народов — с другой.

Представители научного и педагогического сообщества Республики Беларусь в целом положительно оценили итог конституционных реформ, в том числе с точки зрения системы ценностей. Тем не менее при этом они подчеркнули, что процесс приведения национального законодательства в соответствие с конституционным текстом, выстраивание новой системы на основе принципа институционального и функционального разделения властей, взаимодействия государства и общества еще продолжается. В данном контексте интерес вызвали выступления А. Н. Шкляревского, обратившего внимание на конституционные реформы в Республике Беларусь в контексте конституционных изменений последних лет во многих странах и их последствия для граждан и государства в целом; В. М. Бекеты, затронувшего вопрос о роли Национального центра правовой информации Республики Беларусь в условиях обновления законодательных актов, значении развития цифровой среды взаимодействия общества и государства для укрепления правового государства и развития гражданского общества. Отдельно отметим яркое выступление Г. А. Василевича (БГУ), который констатировал пять этапов модернизации конституционной системы Республики Беларусь в контексте модернизации политической системы белорусского общества, охарактеризовал их и поделился результатами своего исследования в отношении произошедших изменений.

По мнению участников дискуссии относительно итогов конституционной реформы в Российской Федерации, однозначные результаты подводить рано, поскольку требуется качественный анализ последствий произошедшего выбора с точки зрения гарантий стабильности в государстве, с одной стороны, и реализации прав человека и гражданина — с другой.

Отдельный блок вопросов, обсуждаемых на Конференции, составили разные аспекты цифровизации и новой цифровой реальности, которая создает возможности и порождает угрозы в сфере конституционно-правовых отношений, о чем можно судить на основе выступлений, раскрывающих разные аспекты проблемы: от научно-теоретической основы до особенностей правового регулирования на каждой его стадии. В развернувшейся дискуссии можно отметить несколько проблем:

– цифровая безопасность в контексте взаимодействия личности и государства, обеспечения права на информацию, свободы слова и влияния новых информационно-коммуникационных технологий на правовую культуру граждан (Л. А. Тхабисимова);

– угроза индивидуальным свободам в условиях становления нового социокультурного типа личности — сетевого человека (*англ.* homodigital) и нейронета (О. Э. Старовойтова);

– трансформация системы субъектов права и определения правосубъектности систем искусственного интеллекта (П. В. Соловьев).

Трудно остаться в стороне от злободневного вопроса о конституционном реформировании общества и государства и вовлеченности в этот процесс граждан государства, реализации и гарантиях их прав и свобод [5, с. 59–65] в связи с новой цифровой реальностью и широким использованием искусственного интеллекта: доступ к информации, свобода слова, становление сетевого человека, перемещение государственных функций в цифровую среду, появление электронных юридических лиц, электронных должностных лиц, перспективы развития электронных технологий в области избирательного права и мониторинга социально-правовой активности и др. Стоит поддержать А. В. Шапошникова, который верно обратил внимание на то, что с позиции внедрения электронных технологий в избирательный процесс Россия (опыт Москвы показателен) занимает лидирующие позиции, по сравнению с другими странами, которые используют такого рода технологии. Выступающие были едины во мнении о том, что положительный эффект от внедрения информационных технологий не исключает новые угрозы [1, с. 74].

В заключение отметим, что изложенные выше, а также иные аспекты конституционализма¹, которые обсудили на Конференции, получают перспективы дальнейшей успешной научной разработки благодаря эвристическим возмож-

¹ Стоит дополнительно отметить темы, посвященные социальной ответственности (О. Г. Станкевич «Активность и инициатива как признаки социально ответственного поведения субъектов правовых отношений»), возможности использования методики количественного измерения конституционных положений (С. В. Праскова «Конституционное регулирование территории Республики Беларусь: 30 лет стабильности»), юридической технике в контексте соблюдения требований единства, точности, определенности и устойчивости конституционной терминологии (К. Д. Сазон «Конституция Республики Беларусь: терминологический контекст»), применения разных видов международно-правовых источников в современной России (В. Н. Лисица «О применении международно-правовых источников в российской правовой системе в свете последних изменений Конституции Российской Федерации») и др.

ностям компаративистской исследовательской программы. Дополнительные эффекты использования страноведческого подхода в анализе конституционализма, его онтологии, статики и динамики в национальных правовых системах Республики Беларусь и России могут быть достигнуты при условии использования новейших достижений юриспруденции периода постнеклассики, основными маркерами которой признаются метапредметность и междисциплинарность.

Список источников

1. Бондарчук И. В., Руденко А. В., Стрельникова И. Ю. Цифровизация нормотворческой деятельности в условиях информационного общества // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 4 (48). С. 72–85.

2. Роль правовой социализации и формирования конституционной культуры в системе патриотического воспитания студенческой молодежи / Н. Е. Борисова, Ю. В. Гаврилова, Т. В. Корчагина, М. В. Пономарев // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 4 (52). С. 64–76.

3. Крупеня Е. М. Комплексные отрасли законодательства: проблемы теории и практики в национальных правовых системах (обзор круглого стола с международным участием (Минск, 17 марта, 2023)) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 4 (52). С. 121–127.

4. Крупеня Е. М., Смолина И. Г. К вопросу о понимании социального государства: из опыта международного диалога (обзор Международной научно-практической конференции «Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях» (Минск, 3–4 октября 2019 г.)) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2020. № 1 (37). С. 99–103.

5. Толкачев К. Б. Гуманистические начала в российском и зарубежном конституционном праве // Государство и право. 2023. № 12. С. 59–65.

6. Эбзеев Б. С. Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии // Государство и право. 2023. № 12. С. 21–39.

References

1. Bondarchuk I. V., Rudenko A. V., Strel'nikova I. Yu. Cifrovizaciya normotvorche-skoj deyatel'nosti v usloviyax informacionnogo obshhestva // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2022. № 4 (48). S. 72–85.

2. Rol' pravovoj socializacii i formirovaniya konstitucionnoj kul'tury` v sisteme patrioticheskogo vospitaniya studencheskoj molodezhi / N. E. Borisova, Yu. V. Gavrilo-va, T. V. Korchagina, M. V. Ponomarev // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2023. № 4 (52). S. 64–76.

3. Krupenya E. M. Kompleksny'e otrasli zakonodatel'stva: problemy` teorii i praktiki v nacional'ny`x pravoporyadkax (obzor kruglogo stola s mezhdunarodny`m uchastiem (Minsk, 17 marta, 2023)) // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2023. № 4 (52). S. 121–127.

4. Krupenya E. M., Smolina I. G. K voprosu o ponimanii social'nogo gosudarstva: iz opy`ta mezhdunarodnogo dialoga (obzor Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konfe-rencii «Konstitucionno-pravovy`e osnovy` razvitiya Respubliki Belarus` kak social'nogo gosudarstva v sovremenny`x usloviyax» (Minsk, 3–4 oktyabrya 2019 g.)) // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2020. № 1 (37). S. 99–103.

5. Tolkachev K. B. Gumanisticheskie nachala v rossijskom i zarubezhnom konstitucionnom prave // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 12. S. 59–65.

6. E`bzeev B. S. Konstituciya kak yuridicheskaya model` social`noj konvergentnoj tehnologii // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 12. S. 21–39.

Статья поступила в редакцию: 12.05.2024;
одобрена после рецензирования: 20.06.2024;
принята к публикации: 28.06.2024.

The article was submitted: 12.05.2024;
approved after reviewing: 20.06.2024;
accepted for publication: 28.06.2024.



УДК 34

Н. Е. Борисова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
ne0609@bk.ru

С. В. Пашенцева

Покровский филиал Московского педагогического государственного университета,
Покров, Российская Федерация,
sp10-73@mail.ru

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ КОНГРЕСС «НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕРАФИМА ВЛАДИМИРОВИЧА ЮШКОВА»

Аннотация. В статье представлен обзор состоявшегося 23–24 мая 2024 года в Саратове IV Международного историко-правового конгресса «Научное наследие Серафима Владимировича Юшкова». Организаторами мероприятия выступили Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и Саратовская государственная юридическая академия. В обзоре проанализирована содержательная сторона выступлений, прозвучавших на пленарном заседании конференции. Показаны основные идеи, касающиеся творческой адаптации научного наследия С. В. Юшкова в современной историко-правовой науке. Подчеркивается роль истории государства и права в современных условиях.

Ключевые слова: международный конгресс; историко-правовая наука; Серафим Владимирович Юшков; научная конференция; история права.

UDC 34

N. E. Borisova

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
ne0609@bk.ru

S. V. Pashentseva

Pokrovsky branch of the Moscow State Pedagogical University,
Pokrov, Russian Federation,
sp10-73@mail.ru

IV INTERNATIONAL HISTORICAL AND LEGAL CONGRESS “SCIENTIFIC HERITAGE OF SERAFIM VLADIMIROVICH YUSHKOV”

Abstract. The article presents an overview of the IV International Historical and Legal Congress “Scientific Heritage of Serafim Vladimirovich Yushkov” held on May 23–24, 2024 in Saratov. The event was organized by the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation and the Saratov State Law Academy. The review analyzes the substantive side of the speeches made at the plenary session of the conference. The main ideas concerning the creative adaptation of S. V. Yushkov’s scientific heritage in modern historical and legal science are shown. The role of the history of the state and law in modern conditions is emphasized.

Keywords: international congress; historical and legal science; Serafim Vladimirovich Yushkov; scientific conference; history of law.

В современных условиях важное значение приобретает историческое просвещение, что инициирует повышенный интерес к мероприятиям историко-правовой направленности [1; 2]. Одним из таких мероприятий, собравших ученых — историков права со всей страны, стал IV Международный историко-правовой конгресс «Научное наследие Серафима Владимировича Юшкова», проходивший в форме пленарного и секционных заседаний. В его работе приняли участие ученые из тридцати одного субъекта Федерации, а также из пяти зарубежных государств.

Модераторами пленарного заседания выступили директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Т. Я. Хабриева и ректор Саратовской государственной юридической академии Е. В. Ильгова. Во вступительном слове Т. Я. Хабриевой было отмечено значение историко-правового знания, подчеркнута роль С. В. Юшкова в развитии истории государства и права, отмечено, что место проведения конгресса выбрано неслучайно, так как с Саратовом связан определенный период в жизни и научного творчества С. В. Юшкова.

С приветствием к участникам Конгресса обратился ряд ученых и государственных деятелей, в том числе присутствовавший на мероприятии губернатор Саратовской области Р. В. Бусаргин, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе И. А. Комаров, председатель Саратовской областной думы М. А. Исаев, председатель Российского исторического общества С. Е. Нарышкин, директор Института археологии РАН, вице-президент РАН Н. А. Макаров, директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров, ректор Саратовского университета А. Н. Чумаченко и др.

С первым докладом на пленарном заседании выступил заместитель министра науки и высшего образования Российской Федерации, сопредседатель Российского исторического общества К. И. Могилевский. Он отметил, что в настоящее время основой государственной политики является историческое просвещение, которое должно развиваться на базе достоверного научного знания.

В докладе председателя Комитета Государственной думы Российской Федерации по науке и образованию С. В. Кабышева подчеркивалось, что перед юридической наукой стоит принципиальная задача — разработка правовой парадигмы суверенного цивилизационного развития российской государственности на основе четкого понимания ее предпосылок и приоритетов, основанных на осознании сохранения национальной и государственно-правовой идентичности.

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Д. А. Пашенцев в докладе «Научное наследие Серафима Владимировича Юшкова: концептуальные основания и современное значение» выделил и раскрыл четыре этапа в развитии историко-правовой науки, показал особенности каждого из них, подчеркнул роль Юшкова в становлении советского этапа [3]. Докладчик обозначил перспективные направления развития историко-правовой науки на современном этапе, в том числе связанные с междисциплинарностью и антропологическим поворотом в гуманитарном знании. В качестве предмета возможной дискуссии была названа историко-антропологическая теория права, объединяющая некоторые идеи представителей немецкой исторической школы права с современным антропоцентризмом как направлением постклассической юриспруденции.

Проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор В. Н. Синюков затронул в докладе вопрос о концептуализации русской правовой традиции. Он подчеркнул, что древнерусский этап развития отечественной правовой культуры определяет многие последующие черты и явления российского права, в связи с чем он нуждается в новом осмыслении с позиций современного понимания последующей правовой истории. Докладчик также отметил, что методология анализа Русской Правды как памятника раннефеодального права в определенной мере устарела, что в значительной мере нивелирует историческую специфику формирования русской правовой традиции.

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А. И. Ковлер предложил использовать обоснованные С. В. Юшковым методологические подходы, касающиеся возможности исследовать новые формы общественного устройства с точки зрения их обусловленности предшествующими формами. Докладчик продемонстрировал это на примере эволюции современного конституционализма.

Директор Юридического института правосудия адвокатуры, заведующий кафедрой истории государства и права Саратовской государственной юридической академии С. Н. Туманов представил подробный доклад о жизни и научном творчестве Серафима Владимировича Юшкова, сделав акцент на саратовском периоде. Он отметил, что становление научной школы историков права в Саратовской государственной юридической академии теснейшим образом связано с именем этого выдающегося ученого.

Доктор юридических наук, профессор А. А. Дорская в докладе «Серафим Владимирович Юшков и дореволюционные традиции историко-правовой науки» показала, что Юшков в своем творчестве поддерживал и развивал те научные традиции, которые сложились еще до 1917 года. Среди них — тщательное изучение архивных источников, в том числе относившихся к церковному праву, включение в исследования обширных историографических обзоров, применение диахронного и синхронного срезов в рамках сравнительно-правового метода, особое внимание к истории законодательств славянских народов.

Декан юридического факультета Курского государственного университета Т. Н. Ильина в докладе «Концепция истории государства и права С. В. Юшкова» отметила, что С. В. Юшкова принято считать основателем науки истории государства и права. До него комплексного системного знания об эволюции развития государства и права в их взаимосвязи и взаимообусловленности не было. Идея С. В. Юшкова об объединении истории государства и истории права в одну науку (и учебную дисциплину) во многом основывается на марксистской концепции правопонимания. Ученый очертил контуры будущей науки истории государства и права как совокупности трех важнейших составляющих: общественное устройство, государственное устройство и право.

Т. Ф. Ящук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ОмГУ им. Ф. М. Достоевского обратила внимание на основные направления институционализации науки истории государства и права в советский период, к которым отнесены формирование профессионального сообщества, введение в учебные программы юридических вузов дисциплин историко-правового содержания, развитие научной доктрины. С. В. Юшков играл заметную роль в каждом из указанных направлений.

Профессор кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института РУДН М. В. Немытина констатировала важное значение правильного определения предметной области историко-правовой науки и связанного с ней комплекса учебных дисциплин. Историко-правовое знание следует отделять от исторического знания. В соответствии с концепцией

С. В. Юшкова материал курса «Истории государства и права СССР» излагался таким образом, что по каждому периоду рассматривалась триада: «общественный строй – государственный строй – право». Основатель кафедры истории государства и права в Саратовском юридическом институте им. Д. И. Курского профессор Б. В. Виленский использовал систему построения курса, разработанную С. В. Юшковым, которого считал своим учителем.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Омской академии МВД России М. А. Кожевина отметила, что жизнь Юшкова как ученого находится между двух эпох отечественной историко-правовой науки, как остров между двумя берегами одной реки. С одной стороны, он воспитан дореволюционной школой истории русского права, с другой — вовлечен в процесс создания новой советской науки истории государства и права СССР. Поэтому можно выделить две параллельно существующие линии научного интереса ученого. Одна из них — Древняя Русь [4], другая — формационная концепция исторического развития СССР.

В рамках конгресса были проведены три секции: «С. В. Юшков и отечественная историко-правовая школа: вековая история становления и развития»; «Защита исторической памяти — актуальная задача историко-правовой науки»; «Судебная реформа 1864 года в трудах историков права (к 160-летию Судебной реформы и 180-летию А. Ф. Кони)», а также круглый стол «История государства и права глазами молодых ученых».

В рамках конгресса была проведена панельная дискуссия «Историко-правовые школы Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и Саратовской государственной юридической академии: история и перспективы развития».

По итогам историко-правового конгресса была принята декларация, в которой предложено продолжить изучение отечественного историко-юридического наследия, развивать и укреплять сотрудничество с представителями юридических и иных наук, проводить междисциплинарные историко-теоретические, сравнительно-исторические и иные исследования, обмениваться результатами проведенных исследований, с помощью научного историко-правового знания способствовать укреплению в обществе патриотизма, гражданской идентичности, сохранению исторической памяти.

Список источников

1. Борисова Н. Е., Корчагина Т. В. История государства и права в условиях перехода к новой научной методологии (обзор II Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 г.) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 3 (51). С. 138–145.

2. Михайлова Н. В. Обзор Всероссийской научной конференции «Историческое и историко-правовое знание как основа конструирования новой социально-политической реальности» // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 1 (53). С. 110–116.

3. Пашенцев Д. А., Залоило М. В. Профессор Серафим Владимирович Юшков — основоположник науки истории государства и права // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 8. С. 150–163.

4. Пашенцев Д. А., Залоило М. В. Вклад Серафима Владимировича Юшкова в историко-правовую науку в оценках его современников // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. Т. 64, № 4. С. 210–220.

References

1. Borisova N. E., Korchagina T. V. Istoriya gosudarstva i prava v usloviyakh perexoda k novej nauchnoj metodologii (obzor II Vserossijskogo foruma istorikov prava, Sankt-Peterburg, 9–10 iyunya 2023 g.) // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2023. № 3 (51). S. 138–145.

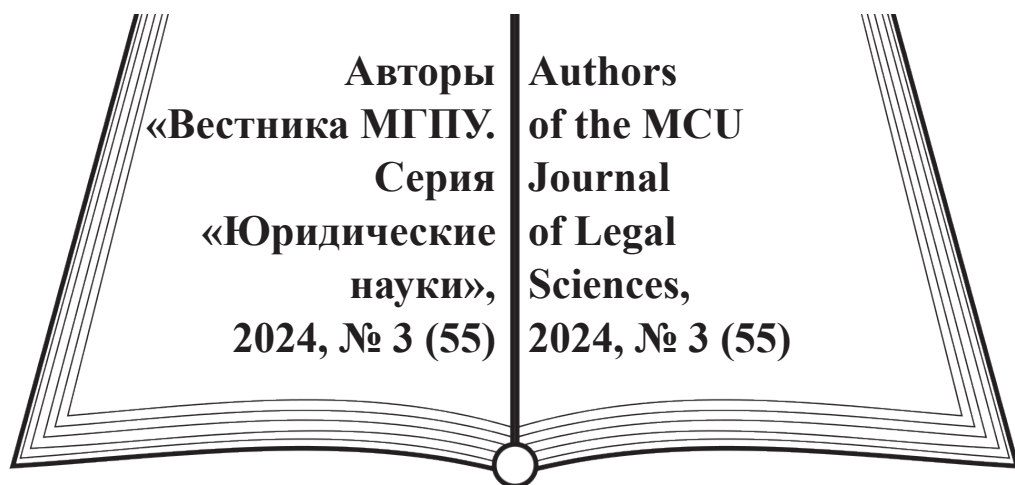
2. Mixajlova N. V. Obzor Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Istoricheskoe i istoriko-pravovoe znanie kak osnova konstruirovaniya novej social'no-politicheskoj real'nosti» // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2024. № 1 (53). S. 110–116.

3. Pashencev D. A., Zaloilo M. V. Professor Serafim Vladimirovich Yushkov — osnovopolozhnik nauki istorii gosudarstva i prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. Т. 27, № 8. S. 150–163.

4. Pashencev D. A., Zaloilo M. V. Vklad Serafima Vladimirovicha Yushkova v istoriko-pravovuyu nauku v ocenках ego sovremennikov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2023. Т. 64, № 4. S. 210–220.

Статья поступила в редакцию: 12.05.2024;
одобрена после рецензирования: 20.06.2024;
принята к публикации: 28.06.2024.

The article was submitted: 12.05.2024;
approved after reviewing: 20.06.2024;
accepted for publication: 28.06.2024.



Борисова Наталья Евгеньевна — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Borisova Natalya Evgenyevna — Doctor of Law, Professor, Professor of the Law Department of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: ne0609@bk.ru

Васильев Илья Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета.

Vasiliev Ilya Aleksandrovich — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg State University.

E-mail: i.vasilev@spbu.ru

Власова Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Vlasova Natalya Viktorovna — Candidate of Law, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: natasha.vlasova@rambler.ru

Гаврилова Юлия Вячеславовна — доцент кафедры публичного права Московского университета имени С. Ю. Витте.

Gavrilova Yulia Vyacheslavovna — Associate Professor of the Department of Public Law, Moscow S. U. Witte University.

E-mail: u.v.gavrilova@gmail.com

Емелина Людмила Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент Института государственной службы и управления Академии при Президенте Российской Федерации.

Emelina Lyudmila Anatolyevna — Candidate of Law, Associate Professor of the Institute of Public Administration and Management, The Presidential Academy.

E-mail: urconsul1@yandex.ru

Крупеня Елена Михайловна — доктор юридических наук, доцент, профессор департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Krupenya Elena Mikhailovna — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Law Department of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: krupenyaem@mgpu.ru

Кушко Мария Андреевна — младший научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Kushko Maria Andreevna — Junior Researcher of the Administrative Legislation and Process Department, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: marykush91@yandex.ru

Матчанова Зоя Шарифовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Matchanova Zoya Sharifovna — Candidate of Law, Associate Professor of the International Law Department, Herzen University.

E-mail: zoya2310@yandex.ru

Минеева Татьяна Германовна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Mineeva Tatyana Germanovna — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Lobachevsky University.

E-mail: t.mineeva@yandex.ru

Пашенцева Светлана Васильевна — кандидат исторических наук, доцент Покровского филиала Московского педагогического государственного университета.

Pashentseva Svetlana Vasilievna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Pokrovsky Branch of the Moscow State Pedagogical University.

E-mail: sp10-70@mail.ru

Романовская Вера Борисовна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Romanovskaya Vera Borisovna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Lobachevsky University.

E-mail: vera_borisovna@mail.ru

Рязанцева Екатерина Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, начальник департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Ryazantseva Ekaterina Anatolyevna — Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Law at the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: rayzancevae@mgpu.ru

Стебаев Александр Александрович — аспирант кафедры интеллектуальных прав Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Stebaev Aleksandr Aleksandrovich — Postgraduate Student of the Department of the Intellectual, Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

E-mail: tvoyiurist@mail.ru

Столярчук Михаил Владимирович — аспирант кафедры частноправовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Stolyarchuk Mikhail Vladimirovich — Postgraduate Student of the Department of Private Law Disciplines, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: smv.krd@gmail.com

Яворский Сергей Анатольевич — соискатель Академии при Президенте Российской Федерации.

Yavorsky Sergey Anatolyevich — Co-applicant to the Presidential Academy.

E-mail: 491899@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия „Юридические науки“», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными редакционным советом университета:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- классификационные индексы Универсальной десятичной классификации — УДК (выравнивание по левому краю);
- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- сведения об авторе (выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).
- благодарности (при необходимости) организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском языке и транслитерированным, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения [Электронный ресурс] // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В начале статьи (после аннотации на русском языке) приводятся на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: pashencevda@mgpu.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия „Юридические науки“», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
...a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2024, № 3 (55)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

М. С. Голяндина

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4

Телефон: 8-499-181-50-36

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 22.10.2024 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 8 печ. л. Тираж: 1000 экз.